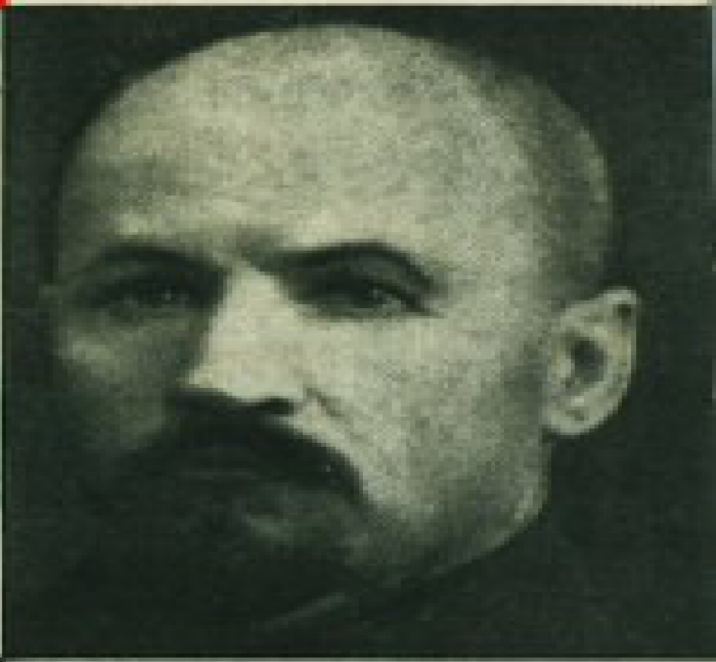
ГАВЕН



В. Бараненко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Документальная биография революционера Юрия Петровича Гавена.

Иллюстрированное издание 1967 года из серии «Жизнь замечательных людей».

- Виктор Еремеевич Баранченко
  -
  - ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
  - ОТ АВТОРА
  - НАЧАЛО ПУТИ
  - 1905 ГОД
  - «ЛЕСНЫЕ БРАТЬЯ»
  - 1907 ГОД
  - ОТ АРЕСТА ДО ПРИГОВОРА
  - РИЖСКИЙ ЦЕНТРАЛ
  - ВОЛОГОДСКАЯ КАТОРГА
  - ЕНИСЕЙСКАЯ ССЫЛКА
  - ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ
  - РЕВОЛЮЦИЯ В КРЫМУ
  - ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА
  - ОБОРОНА НА АЛЬМЕ
  - 1919 ГОД
  - СОВЕТСКИЙ КРЫМ
  - ГОЛОД
  - 1924 ГОД
  - ГОДЫ В МОСКВЕ
  - ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА
  - УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН
  - ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11

- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19

Виктор Еремеевич Баранченко
ГАВЕН

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В годы революционного подполья, в ссылке, а затем и после Октябрьской революции мне приходилось встречаться со многими латышами — старыми большевиками, бывшими политкаторжанами и ссыльными. Юрий Гавен занимал среди них видное место. Я узнала его со времени ссылки на Енисее. Покалеченный царскими тюремщиками на каторге, передвигаясь на костылях, он с начала первой мировой войны становится одним из организаторов большевистского подполья ссыльных, ведет антивоенную агитацию среди солдат, организует большевистские ячейки, печатает прокламации в типографии, где он работает, возглавляем стачки красноярских и минусинских печатников.

В Февральскую революцию Гавена избирают председателем Минусинского комитета большевиков, руководителем Совета депутатов, редактором большевистской газеты «Товарищ». В сентябре 1917 года Среднесибирский съезд Советов делегирует его в Петроград на Демократическое совещание. В канун Октябрьской революции, работая в ЦК партии, мы с Я. М. Свердловым направили Юрия Гавена в Севастополь на Черноморский флот. Помнится, что туда были посланы также Жан Миллер, Карл Зедин и другие старые товарищи Гавена по революции 1905 года.

В невероятно трудных условиях Ю. Гавен с честью справился с заданием ЦК партии. Крымским большевикам с его участием удалось в короткий срок идейно и политически разгромить меньшевиков, эсеров и анархистов, ликвидировать их былое влияние в массах моряков, солдат и рабочих, свергнуть Курултай, разгромить офицерские и татарские контрреволюционные части и установить Советскую власть во всем Крыму.

Позднее мне приходилось не раз встречаться с Юрием Гавеном в Москве в годы работы в МОПР, деятельности которого ЦК РКП и Коминтерн придавали исключительно большое значение Ю П. Гавен был активным членом ЦК МОПР, делегированным советом Общества старых большевиков Являясь членом президиума Госплана СССР, он находил время и силы для большой мопровской работы, принимал участие и в деятельности обществ политкаторжан и старых большевиков.

В книге Виктора Еремеевича Баранченко, в которой описывается жизнь и революционная деятельность Юрия Петровича Гавена, на широком фоне исторических революционных событий полностью отражается биография этого

старого большевика, кратко освещаются биографии многих самоотверженных борцов за дело рабочего класса, отважных коммунистов — людей высокой коммунистической морали.

В строго документальном очерке В. Е. Баранченко прав диво и доходчиво описаны эпизоды борьбы революционного подполья, жизнь и борьба политических каторжан и ссыльных, показано, как большевики, не замыкаясь в узких интересах в каторжной неволе, горячо воспринимали все события в стране, не порывали связи с волей, не теряли веру в победу революции. На подлинных фактах показаны интернациональное братство и совместная борьба большевиков разных национальностей — русских, латышей, поляков, армян и других.

Значение такой книги несомненно: она помогает на славных традициях нашей партии воспитывать молодежь в духе ленинизма, пролетарского интернационализма, мужественными борцами за победу коммунизма, за единство мирового коммунистического движения. На мой взгляд, эта книга должна быть издана не только на русском языке, но и на латышском языке и широко распространена как имеющая большое познавательное и воспитательное значение.

Елена Стасова,
член КПСС с 1898 года
Москва, август 1965 года

ОТ АВТОРА

Документальная биография Юрия Петровича Гавена рождена глубокой уверенностью в том, что в интересах Коммунистической партии сделать его имя общеизвестным, его революционную работу примером для поколений молодежи. Гавен был одним из славной когорты старых большевиков, которые с момента образования партии составляли ее костяк, одним из тех, кто был лично известен В. И. Ленину. Речь идет об одном из скромных героев, вынесших на своих плечах все репрессии царизма, все тяготы революции, гражданской войны, первых пятилеток.

Работу автора одобрили и поощрили старейшие члены КПСС: Елена Дмитриевна Стасова, Федор Николаевич Петров и Совет литературного объединения старых большевиков при Союзе писателей, где рукопись обсуждалась и нашла единодушную поддержку.

На ранних стадиях работы рукопись подвергалась критике со стороны компетентных рецензентов. Наряду с указаниями на неточности, литературные и другие недостатки, которые автор стремился устранить в дальнейшей работе, все они сошлись на одном: Ю. П. Гавен достоин того, чтобы о нем была издана правдивая книга.

Описать образ Гавена, охарактеризовать его роль в революции можно было только на фоне важных событий. В меру этой необходимости мы коснулись ряда исторических фактов, воскрешали в памяти некоторые поучительные эпизоды из жизни героя.

Личное знакомство с Гавеном, совместная работа в Крыму (1918–1924 гг.), затем встречи в Москве в Крымском землячестве, Обществе политкаторжан и на собраниях городского партийного актива оказались явно недостаточными для работы над его биографией. Помимо всего этого, в основу книги легли документы и материалы центральных и местных архивов, протоколы съездов и партийных конференций, воспоминания участников событий, а также пресса, историко-революционные вестники, сборники документов, биографические справочники и другие. Много места уделено воспоминаниям, докладам, многочисленным статьям самого Ю. П. Гавена.

Исследованные архивные документы и литературные источники дополнены и оживлены личными воспоминаниями оставшихся в живых старых товарищей Гавена, а также его родных. Всем им приношу искреннюю благодарность. Считаю своим долгом выразить особую признательность бывшим

делегатам V Лондонского съезда партии: Н. Н. Накорякову, Д. Н. Бассалыго, Е. А. Киселеву, И. В. Шаурову; бывшим деятелям революции в Крыму: И. Ф. Федосееву, И. М. Полонскому, С. М. Мирному, И. Ф. Скорику, В. С. Чистякову, а также товарищам-латышам, знавшим Гавена: Л. П. Креслин, Я. П. Бирзгалу, А. К. Лынтину, В. Я. Тальберг и другим, оказавшим мне существенную помощь советом и критикой.

В. Б а р а н ч е н к о

НАЧАЛО ПУТИ

Вначале семидесятых годов прошлого века батрак Эрнест Дауман, молодой человек отменного здоровья и трудолюбия, взял в аренду у городской управы Риги небольшой участок заболоченной земли с домиком на хуторе, почти у самого леса, неподалеку от Бикерниесской церкви. Он неутомимо трудился на своем участке, рыл канавки и стоки, осушал и культивировал землю, расчищая ее от пней и кустарника, холил и выхаживал каждую пядь. Потом он по частям выкупил у города свое хозяйство. На первый взнос пошло скромное приданое жены. Миловидная умница Готлиба (Либа) не уступала мужу в трудолюбии и была замечательной хозяйкой. Дауманов знали по всей округе как людей справедливых и независимых.

Ян Эрнестович Дауман (будущий Юрий Гавен) родился 18 марта 1884 года, пятым из восьми братьев. Девятой была девочка. Ян с малых лет был приучен к труду. Он рос смышленым, наблюдательным, пытливым и чутким пареньком.

Сыновья подрастали, и казалось, жизнь на хуторе должна была наладиться с их помощью. Однако положение крестьянства в Прибалтике было очень тяжелым. Классовые отношения все более обострялись, и причин этому было немало. Тысяча с небольшим помещиков владела половиной земли, почти всеми лесами, пастбищами, мельницами; им же принадлежало монопольное право охоты и рыболовства. Баронские поместья достигали огромных размеров: у фон Фриксов — 80 тысяч десятин, у Остен-Сакенов — 90 тысяч, у фон Беров — более 160 тысяч, у фон Вольфа — в 36 имениях — около 200 тысяч и т. п. Еще одну десятую земли составляли казенные и пасторатные владения.

Помещичьи владения в Лифляндии и Курляндии занимали почти три миллиона десятин самых лучших земель, а миллион с лишним крестьян имели всего два с половиной миллиона десятин земли. Притом четыре пятых крестьянской земли составляли владения кулачества, «серых баронов». В хозяйствах кулаков имелось в среднем до 20 голов рогатого скота, по нескольку лошадей, сельскохозяйственные машины. В каждом хозяйстве работало не менее трех батраков. В помещичьих и кулацких хозяйствах края трудилось 500 тысяч батраков и безземельных крестьян-испольщиков. В крестьянском хозяйстве с пятью десятинами, как ни трудись, невозможно было сводить концы с концами. У Эрнеста Даумана было немногим больше шести десятин на стольких же едоков.

Батраку платили не более 100 рублей в год, батрачке — 50 рублей, с хозяйскими харчами. Самое большее — полтинник в день — составляла плата батраку в крупных поместьях. Причем батраки получали плату большей частью натурой; так сочеталась капиталистическая эксплуатация с чисто крепостнической. Широко практиковались отработки, оброк, трудовая и гужевая повинности, безвозмездный труд крестьян на дорожных и строительных работах в пределах поместий, разорительная арендная плата и другие пережитки крепостничества.

Остзейские бароны, среди которых было немало царедворцев, пользовались большими привилегиями. Они установили свое владычество во всем административном аппарате Лифлянд-ской и Курляндской губерний. Это было как бы продолжением семисотлетнего немецкого ига, и народ с ненавистью относился к наследникам псов-рыцарей.

К тому времени в латышском крае выросла относительно развитая промышленность, в которой иностранный капитал составлял большую долю. Почти треть всех рабочих была занята на крупных предприятиях (с числом рабочих более тысячи) — машиностроительных, судостроительных, вагоностроительных. Свыше половины рабочих сосредоточилось на крупных заводах. При этом более двух третей всей промышленности находилось в Риге. Через Рижский, Либавский и другие порты Прибалтики шла большая часть внешней торговли России. В портах и коммерческом флоте работало много грузчиков, торговых моряков, механиков и кочегаров.

Заработная плата заводского рабочего не превышала рубля в день при десяти-двенадцатичасовом рабочем дне. В легкой и пищевой промышленности заработок был много меньше, а рабочий день еще длиннее. Женский труд оплачивался почти в половинном размере оплаты труда мужчин, а труд подростка — в одну четверть. И не было никакого закона об охране труда рабочих, о санитарии на производстве, никакой фабричной медицинской помощи, а тяжелое положение рабочих на мелких фабриках и в кустарном промысле еще больше обостряло классовую борьбу, стимулировало рост самосознания трудящихся, усиливало жажду открытой борьбы против самодержавия, против помещиков и капиталистов.

Назревал революционный взрыв.

Дауманы жили небогато. На шести десятинах с такой большой семьей не развернешься. Старший из братьев — Екабс — мечтал стать люряком. По окончании городского училища он

бежал из дому и поступил юнгой на парусник. Затем стал матросом на кораблях дальнего плавания. Не раз побывал он в Амстердаме, Гамбурге, Антверпене, Лондоне, Ливерпуле, Нью-Йорке и других крупнейших портах мира. Вернувшись, он попросил прощения у родителей, которые не очень охотно дали согласие на его поступление в Рижское Мангельское мореходное училище. Но когда Екабс стал штурманом дальнего плавания, родители гордились им.

Вскоре на эту дружную семью обрушилось большое горе. Умер отец семьи Эрнест Дауман. Главным мужчиной в хозяйстве вместо отца стал второй сын — Эрнест, а младшие братья учились в Бикерниесском приходском училище и помогали по хозяйству. Либа не хотела, чтобы мальчики бросили школу.

В 1898 году в Бостоне (США) Екабс познакомился и подружился с эмигрантом-латышом, рабочим Давидом Бунджем, издателем журнала «Аусеклис» («Утренняя заря»), Одним из пионеров рабочего движения в латышском крае. С того времени Екабс стал доставлять в Ригу из-за рубежа нелегальную революционную литературу. Помимо нее, штурман Екабс Дауман привез и твердую решимость включиться в борьбу против самодержавия. В начале мая 1899 года Екабс Дауман был участником знаменитого рижского бунта, одним из организаторов майской стачки рабочих порта и матросов торгового флота.

Для Яна старший брат Екабс стал первым наставником и примером. Он сам мечтал быть моряком. В каждый приезд домой Екабс в кругу семьи рассказывал о жизни и борьбе рабочих в других странах. Екабс часто говорил младшим братьям о положении трудящихся в России, во всей Прибалтике. Екабс был почти на девять лет старше Яна, но беседовал с ним как с равным и как с единомышленником. Это поощряло любознательного и энергичного Яна.

5 мая 1899 года пятнадцатилетний Ян впервые принял участие в манифестации рабочих в Александровском саду. На его глазах полицейские и солдаты открыли огонь по безоружным демонстрантам и бросились в штыки на женщин, стариков и подростков. Было убито 5 рабочих и 21 тяжело ранен, из них 7 человек получили штыковые ранения. Ян был потрясен, увидев заколотую насмерть работницу джутовой фабрики Лавизу Карклин.

6 мая несколько тысяч рабочих собрались на улице Матиаса возле полицейского участка и потребовали освобождения арестованных накануне. Завязавшаяся стычка закончилась

разгромом полицейского участка. В ночь на 8 мая братья Дауман были среди тысячи рабочих, собравшихся в парке «Аркадия» и решивших бастовать в знак протеста против расстрелов и арестов. Со слов Екабса Ян потом узнал, как в ходе стачки, начавшейся 11 мая, рабочие громили полицейские участки и фабрики. Волнения продолжались до 18 мая. Всего в те дни погибло 93 человека и 68 были тяжело ранены.

Летом 1900 года Екабс Дауман вышел в плавание капитаном старого, изношенного парохода «Юпитер». В сильную бурю старенький «Юпитер» пошел ко дну у датских берегов. Тело капитана Даумана выбросило на остров Коеринг, где он и был похоронен.

По окончании Бикерниесского церковноприходского училища Ян поступил в Мангельское мореходное училище, которое кончал и Екабс. Но по настоянию матери, остро переживавшей гибель своего первенца, Ян оставил мореходное училище и распрощался с юношеской мечтой. Надо было найти более спокойную профессию.

В 1901 году Ян при помощи своего школьного учителя Карла Яунзема поступает в Прибалтийскую учительскую семинарию в Кулдиге. В учительские семинарии шли самые демократические слои молодежи. Строгий режим в семинарии и насаждаемый там монархический дух не могли воспрепятствовать росту революционных настроений будущих учителей. В Кулдигской семинарии Ян сразу примкнул к нелегальному социал-демократическому кружку, а в начале 1902 года был принят в члены социал-демократической организации. Семинарский марксистский кружок имел свою библиотечку; библиотекарем был избран Дауман. Примерно с этого времени началась организаторская и пропагандистская деятельность Яна Даумана.

В «царский» день 6 декабря 1902 года семинаристы вместо гимна «Боже, царя храни» демонстративно запели революционные песни на латышском языке. Ян Дауман был исключен из семинарии как зачинщик этого неслыханного в стенах семинарии святотатства и как неблагонадежный, оказывающий «плохое» влияние на учащихся. Однако исключение Яна из семинарии было всего лишь каплей в широком потоке репрессий, обрушившихся на учащуюся молодежь, В том же году было исключено еще несколько семинаристов, а в начале февраля 1903 года исключили массу студентов из Рижского политехнического института. Многих выслали из Риги, в том числе и Степана Шаумяна. Волнения среди студентов происходили в соседнем Дерптском (Юрьевском) университете и в других учебных заведениях края.

Почти с начала революционного пути Яна Даумана охранка, напуганная, по-видимому, брожением в студенческой среде, начинает преследовать его. Вскоре после изгнания Яна из семинарии и отбытия его из Кулдиги начальник Курлянд-ского жандармского управления полковник Кладо, отвечая на запрос и розыскной циркуляр департамента полиции, сообщал 13 декабря 1903 года: «По розыску в Гольдингемском уезде (Кулдигском. — В. Б.) Ян Дауман там не обнаружен. Тайно обысканы два других студента, заподозренные в связи с Яном Дауманом — Ян Ниедра и Карл Карклин, за которыми установлено наблюдение на случай явки Даумана к ним, а их переписка будет переслана на усмотрение прокурора С.-Петербургского судебного округа».

Как раз в это время Ян Дауман вместе с другими социал-демократами организует в Риге на бумажной фабрике Фейтля на Югле подпольный революционный кружок, в который вовлекает лучших, сознательных рабочих. Среди организаторов кружка был и преподаватель Рижского политехнического института Янис Приедит. В кружке участвовал младший брат Даумана — Ане, его школьный товарищ Альфред Афельд, сын мелкого крестьянина-арендатора Дрейлинской волости и другие их товарищи.

Янис Приедит основал собственную фабричку искусственных мельничных жерновов, а рабочими были подобраны исключительно социал-демократы, часть которых была членами кружка. Под вывеской этой фабрики в 1905 году была организована партийная подпольная мастерская по изготовлению бомб. Братья Дауманы вскоре научились начинять бомбы и обращаться с ними. В адрес этой фабрики под видом безобидных грузов поступало упакованное в бочках огнестрельное оружие, закупленное партией за границей.

Через год после исключения из семинарии Ян сдал экстерном экзамены на звание народного учителя и получил вакантное место младшего учителя в волостной школе в Мадоне. Здесь, в Венденском уезде, он вместе с другими товарищами организует рабочие революционные кружки, закладывает основание будущей малиенской социал-демократической организации. Здесь он впервые близко сходится с учителем из Руйен Виктором Барбаном, одним из основателей социал-демократических кружков в Малиенах. Их знакомство перерастает в большую дружбу. Виктор Барбан был старше и учился в Кулдигской учительской семинарии на несколько лет раньше Яна. Позднее Барбан учился вместе с Ансом в Псковском землемерном училище и стал другом семьи Дауманов, Именно у Барбана Ян учился партийной работе.

В середине 1904 года начались повальные аресты социал-

демократов в этом районе Дауман был вынужден скрываться в лесу. Затем он перебрался в Ригу. Он полностью уходит в революционную работу, активно участвуя в революционных выступлениях рижских рабочих.

Во многих городах России существовали в то время так называемые «партийные биржи». С конца 1904 года партийная биржа ЛСДРП в Риге собиралась каждодневно на канале около театра. Тут встречались многие члены партии под видом фланирующих по скверу. Здесь уговаривались о важных делах, узнавали явки и пароли, получали листовки, а нередко оружие, пачки шрифта и типографские принадлежности. Они усаживались по пять-десять человек на бульварных скамьях и проводили иногда кружковые занятия, а то затевали дискуссии по злободневным политическим вопросам.

Ян бывал тут довольно часто. Как и другие, он приходил с «барышней», за которой старательно ухаживал. Иногда, целуясь, передавал ей документы, листовки. Забавно бывало, когда юным подпольщикам приходилось «ухаживать» за великовозрастными партийками, старше их лет на десять и более. Биржа жила весьма интенсивной жизнью. Охранка до поры до времени смотрела на это сквозь пальцы, засылая на биржу шпиков, чтобы «осветить», выявить наиболее активных агитаторов и комитетчиков.

1905 ГОД

События 9 января 1905 года в Петербурге всколыхнули Ригу. Вести о расстреле дошли до Риги уже 10 января. Федеративный комитет социал-демократических организаций выпустил 11 января листовку с призывом: «Бросайте работу! Присоединимся к всеобщей забастовке петербургских рабочих!» 12 января бастовала почти вся Рига. Демонстрации шли от завода к заводу, подымая новые отряды рабочих на стачку. Ян Дауман шел во главе одной из колонн демонстрантов. Рига никогда еще не видела такого. Двадцать тысяч демонстрантов двигались в сторону вокзальной площади по набережной Даугавы. Над морем людских голов реяли красные знамена. Митинговали. С революционными речами выступали видные деятели социал-демократии.

Когда войска преградили путь по набережной в сторону понтонного моста, людские потоки двинулись по льду реки, направляясь к железнодорожным мастерским и депо Риго-Орловской железной дороги. Полиция оказалась не в силах помешать народному шествию.

В тот незабываемый день демонстранты скандировали революционные призывы и партийные лозунги, социал-демократические ораторы произносили речи. С речами выступал и Ян Дауман.

На следующий день, 13 января, всеобщая забастовка охватила Ригу. На демонстрацию вышли, как в Питере, семьями. Центральная стачечная комиссия заранее наметила несколько сборных пунктов для демонстрации районов: на площади возле завода «Феникс», на площади Кафедрального собора в Старом городе, на площади у Ильгуцемского рынка и в других местах. К сборным пунктам были прикреплены опытные партийные организаторы. Ян Дауман возглавил колонну демонстрантов, двигавшуюся от завода «Феникс». В семь утра, как писал он в своих воспоминаниях, на площадь пришли видные деятели ЛСДРП и несколько сот рабочих. Ян Озол, Теодор Калнинь и другие ораторы в своих речах разъясняли значение забастовки солидарности. Колонна тронулась с любимой песней латышских рабочих «Кто ходит в рваных лохмотьях!».

Лифляндский губернатор получил приказ из Петербурга рассеять демонстрацию, применив оружие. На набережной Даугавы, у железнодорожного моста, более двадцати тысяч человек головной части демонстрации попали под огонь особого унтер-офицерского батальона, открывшего стрельбу без

предупреждения. Поднялась суматоха, паника; часть демонстрантов, как накануне, пустилась по льду реки, но здесь их настигали пули. Было ранено и убито несколько сот человек. Многие демонстранты утонули, провалившись под лед. Солдаты, наступая шеренгами, приканчивали раненых штыками. Снег и лед покрылись кровавыми разводами. Солдаты убивали тех, кто пытался оказывать помощь раненым или вытаскивать их из-под огня.

Партийная организация, предвидя возможные столкновения с полицией, заблаговременно развернула несколько пунктов первой медицинской помощи. К ним были прикреплены врачи, сестры и студенты-медики из революционной молодежи и сочувствующих. После первых же выстрелов Ян Дауман бросился помогать раненым, перетаскивал их на ближайший перевязочный пункт. Вместе со своим школьным товарищем Оскаром Лиепинем они спасли раненного в поясницу известного поэта А. Аустриныпа, которого доставили в ближайшую больницу.

14 января Рига оцепенела в тревожной, напряженной тишине.

Бурными событиями отмечены 15–20 января. 15 января хоронили студента-большевика Константина Печуркина, убитого 13 января на набережной Даугавы. Похоронная процессия растянулась от Александро-Невского собора до Покровского кладбища и превратилась в двадцатипятитысячную революционную демонстрацию. На похороны пришло много студентов Политехнического института, преподавателей и даже некоторые профессора. Через весь центр города эти огромные массы с пением похоронных маршей и гимнов революции шли за гробом, покрытым красными знаменами и цветами.

16 января хоронили девятнадцатилетнюю работницу социал-демократку Марию Порейз и активистку Катю Фрейман, эти похороны тоже вылились в многотысячную демонстрацию. 18 января на демонстрантов, возвращавшихся с Плескодальского кладбища после похорон рабочего Звайгзне и старшеклассника Озолиня, напали казаки. Демонстрантов избивали нагайками и саблями, топтали конями. Казаки открыли стрельбу. На сей раз в ответ раздались револьверные выстрелы со стороны демонстрантов. В этой схватке Ян Дауман был ранен ударом шашки в плечо.

Для Яна, как и для всей партийной и рабочей молодежи, эти январские кровавые дни послужили хорошей школой. Они постигли истину: речей и демонстраций для свержения самодержавия недостаточно; кроме организованности и целеустремленности, нужна вооруженная сила. 21 января ЦК ЛСДРП и Федеративный комитет решили прекратить

политическую стачку. В специальном воззвании ЦК ЛСДРП сформулировал основные экономические требования рабочих. На всех заводах и фабриках распространяли листовку с этими требованиями; основными из них были: восьмичасовой рабочий день; отмена сверхурочных работ; минимум зарплаты — один рубль в день, отмена штрафов; страхование от увечья, болезни и старости; отмена детского труда и труда подростков; отмена ночного труда женщин; охрана груда и улучшение санитарных условий на производстве: оплата рабочим за дни стачек:

В листовке, выпущенной ЦК ЛСДРП по поводу расстрела рабочих 13 января, озаглавленной: «Трепещите, тираны!», было сказано: «Проклятие царю и его прислужникам, убившим сотни мирных рабочих… Этим кровопийцам не избежать кары, и час расплаты с ними близок… Над залитой кровью Россией уже занимается золотая заря свободы и счастья… Вооружайтесь, товарищи!.. Смерть насильникам! Долой самодержавие! Да здравствует социал-демократия!» ЦК ЛСДРП призывал рабочих латышского края «вооружаться к будущим сражениям… И латышский рабочий класс в эту решительную минуту вместе со всеми другими народами России вступит в бой. разобьет могущество самодержавия и завоюет светлое будущее».

Революционная ЛСДРП сильно выросла в те январские дни. Экономическая стачка, будучи продолжением общей политической, сыграла огромную роль, поскольку во многих случаях удалось добиться сокращения рабочего дня на один час, увеличения заработной платы на 10–20 процентов, некоторого улучшения санитарных условий труда и даже оплаты за дни забастовки. Капиталисты были вынуждены пойти на некоторые уступки стачечникам.

По поводу огромного значения январских стачек и демонстрации, кровавой расправы с рижскими рабочими В. И. Ленин писал: «Лозунг геройского петербургского пролетариата „смерть или свобода!“ эхом перекатывается теперь по всей России. События развиваются с поразительной быстротой»[1].

В феврнле и марте опять бастовали рабочие пятидесяти рижских заводов и фабрик, отстаивая экономические требования, сформулированные ЦК ЛСДРП. В рабочем движении этих месяцев Ян Дауман был организатором стачек в Югельском, Стразденгофском и Шрейнбушском районах Риги. Своей неутомимой деятельностью он заслужил уважение и авторитет среди рабочих Риги. Затем он один из организаторов мартовских весенних стачек батраков Рижского уезда. Выросши в крестьянской семье, Ян легко находил общий язык с батраками и трудовыми крестьянами. Он умел доходчиво и просто объяснить

этим людям самые сложные вещи, помочь додуматься, кто главный враг, и призывать к его уничтожению. Яну верили вместе с Дауманом, агитатором и организатором крестьянских выступлений в Дрейлинской и соседних волостях Рижского уезда, был и Альфред Афельд, пользовавшийся большой популярностью среди сельской бедноты.

В начале марта полиция и казаки напали на собрание крестьян под Ригой, избили и ранили более двухсот человек и многих арестовали. Это еще больше подхлестнуло крестьянские выступления. Дауман, Афельд и другие социал-демократы были среди организаторов демонстрации и стачки протеста рабочих Задвинья, требовавших освобождения арестованных крестьян и батраков.

Используя брожение среди крестьян (в особенности после нападения на митинг под Ригой, Дауман, Афельд и другие партийные агитаторы появлялись в церквах во время богослужения, прерывали проповедь и с церковного амвона говорили горячие революционные речи, призывая прихожан к свержению самодержавия, к борьбе против кровососов-баронов и полицейского произвола. После таких «проповедей» молодым революционерам иногда удавалось даже вывести молящихся на демонстрацию под красным знаменем. Так выглядели вошедшие тогда в революционный обиход «церковные демонстрации» крестьян.

На редкость тяжелым, но и самым главным делом в то время было создание боевых дружин и их вооружение. Эта важнейшая задача партии оказалась наиболее трудной. Не хватало опыта.

Еще в февральской листовке ЦК ЛСДРП призвал пролетариат латышского края готовиться к вооруженной борьбе. Рабочие и батраки добывали оружие любыми путями, отнимая его в баронских имениях у лесной стражи, урядников, захватывали оружие в оружейных магазинах, сами мастерили бомбы, оттачивали холодное оружие.

В апрельском воззвании к батрачеству ЦК ЛСДРП, рисуя будущий социалистический строй, при котором «вся земля, леса, рудники, фабрики и заводы, железные дороги и пароходы перейдут в собственность народа», призывал сельскохозяйственных рабочих «готовиться к решающей борьбе с самодержавием, объединиться в тайные кружки, добывать оружие». Призывы к вооруженной борьбе нашли глубокий отклик в сердце Яна Даумана. Его тогдашним настроениям крайне импонировал припев одной революционной песни: «Сражаться будем мы, пока не сбросим кандалы». Он тогда еще не мог знать, как исковеркают его жизнь кандалы.

В первомайской политической стачке, охватившей все предприятия Риги, Ян был среди рабочих, собравшихся в Верманском саду. Опять он стал свидетелем избиения рабочих казаками. Рабочие мужественно отбивались.

В середине июня Ян участвовал в организованной партией забастовке батраков. Стачка тогда охватила семнадцать крупных имений Лифляндии. Стачечники в массовых демонстрациях срывали гербы и царские портреты в волостных управлениях, уничтожали податные книги и списки рекрутов. В ответ на крестьянские демонстрации и стачки батраков помещики, охваченные страхом, стали размещать в своих имениях и замках драгун и солдат, что еще больше озлобляло народ. ЦК ЛСДРП призывал народ не щадить жандармов, казаков, шпионов и других мерзавцев, ни по каким вопросам не обращаться к правительственным властям, выбирать тайных доверенных лнц, которым бы поручалось ведение крестьянских дел.

Крестьянские выступления весною и в июне проходили под знаком требований, выработанных ЦК ЛСДРП: неприкосновенность личности и жилища, свобода выбора местожительства; отмена сословных привилегий; равноправие всех граждан; всеобщая выборность судей и присяжных; полное самоуправление в волости, уезде и губернии, выборность всех членов самоуправлений всем населением; бесплатное всеобщее школьное обучение; более справедливое перераспределение мелких земельных наделов; право охоты и рыбной ловли. Важнейшим политическим требованием было — всеобщее вооружение народа. Так партия суммировала чаяния крестьянской массы.

ЦК выдвинул также следующие требования от имени сотен тысяч батраков: минимум заработной платы — один рубль в день для батрака и 70 копеек для батрачки; отмена бесплатного труда жен батраков на помещика; десятичасовой рабочий день в страду и восьмичасовой в остальное время года; отмена сдельных работ и штрафов: отмена всякой барщины; запрет труда подростков; оплата дней болезни батрака; бесплатная медицинская помощь; ясли для детей батраков.

Состоявшийся в июле в Риге II съезд ЛСДРП совпал с новой волной стачек. Бастовали крупнейшие заводы и фабрики Риги. К ним присоединились железнодорожники, рабочие порта, трамвайщики. Опять устраивались митинги, шествия и демонстрации. Эта стачка и новое мощное выступление крестьян и батрачества подвели массы непосредственно к вооруженному восстанию.

Съезд ЛСДРП ориентировал партию на подготовку общего

вооруженного восстания. В решении съезда предлагалось «неустанно готовить пролетариат к вооруженному восстанию… превращая столкновения в непрерывную партизанскую борьбу». Ян Дауман с присущей ему энергией отдается организации боевых дружин, добыче оружия. В. И. Ленин писал тогда: «Остзейские бароны организуют гражданскую войну всерьез: они прямо нанимают целые отряды, вооружают их… и размещают по своим обширным имениям» А III съезд РСДРП еще в мае постановил: «Принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата… к непосредственному руководству восстанием».

В конце июля 1905 года Ян выступил на митинге у ворот бумажной фабрики Фейтля на Югле, неподалеку от хутора Крейпи. Полиция окружила митинг. Ян вырвался из окружения и. побежал на хутор. Однако полицейским все же удалось догнать его, и он впервые переступил порог тюрьмы. При обыске полиция обнаружила и изъяла гектограф, на котором Ян и Ане печатали прокламации. Очень тяжко переживала мать арест ее Жаниса, как звали Яна в семейном кругу.

Рижские тюрьмы были переполнены. Охранка пе успевала вести допросы все новых политических арестованных. Известно было, что допрашиваемых нещадно истязают. Но революционеры ни в чем не признавались, а чаще всего отказывались отвечать на допросах, демонстрируя презрение к следственным властям и тюремщикам. Ян готов был именно так вести себя.

В ночь с 6 на 7 сентября политические заключенные в централе пережили исключительное событие. Пятьдесят участников боевой социал-демократической организации напали на тюрьму; смяв стражу, они перебили и ранили пятнадцать тюремщиков и освободили двух смертников — члена Рижского комитета ЛСДРП Л. Лациса и боевика Ю. Шлоссера. Тюремщики не преминули выместить свое озлобление на политических арестантах, ликовавших по поводу победы боевиков.

Боевой подвиг рижских дружинников высоко оценил В. И. Ленин. Он писал: «Привет героям революционного рижского отряда! Пусть послужит успех их ободрением и образчиком для социал-демократических рабочих во всей России. Да здравствуют застрельщики народной революционной армии!.. Надо только немедленно приступить к широкой пропаганде этой идеи, к образованию этих отрядов, к снабжению их всяким и всяческим оружием, начиная от ножей и револьверов, кончая бомбами, к военному обучению и военному воспитанию этих отрядов»[2].

Под натиском революции затрещали затворы темниц. 23 октября более ста политических были освобождены из тюрем по амнистии, объявленной манифестом 17 октября. Вместе с ними

был освобожден и Ян Дауман. У тюремных ворот амнистированных встретили огромные массы ликующего народа. В разгаре была всеобщая октябрьская забастовка. Не прекращались многолюдные митинги, повсюду слышны бы ли революционные речи и песни. Демонстрации заполняли почти все улицы.

Ян частенько урывал часы, чтобы поработать у Яниса Приедита на фабричке искусственных мельничных жерновов в бомбовой лаборатории. Именно тогда Дауман особенно сблизился с многими боевиками: с Яном Лынтином, организтором боевой дружины на заводе «Феникс», с Индриком Асаром, в чьем доме хранилось оружие и собирались боевики Задвинья.

Охранка вела непрерывное наблюдение за делом братьев Дауман. 24 августа 1905 года начальник Псковского губернского жандармского управления сообщил петербургскому начальству об активном участии студента Землемерного училища Яна Даумана в организации в Пскове революционной демонстрации учащихся. Охранники тут явно напутали, приняв Анса за его старшего брата и приписав Яну Дауману честь организации псковской демонстрации. Не будь Ян освобожден в октябрьские дни, этот донос мог бы отягчить его положение.

Через месяц после амнистии Ян участвовал в совещании 1500 сельских представителей, созванном ЦК ЛСДРП в Риге в доме «латышского общества». Совещание присоединилось к призывам ЦК ЛСДРП по крестьянскому вопросу, потребовало новых выборов волостных управлений, введения самоуправления с участием всего народа.

Вскоре после освобождения из тюрьмы Ян Эрнестович Дауман переходит на нелегальное положение. Партия снабжает его видом на жительство на имя Юрия Петровича Гавена и удостоверением инспектора народных школ. Под этим именем он вошел в историю партии и революции. Под этим именем он до конца дней своих самоотверженно боролся за дело партии.

К концу ноября начались вооруженные демонстрации рабочих Риги. В городе появились вооруженные рабочие патрули. Власть в городе фактически находилась в руках Федеративного комитета социал-демократических организаций. В 9/10 всех волостей края власть захватили избранные народом распорядительные комитеты. Партия направляет Гавена в Венденский уезд, где Виктор Барбан возглавляет организацию восстания и становится председателем Венденского исполкома. В Цесвайне, где некогда работал в школе Ян Дауман, крестьяне и батраки 16 ноября разгромили замок и имение, захватили оружие

и в ожесточенной схватке убили двух «почетных полицейских» — баронов Адеркаси. Восставшие также разрушили и сожгли замок и хозяйственные постройки в имении Дзелзава.

Высоко подымается волна народных восстаний во многих уездах Лифляндии и Курляндии, почти всюду в уездах и волостях революционные исполкомы и народная милиция, руководимые ЛСДРП, становятся фактическими хозяевами положения. Наиболее отличились упорством восставшие в Вендене, Газенпоте, Дундаге, Кулдиге, Мадоне, Руйенах, Салдуле, Талсенс, Тукуме и в других местах. Восставшими было сожжено и разгромлено 459 помещичьих имений, около половины всех имений в крае. Убыток и урон, понесенные помещиками, оценивались почти в 10 миллионов золотых рублей.

Царские власти бросили на подавление восстаний десятки тысяч солдат, драгун и казаков, артиллерию и жандармов, конную полицейскую стражу. В крае было введено военное положение. Карательные отряды повели наступление на революционные силы по всем правилам военных действий. Началась беспримерная по жестокости расправа с народом. В специальной телеграмме министр внутренних дел предписал генерал-губернатору Сологубу: «Поменьше арестовывать мятежников и больше расстреливать на месте».

И полилась рекой кровь лучших сынов народа. В середине декабря смертельно ранили Альфреда Афельда. На похороны его 18 декабря на Бикерниесское кладбище пришли тысячи трудящихся. За голову Виктора Барбана каратели объявили премию в 1000 рублей.

Каратели охотились за всеми активистами ЛСДРП и видными революционерами. Пришлось Юрию Гавену вслед за Виктором Барбаном скрыться из Вендена и перебраться в Псков, где находился его брат Ане. Здесь же с ними был и другой беженец из Вендена — Петер Знотынь, один из тех, кто еще в 1904 году организовал в своей волости сельский социал-демократический кружок. В декабре 1905 года он становится во главе исполкома и народной милиции, разоружает баронскую стражу, громит помещичьи усадьбы.

Так составилась небольшая беженская колония, очень дружная и спаянная. За время, что Юрий Гавен жил здесь, с февраля до половины апреля, он вместе с братом редактировал подпольный студенческий орган «Яунибас бале» («Голос молодежи»). Сам он, будучи умудрен тяжким опытом 1905 года, уже не считал себя молодым.

Охранка не подозревала, что у них под носом обитает опасный беглец и что Гавен и есть тот самый Ян Дауман. о

котором они в свое время так опрометчиво доносили в департамент полиции. В апреле все трое: Барбан, Гавен и Знотынь, по указанию ЦК ЛСДРП возвратились в латышский край. Виктор Барбан в Вентспилсский район, а Гавен и Знотынь — в Малиенский.

«ЛЕСНЫЕ БРАТЬЯ»

Карательные экспедиции прошлись огнем и мечом по всему краю. За 15 месяцев в баронских застенках было повешено и расстреляно без суда 1200 человек, более 3 тысяч человек было убито карателями. Многие селения обстреливала артиллерия. Были сожжены 300 крестьянских хуторов, от зверств карателей пострадало более 10 тысяч человек. Люди уходили в леса, где появились вооруженные отряды, названные в народе «Лесными братьями». Был брошен клич: «Пусть грянет огонь по врагу из-за каждого куста!» Все сельские повстанческие организации возглавил назначенный ЦК ЛСДРП бывший учитель Юлиан Кажмер.

«Братья», в большинстве своем батрацкая и рабочая молодежь, были ловкими, смекалистыми парнями. Они были меткими стрелками, неутомимыми ходоками и пловцами, умело орудовали окопным инструментом, устраивали завалы на дорогах, чтобы затруднить и задержать передвижение карателей.

Они хорошо знали броды через реки и тропки через трясины здешних болот. Но им не хватало военной выучки.

Юрий Гавен, действуя с весны как представитель ЦК ЛСДРП, возглавил организацию партии в Малиенах и руководил здешними «лесными братьями». Его ближайшим помощником стал Петер Знотынь. За Гавеном охотились шпики, агенты охранки, но товарищи надежно укрывали его. Искусный конспиратор, он часто менял партийные клички- Атскабарга, Перкон, Ваня, Доннер и др. Доннер, то есть Гром, стал его вторым пожизненным псевдонимом.

Партийная конференция ЛСДРП, состоявшаяся весной 1906 года, подтвердила необходимость подготовки к восстанию, выдвинула требование конфискации помещичьих земель. Провозглашен был лозунг: «Реальны лишь те свободы, которые народ сможет отстоять с оружием в руках». Партия звала массы к повсеместному активному сопротивлению карателям, к вооруженному отпору, к партизанской борьбе. Предлагалось уничтожать на месте шпионов и предателей, беспощадно карать помещиков, полицейских и прочих слуг и защитников самодержавия, конфисковать казенные деньги на революционные цели, везде дезорганизовывать и срывать деятельность правительственных учреждений.

«Лесные братья», защищая интересы бедняков, пользовались безоговорочной поддержкой трудящихся. Строжайшая дисциплина и конспирация позволили «братьям» стать

подлинными героями народной войны против войск самодержавия. К середине лета особенно энергично действовали «лесные братья» в Вентспилсском районе под руководством Виктора Варбана, в Дундагском районе — под руководством Кришьяна Боча и в Малиенском районе — под руководством Юрия Гавена и Петера Знотыня.

В опубликованном «Уставе „Лесных братьев“» и в «Извещении о целях движения „Лесных братьев“», распространявшихся в десятках тысяч экземпляров, население призывалось к неподчинению властям, к бойкоту помещиков и кулаков. Сельских жителей призывали укрывать «лесных братьев» от полиции, жандармов и драгун. Устав обязывал беспощадно расправляться с предателями и шпионами, чьи имена предавались гласности через газету «Циня» и в специальных прокламациях. Устав запрещал наниматься на место уволенных батраков и учителей, требовал закрытия всех кабаков, шинков и монополек, а также закрытия церквей, в которых священники вели проповеди, направленные против революции и движения «Лесных братьев».

Устав регламентировал порядок конфискаций помещичьего имущества и казенных средств. Для содержания отрядов «братьев», как вооруженной силы народа, устав предусматривал наряду с конфискацией собственности предателей и доносчиков добровольные взносы населения, а также предлагал зорко следить за тем, чтобы действиями революционных вооруженных отрядов не притеснялись невинные люди, чтобы не пострадал ни один чесный человек. На этой «платформе», как тогда прозвали устав и извещение, объединились «лесные братья» всех районов латышского края.

Начальник рижской охранки подполковник Васильев «препроводил» в Петербург экземпляр «Устава „Лесных братьев“», отпечатанного, по агентурным сведениям охранки, в количестве 10 тысяч экземпляров в Риге, в типографии «Лесных братьев».

Юрий Гавен большую часть времени проводил в отрядах, в лесу, который он знал и любил. Ему знакомы были повадки животных, известны голоса пернатых. С детства он научился пересвистываться с птицами. В детстве и отрочестве он любил ставить по веснам скворечники и нес охрану каждого птичьего гнезда, оберегал муравейники, покровительствовал животным. Он не допускал, чтобы «братья» невзначай наносили лесным обитателям хоть какой-нибудь вред.

Юрий Гавен был не просто влюблен в природу, но и не переставал восхищаться ею. Это чувство он старался прививать детям в свое кратковременное учительствование в волостных

школах как раз того района, в котором действовали его «братья», района, по праву прозванного Лифляндской Швейцарией. Он был влюблен в холмистые места за Венденом, прорезанные красавицей рекой Да, местами протекающей между высокими песчаными коридорами, со многими вековыми пещерами. Ему доводилось бывать на горе Гайсин — этом «Монблане» края ливов.

«Хороша, очень красива природа в краю ливов». Этими словами нередко начинал свои уроки учитель Дауман. Он рассказывал ребятам, что из тысячи озер Лифляндии больше половины их в Венденском уезде и что здесь протекают самые красивые из тридцати рек и их притоков в крае. Гавен помнил, как он мальчиком любил купаться с лошадьми на водопое. Любил подолгу грести, не зная устали. Для него не было тогда звука милее, чем удар весла по воде. Реки здешние были полны рыбных заводей, в нерест местами воды не видать было из-за хода косяков чешуйчатых пловцов.

Теперь же густые леса, топкие, местами непроходимые болота, озера и реки, пещеры и заброшенные карьеры каменоломен хорошо служили «братьям».

В передышках, на биваках и привалах «братья» пели революционные и народные песни. При свете костров малиенские «Оводы» читали райнисовские «Шуточные песенки» и «Посевы бури», воспевавшие народных воинов и славившие их оружие. Оружия было явно мало. Гнева и отваги много больше. Гавен хорошо знал и проникновенно читал стихи Райниса. Партизаны слушали его с удовольствием. У всех у них на устах часто было: «Время — жатвы бури собирать… время — битву грозную начать!..» В походе под такт шагов напевали: «…Все-таки!., не склоним шею под вашу власть… Хотя бы горы могли упасть…», или: «Пусть молния хлещет, грохочет гром… Мы на колени не упадем». У дружинников был один излюбленный ими припев: «Добьется прав и сбросит гнет… лишь бой приняв, Боец-Народ!..» Партизаны часто шли в бой и умирали с песней Райниса на устах. Гавен, как и многие другие «братья», любил «Сельские мелодии» Сибелиуса, григовское «Шествие гномов». Нередко, маршируя через топи и лесные гущи, насвистывали дружно эти вещи.

А враг неистовствовал. Почти из каждого дома слышны были стоны Войска опустошали край. Каратели не переставали хватать и вешать подозреваемых в хранении оружия, не останавливаясь перед убийством стариков, женщин и подростков.

В июле 1906 года Гавена избирают делегатом от малиенской партийной организации на III съезд ЛСДРП, состоявшийся в Риге и Майори. Съезд постановил слиться с организациями РСДРП

латышского края. На открывшемся в том же составе I съезде социал-демократии латышского края Гавен был избран в Центральный Комитет этой организации. Здесь он ближе познакомился с видными партийными руководителями — Фрицем Розинем, Петером Стучкой и другими членами ЦК СДЛК. Подружился с Екабсом Дубелыитейном, одним из организаторов и руководителей боевых рабочих дружин. В январе 1906 года Дубельштейн лично возглавил вооруженное нападение на рижскую охранку и освободил из-под ареста шесть дружинников. В том же году он участвовал в нашумевшей экспроприации боевой группой ЦК РСДРП Государственного банка в Гельсингфорсе.

Большую роль в формировании большевистских взглядов Гавена сыграла возникшая тогда же и продолжавшаяся всю жизнь дружба с бывшим рабочим завода «Феникс» Яном Ленцманом, за спиной которого уже были архангельская ссылка, побег из ссылки и опыт партийной работы. Ленцман выступал как твердый большевик и боролся против меньшевиков и их сторонников в СДЛК.

На съезде был делегатом и Виктор Барбан. Третьим «лесным братом» делегатом съезда был Петер Знотынь. Так встретились друзья-«псковчане».

В. И Ленин пристально следил за партизанской борьбой в латышском крае, изучал опыт вооруженной борьбы такого размаха, которого не наблюдалось в ту пору в других губерниях России. Еще в феврале 1906 года он писал в статье «Современное положение России и тактика рабочей партии»: «Нам надо не удерживать, а поощрять партизанские выступления боевых дружин, если мы не на словах только хотим готовить восстание и признали пролетариат всерьез готовым к восстанию»[3]. 30 сентября в статье «Партизанская война» Владимир Ильич писал: «Партизанская борьба есть неизбежная форма борьбы в такое время, когда массовое движение уже дошло на деле до восстания и когда наступают более или'менее крупные промежутки между „большими сражениями“ в гражданской войне»[4]. В октябре и ноябре 1906 года он поместил в газете «Пролетарий» статьи Яна Верзина о «Лесных братьях» и об их сопротивлении карателям.

Безудержный террор крайне затруднял партийную работу в Малиенах. Но социал-демократические организации устраивали сходы батраков и сельской бедноты, совещания партизан, снабжали их литературой, оружием и деньгами. Юрий Гавен проводил частые занятия в партийных кружках и беседы с «братьями» (а среди них было много беспартийных) по самым злободневным вопросам политики партии. Он подвергал разбору

и критике каждую операцию, удачи и промахи в любых схватках с противником.

«Лесные братья» в латышском крае отвлекли на себя основные силы карательных экспедиций. В течение лета 1906 года они продолжали борьбу. За это время они совершили более шестисот боевых актов и нападений. По донесению генерал-губернатора в департамент полиции с апреля до осени «братья» совершили 211 убийств и покушений, 57 поджогов имений, 372 нападения на волостные управления, почту, казенные учреждения, повреждения телефонных и телеграфных линий, разрушения железнодорожного полотна и крушения поездов, около 500 экспроприации.

14 августа лифляндский губернатор сообщает в департамент полиции, что «в Рижском и Венденском уездах грабежи (то есть экспроприации. — В. Б.) и вооруженные нападения резко усиливаются». Именно в этих уездах партизаны несли большие потери. В Малиенах каратели особенно свирепствовали, как и в районе, где «братья» действовали под предводительством В. Барбана.

24 сентября в Венденском уезде была окружена и схвачена большая группа партизан. Среди них пятнадцатилетний Екабс Кожакс — связной и проводник «братьев». Всех их подвергли истязаниям и пыткам. Пытали и юношу Кожакса. Во время допроса Роберт Чула вырвал револьвер из рук офицера и выстрелил в него, но промахнулся и сам упал сраженный. Всех схваченных «братьев» убили. Среди них был близкий товарищ Гавена Карл Карклин.

14 октября, возвращаясь в родные места с грузом оружия и литературы, Петер Знотынь попал в казачью засаду и был убит.

В ноябре карателями был схвачен Виктор Варбан и расстрелян на Дундагском шоссе. Опасаясь, что его могут расстрелять бел суда и следствия, якобы при попытке к бегству, Барбан настоял, чтобы его сразу же заковали в кандалы. Ему хотелось лишить карателей их излюбленного предлога: не бежать ведь закованному. Но его, закованного, убили.

Из тысячи восьмисот латышских учителей пострадало тогда семьсот человек: из их числа расстреляно двадцать шесть, повешено пять, исполосовано розгами до полусмерти семьдесят два, брошены в тюрьмы девяносто четыре, сослано тринадцать, заочно приговорены шесть, остальные спаслись бегством. Одному из учителей перед казнью нанесли сотни ударов нагайками. У четырнадцати учителей было сожжено все их имущество Самодержавие мстило учительству за приверженность революционному движению. Среди сельских народных учителей

было немало социал-демократов и сочувствующих партии.

Народные учителя сыграли выдающуюся роль в организации восстаний в ноябре — декабре 1905 года во многих уездах латышского края. Учитель и поэт Ю. Диевкацинь, член ЛСДРП, был организатором и членом Распорядительного (Исполнительного) комитета Лиелзавадской волости Екабспилсско-го уезда; расстрелян в 1906 году. Учитель Ю. Зингберг руководил революционными выступлениями в Айзпуте; повешен в феврале 1906 года. Молодой поэт — учитель Антон Салум был организатором сельского центра ЛСДРП «Иманта» в Веспилбарге; расстрелян в 1906 году. Учитель Т. Целис — делегат съезда народных учителей латышского края, член Распорядиельного комитета Венской волости Добельского уезда; расстрелян в январе 1906 года.

В то лето и осень каратели убили в Венденском и Валкском уездах, то есть в Малиенах, свыше ста пятидесяти человек, а в Рижском уезде — шестьдесят пять. Велики были потери и в других уездах. В самой Риге в это же время было расстреляно без суда и следствия сто тридцать боевиков-дружинников. В этом большом промышленном центре реакция натолкнулась на особо упорное сопротивление революционных рабочих.

Бароны устраивали в Доме рыцарей шумные банкеты, на которых чествовали своих «защитников» и «спасителей» — офицеров карательных экспедиций. Бароны грелись у подожженных карателями крестьянских домов, домов учителей и расстреливали спасавшихся из огня. Сотни баронов вступили добровольно в так называемую «почетную полицию» и действовали заодно с кадровыми полицейскими, превосходя последних своей жестокостью.

«Лесных братьев» поставили вне закона. На них устраивали охоту, как на зверей. Им оставалось либо защищаться силой, либо быть схваченными и замученными. Генерал Вершинин приказал за каждого убитого полицейского расстреливать девять «братьев» в первом случае, а буде убийство полицейского или жандарма повторится в одном и том же селении, хуторе, волости, расстрелять двадцать семь, и сорок человек — в третьем случае. Примерно такая же «шкала» устанавливалась и другими генералами-карателями.

Бароны и князья собственноручно расстреливали и вешали попавших в их руки партизан. Богатейшие и знатнейшие, они убивали по нескольку безоружных пленных, зачастую схваченных только по подозрению. Некоторые бароны сами убили по двенадцати и даже шестнадцати, а то и больше двадцати человек каждый. Барон Остен-Сакен, владелец девяноста тысяч десятин,

лично расстрелял несколько человек, среди них и поэта-учителя Диевкациня. От титулованных палачей не отставали и кадровые офицеры и генералы Руки этих господ были по локоть в крови лучших сынов народа.

Поощряемые их беспримерной жестокостью, нэ отставали от них урядники, приставы, надзиратели и стражники, казачьи есаулы, унтер офицеры. Расстреливали и вешали по нескольку душ из одной семьи. Казнили отцов за отказ выдать сыновей. В феврале в Вендене и уезде были расстреляны два брата Тирман, два брата Пелынш, два брата Ванаги. В сентябре расстреляли двух братьев Яунзем, а несколько позднее — отца и сына Сакорны по обвинению в укрывательстве партизан. В том же году в Валдау расстреляли двух братьев Церпиных. В 1906 году в Рижской исправительной тюрьме (централе), рассчитанной на семьсот арестантов, находилось без малого четыре тысячи заключенных, в губернской тюрьме — более восьми тысяч, в женской — около тысячи. В Лифляндии в тринадцати тюрьмах находилось более восемнадцати тысяч арестантов, в основном политических. Четыре пятых всех арестантов составляли крестьяне.

Тюремщики ввели в практику облюбованные карательными экспедициями расстрелы «при попытке к бегству». В августе 1906 года таким образом был расстрелян на этапе Ян Ролав, а в октябре — братья Дексне, Густав Тенисен (в Газенпоте) и другие. Братья Дексне были до того изуродованы, что их трудно было узнать. Власти отказывали родным расстрелянных в выдаче тел для захоронения.

Рижский каторжный централ «прославился» в 1905–1906 годах на всю Европу средневековыми методами допросов заключенных. Здесь пытали и истязали до вынесения смертного приговора и между приговором и казнью. Многим перед казнью дробили кости рук и ног, били сотни раз нагайками, рвали ногти щипцами, кололи штыками, прижигали калеными прутьями, проламывали черепа. И это далеко не полный перечень мук, перенесенных смертниками. Некоторые, чтобы избавиться от страданий, кончали самоубийством, а иные лишались рассудка, не выдержав истязаний.

Состоявшаяся в ноябре 1906 года партийная конференция сельских организаций СДЛК решила распустить боевые отряды партии и дружины, прекратить вооруженную борьбу. Такое решение оправдывалось явным превосходством сил карателей и огромными жертвами, понесенными народными массами в неравной вооруженной борьбе. Однако исполнить это решение оказалось не так просто. Надо было помочь «братьям» выбраться из лесов, перебраться порознь в районы, где их никто не знал,

снабдить их новыми паспортами, явками и деньгами. Наиболее известных партизан надо было переправить в другие губернии России или за границу.

Между тем среди партизан и партийных дружинников были такие, которые, увлеченные вооруженной борьбой, не хотели мириться с роспуском «Лесных братьев». Они были уверены, что революция еще продолжается, невзирая на разгул реакции и временные успехи контрреволюции. Убеждать их было делом нелегким. Юрий Гавен оставался в Малиенах для проведения этой работы.

1907 ГОД

11 декабря 1906 года Лифляндское жандармское управление сообщило департаменту полиции, что «в ноябре — декабре 1905 года в имении „Мадон“ Венденского уезда образовался революционный комитет, состоящий из местных учителей Даумана, Арайса и других лиц, каковой комитет руководил революционным движением в данной местности, раздавал примкнувшим к движению оружие и руководил рядом убийств тех лиц, которых комитет считал противодействующими революционному движению». Конспиративность Гавена давала ему возможность продолжать партийную работу.

Охранное отделение в ходе дознания «О Мадонском революционном комитете Венденского уезда» еще с декабря 1906 года разыскивало Яна Даумана, руководителя комитета.

В уведомлении департамента полиции «Об окончании дознания в Мадонском революционном комитете» начальник Лифляндского жандармского управления сообщал, что по этому делу привлекается шестнадцать человек, из коих семь находятся под стражей, один (Виктор Барбан) расстрелян карателями «при попытке к бегству», а восемь скрылись, в их числе Ян Дауман и Петер Карклин.

Три месяца тянулся судебный процесс по делу семидесяти пяти участников Тукумского декабрьского восстания 1905 года.

9 февраля 1907 года 17 подсудимых были приговорены к смертной казни, а 46 — к каторжным работам на большие сроки. Партия подняла кампанию протеста во всем крае против судебной расправы и смертных приговоров.

8 февраля 1907 года в петербургской газете «Утро» была напечатана статья «Правда о рижских застенках», разоблачавшая садизм главарей рижского сыскного отделения: Грегуса, Давуса, Лейна, Мольдера и других. «Утро» прямо возлагало вину на высшее петербургское начальство, поощрявшее систему пыюк политических заключенных на допросах. 24 февраля также выступила газета «Сегодня». 25 февраля к протесту присоединились столичные «Речь», «Товарищ», «Народная свобода» (думский листок) и другие газеты. 28 февраля кампанию протеста против пыток поддержала лондонская «Трибюн», а 4 марта «Русские ведомости» вышли с огромной статьей депутата Государственной думы В. Кузьмина-Караваева, разоблачавшего причастность министерства внутренних дел и верхушки охранного ведомства к истязаниям в Рижском Централе, а также покровительство и потворство им.

Статья в «Русских ведомостях» 4 марта заканчивалась высказываниями Екатерины II и Александра I о недопустимости пыток и истязаний при допросах обвиняемых. Екатерина писала по поводу дела Артемия Волынского (Волынский, Хрущов, Еропкин): «Из дела сего видно, сколь мало можно положиться на пыточные речи, ибо до пытки все сии несчастные утверждали невинность Волынского, а при пытке говорили все, что злодеи их хотели. Странно, как роду человеческому на ум пришло лучше утвердительнее верить речи в горячке бывшего человека, нежели с холодной кровью: всякий пытаный человек в горячке и сам уже не знает, что говорит».

В 1801 году Александр I повелел сенату: «Повсеместно по всей империи подтвердить, чтобы нигде, ни под каким видом, ни в высших, ни в низших правительствах и судах, никто не дерзал ни делать, ни допущать, ни исполнять никаких истязаний, под страхом неминуемого строгого наказания, и чтобы пытки, самое название пытки, стыд и укоризну человечеству наносящее, изглажено было навсегда из памяти народной…»

Столетие спустя Столыпин и его подручные творили черные дела — такие, с которыми не могли мириться даже российские либералы.

Доведенные до отчаяния смертники Рижского централа, поддержанные остальными политзаключенными, подняли 31 марта 1907 года восстание. При подавлении и усмирении восставших было убито шесть заключенных, двенадцать тяжело ранено. Десять зачинщиков были казнены. На их похороны 4 апреля на Матвеевское кладбище пришло много народу. Полиция и казаки разогнали «посторонних», а потом наскоро зарыли трупы в одной яме и заровняли землю.

В начале апреля в Государственной думе депутат от Риги социал-демократ Ян Озол сделал запрос правительству от имени социал-демократической фракции о зверствах и расстреле в Рижском централе. 13 апреля социал-демократическая фракция внесла второй запрос — о зверствах карательных экспедиций в Лифляндии и Курляндии. При обсуждении запросов в думе депутат-трудовик Адашев сказал: «совершается своего рода ритуал — священнодействие истязаний. Священнослужители того бога, которому приносятся эти жертвы, справляют свой культ не только с полным сознанием своей „правоты“, но и с видимым наслаждением. У людей выдергивают волосы, у них вырывают ногти, жгут людей на огне и убивают их, а те, кто это делает, готовы… плясать под стоны истязуемых имя жертв».

В условиях тяжелых репрессий в латышском крае проходили выборы делегатов на II съезд СДЛК и на V съезд РСДРП. Юрий

Гавен был избран делегатом от малиенской организации на оба эти съезда. Гавен считал это высшей наградой для себя. Он гордился оказанным ему доверием.

Поездка морем в Копенгаген, затем в Мальме и в Лондон, вызванная отказом датского и шведского правительств разрешить проведение съезда, досталась значительной части делегатов нелегко. Северное море сильно штормило, многие болели морской болезнью. Гавену шторм был нипочем, он не боялся морской болезни и был бы, как мечтал в юности, неплохим моряком, если бы не трагическая гибель старшего брата Екабса, преградившая ему дорогу к морю.

Давно уже его сокровенным желанием было увидеть и послушать автора «Партизанской войны». Еще хотел «послушать и повидать на съезде отца русских социал-демократов — Г. В. Плеханова», как он писал двадцать лет спустя в воспоминаниях о V съезде партии.

Вместе с товарищами, знавшими Лондон, Гавен ходил на поиски жилища для делегатов.

Есть старая поговорка: «Кто в двадцать лет не силен и в тридцать не умен, тот уже никогда в жизни не будет ни сильным, ни умным». Как утверждали бывшие делегаты съезда, Гавен в двадцать три года был определенно силен и умен. Статный, русый, чуть рыжеватый, с крупными энергичными чертами лица, голубоглазый и лобастый, широко улыбающийся, не — знающий страха и уныния, — таким был делегат Гавен-Доннер. Верный товарищ, «вполне артельный парень», как тогда выражались в рабочей среде.

В воспоминаниях о Лондонском съезде Гавен писал: «На другой день после приезда в Лондон попал на заседание большевистской фракции съезда, где обсуждался вопрос о подготовке вооруженного восстания, партизанской борьбе и об экс-проприациях… В. И. Ленин говорил не более сорока минут… Его конечные выводы о необходимости подготовки восстания и о партизанской борьбе». Для Гавена не было более важного вопроса. Статью Владимира Ильича в «Пролетарии» о партизанской войне, как «неизбежной форме» вооруженной борьбы, Гавен прочел, но ему хотелось услышать все из уст самого Ленина.

Съезд проходил в небольшой церкви на Саутгейт-Род. Когда делегаты стали рассаживаться, меньшевики захватили левый сектор зала заседаний. Спустя много лет собравшиеся у Гавена несколько бывших делегатов этого съезда весело всполхинали, как они готовы были силой высадить меньшевиков с левого сектора.

В конце концов расселись так, что рядом с меньшевиками расположились бундовцы, ближе к большевикам — поляки, а делегаты-латыши — рядом с ними. Гавену повезло: он сел ближайшим к полякам. Ему очень хотелось быть поближе к Розе Люксембург, о которой он много слыхал и относился к ней с большим уважением. Ни в РСДРП или в СДЛК, ни в других социалистических партиях мира, знал он, нет второй столь же крупной деятельницы, как Роза. В воспоминаниях Гавен подчеркивал это свое теплое отношение к Люксембург и ставил ее рядом с Лениным и Плехановым. Позже Гавена избрали в мандатную комиссию, где шла борьба против меньшевиков и бундовцев в защиту каждого большевистского мандата.

С самого начала съезда наметилось преобладание большевиков, составивших вместе с поляками и латышами большинство. Но некоторые поляки и латыши проявляли колебания по отдельным вопросам.

Гавен голосовал по всем вопросам как большевик. Только по отчету ЦК РСДРП он вместе со всеми делегатами-латышами высказался против принятия резолюции о деятельности ЦК. Они предложили принять отчет к сведению и перейти к обсуждению других вопросов повестки дня. Большинство делегатов проголосовало за это предложение. Самого же Гавена больше всего занимали вопросы о союзниках пролетариата в революции и о крестьянстве как союзнике, о руководстве рабочего класса крестьянскими выступлениями; наконец, вопрос об отношении партия к партизанской борьбе и боевым вооруженным организациям партии.

Владимир Ильич выступил с докладом об отношении к буржуазным партиям. Он решительно отверг линию меньшевиков, ориентировавших партию на соглашения и поддержку либеральной буржуазии.

Крестьянство меньшевики не считали устойчивой революционной силой и надежным союзником пролетариата. Ленин разоблачил контрреволюционную сущность российской буржуазии и защищал идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, в которой основными движущими силами выступают рабочий класс и крестьянство как его основной союзник. Он утверждал, что «победа современной революции в России возможна только, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»[5]. Съезд значительным большинством голосов принял большевистскую резолюцию по этому пункту повестки дня.

Гавен по опыту своей работы понимал значение крестьянской бедноты, как союзника в революции, и всю важность руководства

пролетарской партией революционными выступлениями крестьянства, совпадения пролетарской революции с крестьянской войной. Он голосовал за резолюцию обеими руками. Основные положения, выдвинутые Лениным, поддержала Роза Люксембург.

Гавен восторгался сарказмом, с которым Люксембург хлестала меньшевиков и бундовцев за бесхребетность и хвостизм, за стремление приспособить политику рабочей партии к интересам либеральной буржуазии.

На съезде разбиралось еще много вопросов. Почти по всем решениям прошли резолюции большевиков. Это было крупной победой ленинизма в рабочем движении. В своих воспоминаниях Гавен писал: «Во всех ожесточенных спорах и схватках с меньшевиками на съезде победителем остался Ленин. Он непобедим как диалектик, как представитель воинствующего марксизма. Над всеми стояла гигантская фигура Ленина. Я его сравнивал с другими крупными величинами и нашел в нем и Плеханова (как мыслителя и теоретика) и Розу Люксембург, ее страсть революционера. Плеханов — глубокий мыслитель… теоретик, но не стратег и поэтому плохой политик. Он учитель, но не вождь пролетариата».

Очень волновали Гавена вопросы о вооруженных отрядах и партизанском движении. Он все еще чувствовал себя «лесным братом», представителем партизан латышского края. Как все большевики, он считал, что в условиях массовой революционной борьбы партизанские выступления допустимы, если они находятся под строжайшим партийным контролем, что все члены партии должны обучаться военному делу, чтобы в нужный момент возглавить вооруженную борьбу пролетариата. Меньшевики же выступали вообще против всяких форм вооруженной борьбы. Внесенный Мартовым проект осуждал участие членов партии в партизанских действиях даже в период подъема революционного движения. Ни о какой подготовке к вооруженной борьбе меньшевики не думали.

Однако по этому вопросу меньшевикам удалось навязать съезду свою точку зрения, большинство польских товарищей и многие большевики (Зиновьев и другие) воздержались при голосовании и тем помогли меньшевикам. Гавен голосовал вместе с Лениным против резолюции.

В. И. Ленин выступал на съезде почти каждый день по всем оосуждавшимся вопросам и руководил борьбой большевиков за каждого колеблющегося делегата, каких было немало среди латышей, поляков и даже среди некоторых меньшевиков и бундовских боевиков, иногда голосовавших вместе с

большевиками по отдельным вопросам. Ленин терпеливо убеждал колеблющихся, а меньшевистских политиканов разил логикой своих доводов. Он покорял своей искренностью.

Гавен с группой делегатов сопровождал В. И. Ленина и А. М. Горького в Британский музей, осмотрел библиотеку музея, в которой в свое время трудился Карл Маркс. Гавен был также и на беседе Горького с группой рабочих делегатов, состоявшейся в Тепловской русской бесплатной библиотеке.

Большое впечатление произвело на Гавеяа выступление Степана Шаумяна, защищавшего в мандатной комиссии и на съезде мандаты трех кавказцев-большевиков, оспариваемые меньшевиками. Шаумян за несколько лет до революции учился в Рижском политехническом институте, был исключен из него и выслан из Риги за революционную пропаганду среди студенчества. В свое время Янис Приедит рассказывал Гавену о Шаумяне. Гавен был рад лично познакомиться с ним. Степан Шаумян познакомил делегатов-латышей с двумя кавказцами — Михой Цхакая и Кобой Ивановичем.

Гавен был вместе с группой делегатов, возложивших цветы на могилу Карла Маркса на Хайгетском кладбище. Вместе с делегатами он посетил дом, в котором жил и умер Маркс. Посетили и другие марксовы памятные места в Лондоне, а также Уокингский крематорий, где были сожжены останки Фридриха Энгельса.

Когда съезд подходил к концу, выяснилось, что нельзя дальше заседать в церкви. Иссякли средства на расходы по съезду. Пришлось перенести последнее заседание в один из социалистических клубов, расположенный в мансарде. Для окончания работ съезда выделили часть делегатов с решающим голосом от каждой фракции. Юрий Гавен был включен в ту четвертую часть делегатов, которой съезд поручил завершить все дела и выборы ЦК партии. Под непосредственным руководством В. И. Ленина, председательствовавшего на последнем заседании, удалось путем перебаллотировки отдельных кандидатур избрать в ЦК товарищей Ф. Э. Дзержинского, В. П. Ногина и И. А. Теодоровича.

Юрий Гавен участвовал во всех совещаниях фракции большевиков, собиравшихся почти каждый день. Участвовал он и на том совещании фракции, на котором был оформлен состав большевистского центра во главе с Лениным. Присутствовал Гавен и на прощальной встрече делегатов-большевиков с Владимиром Ильичем, на которой Ленин давал советы делегатам,

как по возвращении построить отчетные доклады о работе съезда. Однако самое возвращение на родину сопряжено было с опасностью попасть в лапы охранки. Выяснилось, что списки участников V съезда известны охранке и что закрыта финляндская граница, через которую большинство делегатов перебралось в Лондон.

По окончании работ V съезда РСДРП тут же в Лондоне открылся II съезд СДЛК. Юрий Гавен был избран одним из секретарей съезда. Ему и Яну Берзину поручили редактировать протоколы и постановления съезда. Вместе с Я. Берзиным, Я. Ленцманом, У. Эндрупом, Э. Звирбулем, П. Доком и другими Гавен последовательно боролся против меньшевистского меньшинства и примиренцев, прикрывавшихся внефракционностью. Присутствовавший на этом съезде СДЛК Г. В. Плеханов ратовал за примирение с меньшевиками, чем еще больше восстановил против себя латышей-большевиков, участников съезда. Именно они добились включения в повестку дня II съезда СДЛК доклада В. И. Ленина «О задачах пролетариата в современный момент буржуазно-демократической революции». Постановка этого доклада на V съезде РСДРП была сорвана меньшевиками и бундовцами. Крайне важно было послушать этот доклад Ленина на II съезде СДЛК, покуда не все делегаты V съезда РСДРП разъехались из Лондона. Надо было принять решение, оценить перспективы революционного движения и на этой основе выработать директивы партии.

По поручению президиума съезда Ян Берзин и Юрий Гавен пошли к Владимиру Ильичу, чтобы известить о времени его доклада в вечернем заседании 24 мая II съезда СДЛК. Ленина слушали, как всегда, с исключительным вниманием. В предложенной Лениным резолюции, принятой съездом и приобщенной к протоколу, отражалась сущность доклада: «Довести до конца демократическую революцию в состоянии только пролетариат при том условии, что он, как единственный до конца революционный класс современного общества, поведет за собой массу крестьянства на беспощадную борьбу против помещичьего землевладения и крепостнического государства… социал-демократическая партия ни на минуту не должна забывать самостоятельных, социалистических целей пролетариата».

Сам Гавен был одним из докладчиков на съезде, выступив по вопросу «Об отношении к местному самоуправлению». Кроме того, он работал в ряде комиссий по подготовке решений съезда. В частности, ему пришлось много спорить с меньшевиками о допустимости конфискаций помещичьего имущества, что

практиковали «Лесные братья». Меньшевики повторяли утверждения Мартова, что конфискации, как и экспроприации, разлагали партизан и боевиков. Гавена это возмущало: он не знал таких случаев. На съезде имя Гавена называли чаще имен других делегатов. То и дело в докладах и выступлениях ссылались на его позицию. Место Гавена на съезде достаточно подчеркнуто избранием его в состав Центрального Комитета социал-демократии латышского края.

В ходе работы этих двух партийных съездов Гавен сблизился с Яном Берзиным, делегатом питерских большевиков на V съезде РСДРП.

В рассказе о лондонской встрече с Лениным Гавен вспоминал:

«Прощаясь со мной, Ильич спросил:

— Значит, вы возвращаетесь в Россию с этого говорилища большевиком чистой марки?

— Настоящим ленинцем, — ответил я».

Он до конца жизни оставался ленинцем «чистой марки». Ленин особенно подчеркивал, что для латышей-большевиков необходимо глубоко усвоить теорию революционного марксизма. Гавен принял это замечание Ленина на свой счет. Он знал, как много ему надо учиться.

Возвратившись в Ригу, Гавен сразу с головой ушел в партийную работу. Был выпущен манифест ЦК СДЛК «Ко всему пролетариату латышского края!», напечатанный в подпольной типографии в 50 тысячах экземпляров на латышском, русском, литовском и еврейском языках. В манифесте сообщалось о состоявшемся V съезде РСДРП и II съезде СДЛК. Для Юрия Гавена и партийных боевиков самым значительным в манифесте казалось утверждение, что «вооруженная борьба неизбежна… И момент этот приближается с каждым днем, с каждым часом… Мы должны быть к этому готовы». И еще: «Мы приложим все наши усилия к тому, чтобы пролетариат, стоя на самостоятельной позиции классовой борьбы, мог сыграть роль вождя в данной буржуазно-демократической революции». Лозунги «Долой капитализм! Да здравствует социализм!» давали ясную перспективу предстоящей классовой борьбы.

Настала трудная пора нелегальной работы СДЛК, насчитывавшей тогда пятнадцать тысяч членов. Предстояло практически решать задачи по организации профессиональных союзов и экономической борьбы рабочих.

Несмотря на решение о роспуске отрядов, кое-где еще продолжались выступления «братьев», не знавших о решении V

съезда РСДРП. Так, 28 мая 1907 года среди белого дня в Венденском уезде, неподалеку от корчмы «Ледес», в имении «Эльзау», партизаны убили полицейского урядника Савицкого и тяжело ранили нескольких стражников, сопровождавших его. Недавно переведенный сюда урядник быстро вызвал ненависть населения. Он «прославился» еще с 1905 года, когда истязал и уничтожал многих людей в Лубанской волости. Савицкий был организатором расстрела группы малиенских активистов, товарищей Гавена — Берзина, Чулы, юноши Кожакса и других 24 сентября 1906 года. Убийство Савицкого вызвало переполох в жандармском аппарате и среди баронов. Вскоре в тех же местах народные мстители казнили другого урядника — Валанда, такого же жестокого, как Савицкий. Однако эти акты были чисто местными выступлениями и воспринимались как запоздалое эхо пронесшегося в здешних краях грома партизанской войны.

После съездов Гавен работал в Риге как член Рижского комитета СДЛК и член ЦК, руководил задвинской организацией, объединявшей 1500 членов партии. После арестов и разгрома охранкой в начале июня 1907 года митавской партийной организации ЦК перебросил Гавена в Митаву и ввел его в Митавский комитет партии. Митава занимала второе после Риги место в крае по числу казней революционеров. Разгром там был ужасный. 3 июня были арестованы тридцать пять членов партии, в том числе Роберт Эйхе, Роберт Калнин, Роберт Лиепинь и другие. В августе был арестован и Юрий Гавен. Охранка не сумела установить, что Гавен и Дауман одно и то же лицо. Вскоре с помощью товарищей ему удалось бежать.

После побега из Митавы ЦК направил Гавена в Либаву и ввел его в состав Либавского комитета партии. Позднее Прибалтийское охранное отделение сообщило в департамент полиции: «В Митаво-Баусском уезде существует организация социал-демократии, в которой председателем и организатором в уездах состоит бывший учитель Дауман, по кличке Атскабарга, живущий в Митаве. Организация намечена к ликвидации, как только будет обнаружен и арестован в Митаве Дауман, о розыске которого обращено требование в рижское сыскное отделение. Розыск его в Митаве результатов не дал».

24 июля 1907 года в Риге казнили восемь человек, в том числе Яна Карловича Лынтина, старого товарища Гавена, бывшего организатора боевых дружин на заводе «Феникс», партийного руководителя четвертого городского района — «Александровских ворот». Военно-окружной суд в Риге, в котором 19 сентября 1907 года рассматривалось дело делегата V съезда РСДРП и II съезда СДЛК, члена ЦК СДЛК Дубельштейна и его

товарищей, длился всего двадцать минут. Был вынесен смертный приговор Дубельштейну и еще четырем подсудимым. После многодневных истязаний их казнили в ночь на 25 сентября на Песчаной горке бывшего Матвеевского пустыря; трупы тут же зарыли.

В ноябре охранники схватили выданного провокатором Вейдеманом (Швангулис) члена Либавского комитета партии, делегата V съезда РСДРП и II съезда СДЛК, рабочего-столяра Карла Рубинштейна (Шульц). Его истязали бароны Шредер и Адольфи в застенке в Приекуле и 19 ноября расстреляли.

Осенью же был проведен судебный процесс над участниками декабрьского вооруженного восстания 1905 года в Скри-вери-Лиелвадском районе. Девять подсудимых приговорили к смертной казни, а тридцать одного человека — к каторжным работам без срока. Гавен был одним из организаторов массовых протестов против смертных приговоров, против судебного произвола.

В одном только 1907 году высшие военно-судебные инстанции понизили в звании и деквалифицировали девяносто высших военных судей, то есть почти половину всего корпуса военных судей, вывели их из состава военных окружных судов за недостаточно жесткие приговоры политическим подсудимым. Показательно, что многие военные судьи, специально подобранные и проинструктированные, отправлявшие не одну сотню революционеров на виселицу и каторгу, оказались не «на высоте» своего «высокого» призвания.

В газете «Циня» 30 ноября под заголовком «Вас будет душить не закон, а власть инквизиции» было напечатано «Письмо из сыскного отделения» о пытках арестованных и о жестоких допросах политических заключенных. Но власти явно переоценивали устрашающее воздействие пыток и недооценивали стойкость и мужество социал-демократов, продолжавших борьбу.

В ноябре 1907 года Гавен был арестован в Либаве и подвергнут истязаниям в Приекульском застенке. Но с помощью товарищей он бежал из-под ареста. ЦК СДЛК вновь перебрасывает Гавена в Ригу, где он с конца года работает секретарем ЦК и членом Рижского комитета. Рижская организация объединяла тогда 5 тысяч членов партии, треть всего ее состава. Регулярно выходила нелегальная «Циня». В условиях реакции руководство партийными организациями требовало особой бдительности и конспирации.

Агентура охранки старалась обогнать события. Еще Гавена не было в Риге, когда в агентурной сводке за октябрь сообщалось, что 7 октября 1907 года в Риге на сходке социал-демократов

присутствовали Заринь, Зиемелись, Арайс, Перкон и другие. Петербургское начальство наложило на этом донесении резолюцию: «Принять все меры к выяснению, кому принадлежат эти партийные клички». Но шпикам так и не удалось установить, что Перкон — псевдоним Гавена и что Гавен и учитель Дауман — одно лицо.

10 декабря Прибалтийское охранное отделение писало в департамент полиции: «В Митаве проживает некий Дауман, по кличке Атскабарга, бывший учитель в Лифляндии, ныне состоит председателем митавской социал-демократической организации. Был делегатом на последнем социал-демократическом съезде в Лондоне. Приметы: лет 35, выше среднего роста, волосы и усы темно-каштанового цвета, редкая рыжеватая бородка, глаза — светлые, нос — приплюснутый». Такой «письменный портрет» охранка использовала для розыска в тех случаях, когда не имела фотографии разыскиваемого. Нос у Гавена в действительности вовсе не был приплюснут, а как бы чуть-чуть примята горбинка, как делали встарь повитухи, чтобы придать носику новорожденного большую красоту. Тот, кто «оболгал» его нос, немало удружил Гавену, запутав охранников, вероятно из сил выбивавшихся в поисках приплюснутого носа. Они все еще разыскивали учителя Даумана, когда уже был журналист Геворг Петров Гавен. Разыскивали Атскабаргу, когда уже был Перкон. Искали Ваню, когда он уже стал Доннер.

ОТ АРЕСТА ДО ПРИГОВОРА

Шестнадцатого февраля 1908 года в Риге на конспиративной квартире у пожилого заводского рабочего Яна Кожакса, на Кожевенной улице, дом 3, была арестована городская конференция СДЛК. Двадцать два человека были схвачены полицией в квартире, а семеро на подходе к дому, обложенному полицией и шпиками. Среди арестованных оказались Ян Весман, Мартин Ешаутский, Карл Бегге, Отто Карклин, Конрад Шварц, Семен Димандштейн и другие.

21 февраля в Лабораторном переулке, на квартире учительницы Оттилии Мей при начальном частном училище были арестованы собравшиеся на заседание члены Рижского комитета СДЛК и представители районов — всего шестнадцать человек. Среди них Юрий Гавен и Ян Берзин.

При личном обыске на месте ареста у Гавена нашли один экземпляр устава Союза рабочих текстильщиков, напечатанный в типографаи. На полу полицейские подобрали гектографированное циркулярное письмо ЦК РСДРП с надписью на латышском языке: «ЦК СДЛК просит местные организации в скорейшем времени собрать на местах требуемые сведения и отослать их в профессиональное бюро ЦК РСДРП. По поручению ЦК СДЛК Перкон, 12 февраля 1908 года»; письмо, извещавшее местные организации СДЛК об образовании Военного бюро партии; письмо ЦК СДЛК о сборе материалов о деятельности фракций; извещение ЦК СДЛК об отмене общепартийного съезда РСДРП и о подготовке к чрезвычайной конференции СДЛК, все подписанные «Перкоп»; письмо политзаключенных из централа, адресованное в ЦК СДЛК, и еще другие документы. Охранке не удалось установить, что Перкон — партийная кличка Гавена, выдававшего себя за корреспондента газеты «Рижские отголоски», в которой он сотрудничал.

После Октябрьской революции, когда открылся доступ к архивам департамента полиции, было выяснено, что заседание и конференцию выдал охранке провокатор Эдвард Калнин, служивший в охранном ведомстве под кличкой Гранишек. Он выдал охранке три состава Рижского комитета СДЛК и две партийные конференции.

27 февраля состоялся первый допрос арестованных в квартире Мей. Юрию Гавену было предъявлено обвинение по многим параграфам сто второй статьи, от которых «запахло» долгосрочной каторгой.

16 марта в Риге на Плескодальской улице в доме 21 было

арестовано заседание пополненного и частично обновленного Рижского комитета СДЛК — всего девять человек.

Полицейские донесения в Петербург утверждают, что на этом заседании обсуждались вопросы о выборах делегатов на городскую партийную конференцию, о подготовке к Первомаю, о пропагандистской коллегии, о подпольной типографии.

Вскоре была захвачена подпольная партийная типография в Либаве. Полиции удалось также захватить архив и паспортное бюро партии, снабжавшее нелегальных партийных товарищей документами.

Стало ясно, что агентам охранки удалось осуществить многочисленные аресты руководящих партийных деятелей СДЛК.

Несмотря на удручающие массовые аресты и провалы, политзаключенные Рижского централа отмечали пролетарский Первомай. В этот светлый день даже закованные узники чувствовали себя как бы окрыленными; Гавен вспоминал впоследствии, что именно таким было его состояние в тот день.

Во время прогулки колодников по вытоптанному кругу на тюремном дворе сквозь звон и лязг кандальных цепей послышалось пение революционных песен, донесшиеся из корпусов возгласы: «Долой самодержавие», «Да здравствует Первое мая!» Тотчас же тюремщики открыли стрельбу по окнам камер, откуда доносились возгласы и песни. Стреляли без предупреждения при появлении узников за решетками. Так тут было заведено. На сей раз обошлось без жертв.

Возвратившись в камеру, Гавен с товарищами запели «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов!». Они решили ознаменовать Первомай голодовкой протеста против обстрела камер тюремщиками. Пели узники до тех пор, пока не явилось тюремное начальство. Накануне праздника камера получила обильную продуктовую передачу на всю коммуну от Дамского комитета (под этим названием действовал революционный Красный Крест, созданный партией). Вместе с пищей узникам передали и два букета красной гвоздики. На нарах, на белых бумажных салфетках лежали бутерброды.

На команду надзирателя «стройсь!» политзаключенные ответили пением революционного гимна. Разъяренные тюремщики растоптали красные букеты цветов и бросили их в парашу. Всю камеру перевели на общекарцерное положение, на хлеб и воду, отменены были на неделю свидания с родными. Передачу забрали. Когда надзиратели ушли, Гавен бросил им вдогонку, обращаясь к товарищам: «Все же придет время, когда мы этим мерзавцам скрутим голову!» Все они верили, что это время не за горами.

Охранка создавала все новые политические процессы в Риге. На них судили сотни революционеров. В военном суде Риги свирепствовал вешатель Кошелев — председатель Временного военно-окружного суда.

Примерно через месяц после ареста Гавена и его товарищей в Риге происходил судебный «процесс 100», так называемое «дело Айзпутской войны 1905 года». Сто человек было привлечено к суду, приговорившем четверых к смертной казни через повешение и тридцать подсудимых — к каторжным работам.

В июне 1908 года слушалось дело о Руйенском восстании 1905 года, так называемой «Руйенской республики». Шестьдесят пять подсудимых приговорили в общей сложности к пятистам пятидесяти одному году каторги. По этому делу к суду привлекался студент Юрьевского ветеринарного института Эмиль (Емельян) Аболтин, один из руководителей восстания, организатор народной милиции и первый помощник «крестьянского генерала» Кришьяна Боча. 5 апреля 1908 года Аболтин был доставлен в Рижскую центральную тюрьму. Довольно продолжительное время ему удавалось притворяться сумасшедшим, из-за чего его дело было выделено из общего судебного процесса о восстании. В конце июня Аболтина поместили в психиатрическую лечебницу для обследования. Лишь спустя несколько месяцев эксперты установили, что он симулирует, признали его вменяемым и предали военному суду.

В последних числах августа политические узники в централе вместе с передовой общественностью страны и честными людьми всего мира отмечали восьмидесятилетие Льва Толстого. Именно в толстовские дни политзаключенные решительно сопротивлялись тюремщикам, отвечая насилием на насилие. Глубоко чтили Льва Толстого, а отбивались не «по-толстовски».

Заключенным была известна история поручительства Льва Николаевича за молодого латышского сельского учителя Карла Ландера, арестованного на пути в Крым, в Гаспри, куда он отправился пешком, чтобы повидать Толстого. В 1904 году, узнав об аресте, великий гуманист внес тогда залог пять тысяч рублей и сам написал поручительство за Ландера на имя начальника жандармского управления Курляндской губернии. Когда Ландера освободили под это поручительство, Толстой дал ему рекомендательное письмо в «Русские ведомости» на имя редактора Соболевского, где сказано: «Хотя говорят, что на рекомендации Толстого нельзя полагаться, все же прошу Вас дать в своей редакции работу очень умному, серьезному, с идеальным направлением молодому человеку… Я уверен, что останетесь довольны. Я же буду очень благодарен». Это писалось в марте

революционного 1905 года.

Прибыв в Москву, Карл Ландер, уже будучи социал-демократом, становится партийным организатором в Дангауэровке и членом Рогожско-Симоновского райкома партии. Бывший толстовец, он проявил храбрость и отвагу как участник декабрьского вооруженного восстания и боец баррикад Пресни. Гавен знал Ландера.

В толстовские дни в камерах политических вопрос об отношении Толстого к Ландеру вызвал немало споров. Нашлись такие, которые осуждали Ландера за то, что он воспользовался поручительством и денежным залогом писателя, не знавшего тогда, что Ландер более не его приверженец, а сторонник классовой борьбы. Но и те товарищи, которые осуждали Ландера, не осуждали, конечно, великого писателя — младенца в политике. Уж очень занятным казалось это: «Хотя говорят, что на рекомендации Толстого нельзя полагаться».

13 сентября 1908 года Лифляндское жандармское управление уведомило департамент полиции о производстве дознания по «Делу о Центральном Комитете социал-демократии латышского края». К уведомлению приложен список лиц, привлеченных по обвинению в принадлежности к ЦК СДЛК. В числе скрывающихся, но привлеченных по этому списку значатся: Ваня, учителя — В. Дерман, Ян Дауман, Ю. Кажмер, затем — Фр. Звирбуль, Роберт Калнин, Ян Сталь, Яков Тиннис и другие. Таким образом охранка не знала, что Ваня — одна из последних партийных кличек Юрия Гавена, и что Гавен и Ваня одно и то же лицо, то есть Ян Дауман. Так они охотились за тенью Гавена, хотя он уже около восьми месяцев томился в Рижском централе.

В середине сентября охранка разгромила большую подпольную партийную типографию на Венденской улице, где печаталась газета «Циня», центральный орган СДЛК. При этом был конфискован сотый номер газеты и захвачено около сорока пудов шрифта, много бумаги и типографских принадлежностей. Были конфискованы оригиналы статей, писем-приветствий Августа Бебеля и Розы Люксембург, присланные ими к юбилейному выпуску «Цини». Попавшие в централ арестованные работники подпольной типографии информировали членов СДЛК о провале типографии и конфискации сотого номера газеты. Они сумели воспроизвести содержание приветствий Бебеля и Люксембург.

В конфискованном приветствии Роза Люксембург писала: «Только самостоятельная классовая борьба пролетариата, поддержанного революционным движением крестьян, в состоянии уничтожить абсолютизм и завоевать в России свободу. Это

неопровержимый урок исторического развития революции…Мы вступаем в новую борьбу за новые победы, но, конечно, и на новые испытания и новые жертвы… Но одному мы научились: мужественно и смело переносить эти испытания… и научились этому главным образом от латышских товарищей». Эти слова радовали латышей на каторге и глубоко трогали их.

Август Бебель писал: «Пользуясь случаем, чтобы выразить вам свое полнейшее восхищение по поводу той энергии в борьбе, того терпения и самопожертвования, которые вы приносите вашему движению… Тем более признательности заслуживает то обстоятельство, что латышские товарищи продолжают свою борьбу смело и неотступно, несмотря на ряд тяжелых жертв, которые расплачиваются своей жизнью и свободой. Когда-нибудь история русской революции будет написана и весь свет будет удивляться героизму, самоотречению и силе непреодолимого самопожертвования, высказанными социалистами всех народностей России. Поколения будут чествовать жертвы, которые теперь своей кровью и свободой платят за свои убеждения, и среди чествуемых — латышские социал-демократы будут стоять в первых рядах». Вдохновляло это приветствие одного из патриархов Социалистического Интернационала, плотника, ставшего другом и соратником Маркса и Энгельса.

В конце октября политические заключенные в централе тяжко пережили смертный приговор, вынесенный Ревельским временным военно-окружным судом Кришьяну Бочу, прозванному в народе «крестьянским генералом» за его выдающуюся роль в организации вооруженного восстания в 1905 году в Руйенах. Его казнь потрясла революционеров. Тем более переживали ее товарищи, близко знавшие Боча.

С воли поступали все новые вести о продолжающихся арестах и непрекращавшихся репрессиях. Так политзаключенные узнали, что 14 декабря ночью были арестованы восемнадцать участников очередной подпольной конференции рижской организации СДЛК, собравшейся в необитаемом доме под Ригой.

До конца 1908 года в крае сохранилось «военное положение», потом Курляндию и Лифляндию перевели на положение «усиленной охраны». Продолжали действовать временные военные суды. Большие жертвы понесла рабочая молодежь — дружинники, участники вооруженных организаций. Боевиков, как правило, приговаривали к смертной казни — повешению или расстрелу. Испытанные кадры партии, руководившие революционными боями, оказались в тюрьмах и в ссылке. Лишь немногим руководящим деятелям и комитетчикам СДЛК удалось уйти в подполье. Отдельные деятели СДЛК перебрались в

Петербург и Москву, в Баку, Николаев, Харьков и другие рабочие центры.

РИЖСКИЙ ЦЕНТРАЛ

Рижский централ был построен в канун 1905 года в предвидении надвигавшихся революционных бурь. Сюда попадали со всех концов России «сливки» — опаснейшие политические «преступники», главным образом приговоренные к долгосрочной и бессрочной каторге. Среди них латышские социал-демократы составляли авангард.

Рижский централ с самого начала пользовался мрачнейшей славой среди прочих каторжных тюрем России. По жестокости режима он стоял в одном ряду с самыми суровыми каторгами Сибири и Севера страны.

В годы реакции централ был переполнен. В камерах, рассчитанных на двадцать пять заключенных, содержали шестьдесят и больше. Даже в одиночках сидело по нескольку узников. В одном из донесений департаменту полиции лифляндский губернатор писал: «Тюрьмы переполнены как в Риге, так и в уездах до крайней степени. Иногда невозможно даже за неимением места разобщить политических от уголовных арестантов». Власти страшились общения политических с уголовными, так как через них часто устанавливалась связь с волей.

В камерах стоял смрад от общих параш, а окна были заколочены и не открывались ни летом, ни зимой. С первого дня заключения арестованному приходилось вести борьбу за глоток свежего воздуха, за глоток чистой воды, против паразитов и грызунов, за какой-то санитарный минимум, борьбу против червей в постылой баланде и в прокисшем хлебе. Приходилось бороться за право курить, за право читать и писать, иметь в камере перо и чернила и часто за право свиданий с родными и близкими. Всякий попавший в эту каменную неволю втягивался в постоянную непрекращавшуюся борьбу против жестокости режима и произвола тюремщиков, поощряемых высшей властью.

По числу смертных казней в годы революции и в первые годы столыпинской реакции Рига и централ занимали одно из «почетных» мест в таблице русских городов. В эти годы казнили: в Варшаве — 851 революционера, в Риге — 515, в Екатеринославе — 481, в Петербурге — 278, в Орле — 270, в Тифлисе — 260, в Киеве — 232, в Нижнем Новгороде — 228 и т. д. Во всем мире в 1908 году казнено по приговорам судов — 2311 человек, в том числе в царской России — 1340 революционеров.

В Рижском централе расстреливали и вешали политических тут же, за тюремной оградой, на пустырях Матвеевского

кладбища, где под безымянными могильными холмами похоронено много жертв реакции. Узникам иногда удавалось наблюдать из окон камер процедуры казней, совершавшихся при свете факелов и «летучих мышей». Они строились в живые пирамиды, чтобы по очереди добраться до решетки и разглядеть все.

Нередко тюремщики, заметив наблюдавших, открывали огонь по окнам. Не один политический пал жертвой таких обстрелов. Из окон неслись протесты против казней. Бывало, до камер доносились крики уводимых на казнь: «Прощайте, товарищи!» Тогда вес заключенные, разбуженные перестуками, скандировали: «Прощайте, товарищи!» Политические пели «Красное знамя», «Вихри враждебные» и другие гимны. Раздавались выкрики: «Долой самодержавие! Долой палачей! Да здравствует революция!» И все это перекрывало пение: «На бой кровавый, святой и правый марш, марш вперед, рабочий народ…»

В камеры политических попала статья Л. Н. Толстого «Не могу молчать», переведенная на латышский язык. В отрывках она была напечатана еще летом в петербургской газете «Речь» и в других газетах. Толстой писал: «Семь смертных приговоров: два в Петербурге, один в Москве, два в Пензе, два в Риге. Четыре казни: две в Херсоне, одна в Вильне, одна в Одессе… И это продолжается не неделю, не месяц, не год, а годы… вот второй, третий год непрестанные казни, казни, казни».

Толстой обличал власти, утверждавшие, будто все ото «делается во имя общего дела, во имя обеспечения спокойствия жизни людей, живущих в России». Он писал далее: «Для меня, стало быть, нищета народа. Для меня все эти высылки людей… эти сотни тысяч голодных, блуждающих по России рабочих, для меня эти сотни тысяч несчастных, мрущих от тифа, от цинги в недостающих для всех крепостях и тюрьмах. Для меня страдания матерей, жен, отцов, изгнанных, запертых, повешенных… Для меня закапывание десятков, сотен расстреливаемых… Для меня эти виселицы с висящими на них женщинами, детьми, мужиками; для меня это страшное озлобление людей друг против друга».

«Нельзя так жить. Не могу так жить, не могу и не буду… одно из двух: или кончить все эти нечеловеческие дела, или… чтобы и меня посадили в тюрьму, где я бы ясно сознавал… все эти ужасы… или… надели на меня… саван, колпак и… столкнули со скамейки, чтобы я своей тяжестью затянул на своем старом горле намыленную петлю». Узники верили в искренность Льва Толстого, в его отвращение к казням как высшему проявлению варварства самодержавной власти. «Не могу молчать» вызвало бурный отклик всей политической каторги, во всех корпусах и

камерах централа. Обращение Толстого взбудоражило совесть народа, общественное мнение всех цивилизованных стран.

С 4 по 7 марта 1909 года в Риге шел «процесс 44-х», на котором судили Юрия Гавена и его товарищей. Гавен держал себя на военном суде с достоинством революционера. ЦК СДЛК организовал с помощью Петера Стучки сильную защиту на процессе. Привлечены были известные адвокаты из Петербурга и Москвы, имевшие большой опыт защиты политических подсудимых на военных судах. 7 марта был вынесен приговор. О. Карклина приговорили к восьми годам каторги, Ю. Гавена и Я. Янсона — к шести годам каждого, Ф. Розиня, К. Бегге, Ю. Межина, К. Шварца, С. Димандштейна и других — к четырем годам каторги каждого. Всего двадцать семь подсудимых приговорили к 131 году каторги, а семь человек — к ссылке в Сибирь. Суду остались неизвестными настоящие имена и дела некоторых подсудимых. Так, Семена Марковича Димандштейна судили под фамилией Горфинкель, Отто Карклина — под фамилией Блум. Суд не выявил роль Гавена в вооруженной борьбе «Лесных братьев» и ряде других выступлений, что спасло его от верного смертного приговора.

23 апреля 1909 года в Риге закончился судебный процесс по делу Тукумского восстания 1905 года. Военный суд приговорил Жанно Лушкевича к смертной казни через повешение. Гнрша Глазера — к каторге без срока, а остальных подсудимых — к разным срокам каторжных работ. Председательствовал на этом суде генерал-майор Остен-Сакен. Дело подсудимого Кирша Ивана было выделено из общего процесса «на предмет установления его умственных способностей». Кирш Иван виртуозно притворялся умалишенным. Только год спустя суд признал его вполне вменяемым и приговорил к восьми годам каторги. В ноябре того же года в военном суде в Риге слушалось «дело виндавской социал-демократической организации», известное как «судебный процесс 80-ти». Среди осужденных был Ян Рудзутак, приговоренный к пятнадцати годам каторги, и другие активисты СДЛК.

Каждый вывод политзаключенных на суд возбуждал сильнейшее волнение во всех корпусах централа. По возвращении с суда в камеры здесь слушали отчеты о подробностях и перипетиях каждого дня судебного разбирательства, анализировали и оценивали поведение каждого подсудимого на допросах и в открытом суде.

Начальник тюрьмы Эрнест, а затем сменивший его Гериус, старший надзиратель Крумин, все надзиратели зверствовали и избивали заключенных. Попавшие в централ члены ЦК и

Рижского комитета СДЛК возглавили массовое сопротивление этому дикому произволу. В тюрьме действовала подпольная организация политических. Подполье охватывало все корпуса, имело связь с ними через «главного почтальона». С одиночными и женскими корпусами связь поддерживали через баню и тюремную аптеку. Непрерывно работал «телеграф», перестукивания, ручная сигнализация между корпусами. Члены ЦК СДЛК держали постоянную связь с оставшимися на воле це-кистами и видными деятелями партии.

В тягчайших условиях заточения члены партии в камерах обсуждали решения III съезда СДЛК, состоявшегося в октябре в Гельсингфорсе, Только три делегата II съезда присутствовали на III, почти все остальные попали на каторгу и в ссылку. Делегаты III съезда критиковали ЦК за недостаточное внимание обучению членов партии обращению с огнестрельным оружием. Похоже было, делегаты верили, что вскоре придется биться против самодержавия с оружием в руках.

В централе существовала политическая «академия». Была и каторжанская библиотека; ею одно время заведовал Гавен. Политкаторжане прилежно учились, будучи твердо уверены, что знания им понадобятся в грядущей революции. Юрий Гавен учился с большим упорством. У него тут были такие замечательные учителя-марксисты, как Фриц Розинь, который в централе переводил «Капитал» Маркса и «Женщину и социализм» Бебеля и на латышский язык. В день двадцатипятилетия со дня смерти Карла Маркса, вскоре после того, как Гавен попал в эту тюрьму, занятия кончились общим карцером (в том числе и для анархистов, несогласных с марксовым учением о государстве).

В 1909 году число казней сократилось, а выводов на суды стало больше. Уводили каждый раз десятки, а то и сотни товарищей. Их ждали каторга и ссылка.

Известие о разоблачении Азефа оживленно обсуждали во всех камерах политических. Отбывавшие здесь каторгу эсеры были до крайности подавлены тем, что в их центральном исполкоме долго орудовал матерый провокатор. Провокаторы выдавали и проваливали целые составы комитетов и конференций социал-демократических организаций. Это вызвало смятение среди заключенных. Охранка систематически сеяла взаимную подозрительность в партийной среде, что было самым страшным для революционеров.

Для подогрева верноподданнических чувств власти готовили открытие памятника Петру I в Риге. На церемонию ожидался приезд царя со свитой. Охранное ведомство воспользовалось этим поводом, чтобы инспирировать агитацию узников централа за

подачу петиции «на высочайшее имя» о помиловании и смягчении приговоров. Гавен и другие члены ЦК повели энергичную кампанию против подачи прошений, позорных для революционера. Нашлись малодушные, наивно надеявшиеся на царские милости. Тюремщики и провокаторы натравливали уголовных на политических. Но царь в Ригу не приехал, амнистии не получилось.

Вскоре в централ пришли крайне тревожные вести о волнениях политзаключенных в каторжных тюрьмах России, особенно в Вологодской, Орловской и Нерчинской, в Зерентуе, где начались самоубийства среди узников как протест против телесных наказаний политических. За пять лет, с 1903 по 1907 год, в российских тюрьмах покончили с собою двести политических, а за 1908 год — сто двадцать, за 1909 год — сто сорок два, за 1910 год — сто сорок пять. В 1907 году в Рижском централе повесился Иогансон; в 1908 году покончил самоубийством приговоренный к смерти Освальд Нейланд, которого повесили уже мертвого. Покончил с собой в централе воронежский боевик социал-демократ Тихон Кривкин.

Весной 1910 года раздался голос протеста против жестокости режима в каторжных тюрьмах — голос, услышанный всеми передовыми людьми в России и за ее пределами. В марте и апреле в «Русском богатстве» печаталось «Бытовое явление» Владимира Короленко, в свое время испытавшего на самом себе все «прелести» российских тюрем. На конкретных примерах Короленко показал всю мерзость, подлость и преступность каторжного режима, в частности и в Рижском централе. Разоблачительное выступление Короленко вызвало необычайно широкий отклик в России и за рубежом. Протест Короленко был во сто крат усилен поддержкой Льва Толстого, обратившегося к нему с письмом, напечатанным в столичной прогрессивной прессе и за границей. Лев Николаевич высказался за распространение «Бытового явления» в тысячах тысяч экземпляров. Толстой писал, что никакая другая агитация не достигнет такой разоблачительной силы, как полный гнева и сострадания к узникам каторги протест Владимира Галактионовича Короленко.

Выпуски «Русского богатства» с выступлениями Короленко и Толстого встретили в камерах централа горячий отклик. Солдаты революции были тронуты до слез.

С радостью встретили узники сотый номер «Циня», переизданного в Брюсселе со статьей В. И. Ленина, в которой он писал: «Во время революции латышский пролетариат и

латышская социал-демократия занимали одно из первых, наиболее видных мест в борьбе против самодержавия и всех сил старого строя… Он (латышский пролетариат. — В. Б.) шел в авангарде вооруженного восстания, он больше всех содействовал поднятию движения на высшую ступень, то есть на ступень восстания. Он больше, чем кто-либо другой, втянул в великую революционную борьбу против царизма и помещиков латышский сельскохозяйственный пролетариат и латышское крестьянство. Будучи одним из передовых отрядов российской социал-демократии во время революции, латышская рабочая партия оказалась впереди и в тяжелый период контрреволюции… Латышская социал-демократия имеет полное основание гордиться своими успехами…»[6] Юрий Гавен и его товарищи по заключению были воодушевлены тем, что В. И. Ленин столь высоко оценил их боевой опыт.

С июля по октябрь 1910 года в Риге шел процесс двухсот двадцати четырех подсудимых, обвиняемых в принадлежности к салдулской боевой организации. Сорок три человека были приговорены к каторге без срока, другие подсудимые — к разным срокам наказания. Узники тяжко переживали каждый вывод товарищей на суд и с нетерпением дожидались возвращения подсудимых в камеры.

Политическая каторга жила интересами борьбы рабочего класса и угнетенных всего света. Каждое революционное выступление в любой стране здесь, в каторжной тюрьме, воспринималось как непосредственно касающееся узников. Не было такого важного события в международной жизни, которое не обсуждалось бы в камерах на «занятиях».

Осенью 1910 года умер Л. Н. Толстой. Тюрьма откликнулась на смерть великого писателя. После перестука в камерах началась общетюремная панихида. Говорили речи, в слезах читали громко вслух отрывки из «Не могу молчать», провозглашали революционные призывы. Над всей тюрьмой слышно было: «Долой самодержавие! Долой палачей!» Пели во всех камерах траурные гимны. Заключенным удалось получить столичные и партийные газеты с подробными описаниями прокатившихся по всей стране стачек и демонстраций в дни похорон Толстого. Газеты сообщали о расправах полиции и казаков с демонстрантами и стачечниками. С одобрением каторжане отнеслись к предложению, принятому на митинге пути-ловских рабочих, чтобы вместо сборов средств на венки на могилу Толстого усилить борьбу за отмену смертной казни в России.

Во мраке каменной неволи были свои «светлые» стороны. Это прежде всего товарищеская спайка и интернациональная дружба

и братство заключенных. Здешнее бытие отчасти смягчалось регулярными передачами и широкой информацией с воли, свиданиями с родными хотя бы сквозь железную решетку и под надзором тюремщиков. Все, что передавалось с воли, поступало в общий котел. Теплые вещи и теплое место уступали более слабым, больным и истощенным товарищам. Передачи поступали от родных и товарищей, а самые обильные от революционного Красного Креста, иногда и от других филантропических организаций. Либа Дауман, мать Гавена, и его сестра Термина иногда приносили передачи на всю камеру.

С назначением нового начальника тюрьмы Семковича режим ухудшился. Отменялись завоеванные дорогой ценой некоторые «вольности». Все чаще политические лишались свиданий и передач, особенно книг и письменных принадлежностей. Участились случаи избиения заключенных. По малейшему поводу и без явных поводов переполнялись карцеры. Затрудняли пользование библиотекой, созданной трудами политкаторжан. Гавен был одним из организаторов отпора Семковичу и его подручным.

Воспользовавшись поступившим 22 февраля 1911 года требованием Главного тюремного управления откомандировать некоторую часть каторжан на работы по строительству Амурской железной дороги, Семкович, чтобы отделаться от Гавена, включил его в список на отправку в Сибирь. Гавену оставалось всего три года срока. Однако пока тянулась переписка об отправке между департаментом и тюремным ведомством, подоспели первомайские события в тюрьме и Гавену не пришлось строить Амурскую железку.

Первомай ознаменовался острой схваткой с тюремщиками. Надзирателям пришлось туго, когда сильный Гавен яростно сопротивлялся попытке втащить его в карцер. В потасовке ногу Гавена зажали кованой железной дверью и повредили голеностопный сустав и щиколотку. Из списка к отправке на строительно-каторжные работы его пришлось исключить. Эта травма, усугубленная кандалами, сделала Гавена в дальнейшем инвалидом.

Все же тюремное начальство спешило избавиться от Гавена и от всех зачинщиков схватки. Их отправляли в Бутырскую тюрьму в Москву, в Орловский, Псковский и Смоленский централы. Путь Гавена лежал на север. Тяжело было расставаться с товарищами, оторваться от места, где за тюремной оградой лежит родной край и где, несмотря на все удары, жила партия.

Превозмогая нестерпимую боль в распухшем колене и в щиколотке, опираясь на руки товарищей, Гавен приветливо

улыбался матери, пришедшей проводить своего Жаниса. Не хотелось огорчать мать. Выпрямившись, он помахал рукой и крикнул матери, чтобы не тужила.

Долго тянулась этапно-каторжная дорога на север. Лето обгоняло этапников.

ВОЛОГОДСКАЯ КАТОРГА

Вологодская тюрьма числилась в списке пятнадцати тюрем, режим которых «славился» расправами и издевательствами над политзаключенными. То была каменная неволя, много хуже рижской.

Угнетала отрезанность от мира. Никаких свиданий, почти никакой переписки. Почта приходила с опозданиями.

В конце 1910 года в Государственной думе был сделан запрос «Об избиении политических в вологодской каторге и о массовых порках, при которых двое из семидесяти двух высеченных скончались, не выдержав страданий». В. И. Ленин откликнулся тогда на эти «зверства царских тюремщиков, истязавших в Вологде и Зерентуе наших товарищей каторжан, преследуемых за их геройскую борьбу в революции…». Организатором побоища был тюремный инспектор Ефимов. До прибытия Гавена в вологодскую каторгу Ефимов был тяжело ранен стрелявшей в него революционеркой, которой удалось скрыться. Новый начальник тюрьмы Меркурьев, назначенный после ранения Ефимова, особенно круто стал завинчивать гайки тюремно-каторжного режима. Переведенный сюда из Орла, он стал тут наводить орловские порядки.

Тяготы здешней тюремной жизни несколько смягчало то, что тут оказалась большая группа латышских социал-демократов — бывших боевиков, дружинников, «братьев». Среди них был Людвиг Боровский — один из организаторов январской стачки протеста и демонстрации 13 января 1905 года в Риге, участник вооруженного нападения на Рижский централ в сентябре 1906 года; в Вологодскую тюрьму он попал из Рижского централа, где в 1907 году был приговорен к пятнадцати годам каторги. Здесь отбывали заключение Янис Упит, Карл Калнин, Янис Янсон, Янис Вернатс — все они были приговорены в Латвии к длительным срокам каторги. Позднее сюда перевели Екабса Калнина, приговоренного в Риге к десяти годам каторги.

Гавену пришлось очень плохо. Боли в ноге обострялись, а врачебной помощи ждать было неоткуда. В тюрьме царил жестокий режим «усмирительных» строгостей и произвола. Гавен с трудом добился, чтобы расковали больную ногу. Он и сам не предполагал, насколько велика беда.

Каторга напоминала потревоженный улей, когда пришла весть об убийстве Столыпина. Хотелось верить, что это убийство, совпавшее с новым подъемом рабочего движения, явится началом конца реакции, виселиц и казней и произвола тюремщиков. Не

верилось в официальную версию охранки об убийстве Столыпина ее агентом. Гавен был ярым противником индивидуального террора как средства политической борьбы. Он не верил, что Дмитрий Богров, убивший Столыпина, провокатор. Казалось, вся биография Богрова исключает в одинаковой мере как предположения об идейно-монархических его побуждениях, так и о простой продажности. Одно то, что власти поторопились тайно казнить Богрова, вызывало сомнения в правдоподобности официальной версии. В вологодской каторге отбывали срок не только социал-демократы, но и эсеровские боевики и анархисты. Естественно, что акт Богрова возбуждал много споров и толков в камерах политических. Бесспорным казался только заслуженный конец самого кумира контрреволюции.

«Союз русского народа» и вся черносотенная пресса России ответили на убийство своего вождя не тодько беспрерывными молебнами и колокольным перезвоном. Бия во все колокола, они потребовали разгрома всех рабочих союзов и организаций, призывали к искоренению революционной крамолы из ее «колыбели» — тюрьмах и на каторге, ставших питомниками революционеров. Возникла реальная опасность. Тюремщики могли соблазниться этими призывами и учинить массовую расправу над политическими узниками. Можно было ожидать нападение черносотенцев на тюрьму. Политкаторжане подготовились к схватке. Но царизм на такой шаг не решился. Месяца через полтора до узников вологодской каторги дошло содержание посвященной убийству Столыпина статьи В. И. Ленина в октябрьском номере парижского «Социал-демократа». Владимир Ильич писал, что убийство Столыпина совпало с крахом столыпинщины и новым революционным подъемом в стране. Постепенно споры о политической физиономии Богрова прекратились. Их сменил анализ внутриполитического положения в России.

Вскоре с воли в камеры попал перевод отрывка из статьи внука Карла Маркса — Жана Лонге, напечатанной в «Юманите» по поводу убийства Столыпина. Известный французский социалист сообщал в этой статье новые сведения о росте числа политических заключенных в тюрьмах России за годы столыпинщины: в 1906 году их было 114 тысяч, в 1907 — 139 тысяч, в 1908 — 166 тысяч, в 1909 — 181 тысяча, в 1910 — до 200 тысяч. В годы столыпинской реакции в России прошло более полутора тысяч политических судебных процессов. Пятьсот тридцать три из них закончились вынесением смертных приговоров, а также приговорами к бессрочной и долгосрочной

каторге. С 1905 по 1910 год в тюрьмах России покончили самоубийством 9510 политических заключенных.

Исключительно большое волнение вызвало у политкаторжан самоубийство четы Лафаргов. Главный мотив самоубийства: «человек в семьдесят лет становится обузой для общества». Этот мотив Гавен отвергал. Против него говорило хотя бы то, что до последних дней жизни Поль Лафарг блистательно представлял французский пролетариат в Социалистическом Интернационале и во французском парламенте как его депутат. Лафарг смело выступил с трибуны парламента против врагов рабочего класса и социализма. Лаура Лафарг переводила труды своего великого отца на многие европейские языки и вместе с Францем Мерингом трудилась над биографией Маркса.

Возникали нехорошие, опасные выводы и сравнения. Люди моли же рассуждать так: раз уж Лафарги в условиях жизни на воле, в условиях буржуазной демократии, несравнимой самодержавным режимом России, не зная материальной нужды, могли решиться на такое, то как будет воспринят их пример? Как должны поступать люди в каторжной неволе? Гавен считал, что необходимо осудить самоубийство революционера, кем бы он ни был, а тем более самоубийство Лафаргов.

Вскоре пришли сообщения с воли о речи Ленина на похоронах Лафаргов. В. И. Ленин говорил об идеях марксизма, «столь блестяще подтвержденных опытом борьбы классов в русской революции… Под знаменем этих идей сплотился передовой отряд русских рабочих», который «отстаивал и отстаивает дело социализма, дело революции… Близится к концу эпоха господства так называемого мирного буржуазного парламентаризма, чтобы уступить место эпохе революционных бпгв организованного и воспитанного в духе идей марксизма пролетариата, который свергнет господство буржуазии и установит коммунистический строй» [7].

Ленин не осудил самоубийство, но он сказал, и каторжане согласились с ним, что сейчас самое важное — это близкая перспектива борьбы за свержение царизма и установление коммунистического строя.

В 1912 году, находясь в ссылке на Сухоне, вел партийную работу Ян Ленцман. Он помог расширить связи политкаторжан с внешним миром. В тюрьме узнали подробности состоявшейся в Праге большевистской конференции.

Бурю гнева вызвал расстрел рабочих на приисках далекой Лены весной 1912 года. Люди там искали золото, а нашли смерть. В те дни политкаторжане только и жили думами и толками о массовых рабочих стачках и демонстрациях протеста против

Ленского расстрела, прокатившихся по всей стране. Узники протестовали по-своему: объявили голодовку, пели траурные гимны и революционные боевые марши.

К концу года узники стали время от времени получать большевистскую «Правду», благодаря невероятным ухищрениям товарищей на воле пробивавшую себе путь в камеры.

Политзаключенные болезненно остро реагировали на любое сообщение о военно-судебных приговорах. В начале лета в Кронштадте военный суд приговорил многих балтийских моряков к долгим срокам каторги. В конце июня в Севастополе военный суд приговорил девятерых матросов Черноморского военного флота к смертной казни, а четвертых — к каторге без срока. 25 октября 1912 года в Севастопольском военном суде приговорили сто сорок матросов военного флота. Семнадцать моряков осудили на казнь, остальных — на каторгу. Эти судебные процессы красноречиво свидетельствовали о революционном брожении на военном флоте.

Начавшаяся летом 1912 года новая вспышка самоубийств в разных каторжных тюрьмах довела политических в вологодской каторге до крайнего напряжения. Сведения об очередном бунте в Орловском централе, о волнениях заключенных в шлиссельбургской, псковской, бутырской, алагачской и кутомарской каторгах вызвали немалую тревогу. Самоубийства в знак протеста против телесного наказания политичесиих все еще воспринимались некоторыми узниками как героическое сопротивление тюремщикам и как бесстрашная защита человеческого достоинства революционера.

Гавен состоял в переписке со многими товарищами, оставшимися на воле. В тюрьму на его имя поступали письма из-за границы, написанные простыми и чаще всего химическими чернилами, с шифром, а то и просто полные иносказаний. Писали ему большей частью на латышском и немецком языках. Его корреспонденция была взята под особый контроль. Тюремщикам это доставляло много хлопот. О корреспонденции Гавена велась длительная переписка между начальником Вологодского губернского жандармского управления и особым отделом департамента полиции. Письма лабораторно изучали как важную политическую конспирацию.

Писали Гавену о выборах в думу, о борьбе с ликвидаторами, о стачечной борьбе рабочих, о подготовке к «страховой кампании», о жизни партии и о важных событиях на воле. Из-за границы ему писали о делах и жизни зарубежных социалистов, о трудной жизни русской политической эмиграции, о борьбе с оппортунистами, а больше всего о разразившейся Балканской

войне. В одном письме из Цюриха от 12 сентября Гавену писали о покушении на наследника русского престола цесаревича Алексея и о его ранении, о самоубийстве в связи с этим «дядьки» наследника — генерала и двух морских офицеров. Из Цюриха же писали ему о стотысячной демонстрации питерского пролетариата.

Гавен получил фотооткрытку красивой молодой женщины. Открытка имела штамп Цюрихского почтамта, датированный 14 ноября 1912 года. На обратной стороне открытки была надпись: «Скоро будет европейская битва. Скоро наступят дни, когда сможем поговорит!.». Это был явный намек на решения Базельского конгресса. Подписано это было: «Любящая вас сестра». Гавен давал читать эти письма товарищам по камере и близким ему социал-демократам в других камерах.

Политкаторжане узнали о Базельском конгрессе Социалистического Интернационала, на котором Ленин давал бой реформистам. Запомнилось утверждение Жореса на этом конгрессе, что революция будет стоить народам меньше жертв, нежели чужая война за интересы империалистического капитала. Многообещающими прозвучали слова из манифеста конгресса против войны, где говорилось о возможности превращения империалистической войны в войну гражданскую. В манифесте признавалась необходимость «встряски масс для ускорения свержения классового господства капиталистов». Это воспринималось как прямой призыв к революционным восстаниям. А политкаторжанам очень хотелось дожить до «встряски масс» и участвовать в революционных битвах.

Во время Балканской войны в камерах политических подробно разбирали наиболее значительные военные операции. Комментировали и дипломатические акции, в особенности вмешательство русского правительства в войну. Политическое чутье революционеров, неплохое знание некоторыми из заключенных уроков истории наводили их на мысль, что на Балканах разыгрывается лишь пролог близкой войны между коалициями великих держав.

Время от времени Гавену писали сестра Термина и брат Генрих из Петербурга, где они оба учились: Термина — на курсах Лесгафта, а Генрих — в художественном училище Штиглица. Писал часто и брат Ане, работавший в Литве землемером. Иногда он присылал и небольшие денежные переводы. Ане постоянно поддерживал Термину и Генриха. Он верил в талант своего брата-художника. В конце лета от Анса пришло крайне печальное письмо. Гостя у него в летние каникулы, утонул Генрих. Страшно было подумать о переживаниях матери, у которой утонули

старший и младший сыновья.

Умер Август Бебель. Революционные социал-демократы чтили его за былую борьбу против оппортунистов-бернштейнианцев. Гавен рассказывал товарищам о прямом содействии Бебеля в оказании денежной помощи V съезду РСДРП. Смерть Бебеля глубоко опечалила узника.

В самом конце 1913 года в камеру поступила «Циня» № 125. В газете была корреспонденция из Риги о стачках и демонстрациях протеста рижского пролетариата против смертного приговора севастопольским матросам и против режима пыток в каторжных тюрьмах. Латыши-политкаторжане гордились рижскими рабочими, поведшими открытую массовую борьбу против жестокости военных судей и тюремщиков.

Много лет спустя, уже после революции, В. И. Ленин сказал в одной беседе: «Каторга… одно слово — каторга. Сотни наших политических речей не стоят одного такого воспоминания о каторге»[8]. Политическая каторга при царизме была мучительно трудной школой революционеров, школой тягчайших испытаний, мужества, стойкости и ненависти к самодержавию.

Каторга на всю жизнь сделала Юрия Петровича инвалидом. В поврежденной ноге развился туберкулез кости. Открытые свищи и язвы угрожали заражением крови. Долго не проходили боли в примятой во время схватки с тюремщиками грудной клетке. В ребрах оказались трещины. Единственным спасением могло быть лечение в Крыму или на Кавказе, но судьба осужденного революционера направила его в суровую сибирскую ссылку на Енисей, наверняка крайне опасную для его здоровья.

ЕНИСЕЙСКАЯ ССЫЛКА

Енисейская ссылка считалась весьма суровой. Сюда ссылали наиболее опасных врагов царизма: разинцев, стрельцов, декабристов, петрашевцев, народовольцев, первомартовцев и деятелей партии «Пролетариат», деятелей «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В конце прошлого века отбывал ссылку в Енисейском крае В. И. Ленин.

На севере края условия ссылки были особенно тяжелыми. Административно-сосланные ничего не получали от казны, а найти заработок было почти невозможно. Были случаи самоубийства на почве голода. Ссыльные, ослабленные после каторги, не могли добывать пропитание рыболовством и охотой. В годы реакции и в начале войны приток ссыльных на Енисей увеличился.

К началу первой мировой войны Гавен попал на поселение в село Чадобец Пинчугской волости на реке Ангаре, в Енисейском уезде. С первых дней мировой войны обозначилось размежевание между политическими ссыльными. В августе — сентябре 1914 года в колониях ссыльных на Ангаре обсуждали три резолюции об отношении к начавшейся войне: резолюции Кежемской и Пинчугской колоний были оборонческого, оппортунистического направления. Только резолюция Чадобецкой колонии была выдержана в духе пораженчества, призывала к борьбе против начатой царизмом войны. Автором чадобецкой резолюции, разосланной по всем колониям ссыльных на Енисее, был Гавен.

Вскоре на Ангару прибыла новая группа ссыльных, доставившая постановление ЦК СДЛК об отношении к войне, составленное в большевистском духе, с последовательно интернационалистических позиций. Это был первый документ партийных центров об отношении к империалистической войне, попавший сюда. Это постановление полностью подтверждало правильность чадобецкой резолюции.

Примерно в середине ноября пришли столичные газеты с сообщением петербургского агентства от 8 ноября 1914 года об аресте большевиков — депутатов Государственной думы. Им инкриминировали полную солидарность с пораженческими тезисами Ленина.

В марте 1915 года ссыльные Буянов и Киселев привезли на Ангару тезисы Ленина о войне, вооружившие большевиков в их борьбе против оборонцев. В тезисах было сказано: «С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее

войск, угнетающих Польшу, Украину и целый ряд народов России и разжигающих национальную вражду для усиления гнета великорусов над другими национальностями и для укрепления реакционного и варварского правительства царской монархии».

Весной 1915 года Гавен перенес операцию в енисейской больнице. Почти два месяца он был оторван от колонии. Но ему удалось установить связь с енисейскими большевиками, среди которых были его земляки латыши А. Спундэ, Е. Румба и другие товарищи. Они часто навещали его, привозили книги, еду.

По выходе из больницы он попал в коммуну ссыльных, которая была центром енисейских большевиков. Среди наиболее деятельных участников коммуны были Перенеси, Румба, Спундэ, Жуковский, Львовский и др. Коммуна поддерживала постоянную переписку с другими районами ссылки, особенно с Туруханском, где находились в ссылке три члена ЦК партии — Я. М. Свердлов, С. С. Спандарьян и И. В. Сталин. Переписывались с красноярскими большевиками, которые держали связь с Москвой и Питером и снабжали ссыльных большевиков резолюциями и воззваниями ЦК, Петербургского и Московского комитетов партии, а также нелегальными изданиями. Коммуна держала связь с Еленой Стасовой, которую весной после кратковременного ареста поселили в селе Бея, а с лета — в селе Курагино Минусинского уезда.

Летом 1915 года с помощью товарищей по коммуне Гавен попал на грязелечение в село Плотбище. Здесь он, правда, не занимался политической деятельностью, но все же хранил у себя антивоенные прокламации и прочую нелегальщину. По доносу провокатора эсера Базарова жандармы обыскали Гавена. Хотя им не удалось обнаружить ничего компрометирующего, охранка не оставляла больного без наблюдения.

Весь сентябрь того же года он пролежал в красноярской больнице, а затем был выслан в Минусинск. В октябре и ноябре минусинские большевики с участием Гавена выпустили и распространили шесть прокламаций против войны. В конце ноября ему разрешили вернуться обратно в красноярскую больницу для продолжения лечения. Лежа в больнице, Гавен установил связь с местной организацией РСДРП.

Красноярская подпольная группа революционных социал-демократов была организована в начале 1915 года ссыльными большевиками, которым вскоре удалось вовлечь в организацию местных рабочих. Здесь были Мещеряков, Шлихтер, Дубровинский и другие известные деятели партии. Летом 1915 года, незадолго до первого приезда Гавена в Красноярск, здесь проездом побывали сосланные на Енисей большевики — депутаты

Государственной думы.

Выписавшись в середине декабря из красноярской больницы, Гавен поступил на работу в местную типографию, в которой печаталась краевая газета «Енисейская мысль». Учитывая настроения типографских рабочих, большевики готовили стачку. Разрабатывали и формулировали требования рабочих. В стачечный комитет были избраны Гавен и другие деятели большевистского подполья.

Стачка началась 9 января 1916 года, в памятный для всех рабочих России день. Красноярская забастовка печатников с самого начала была в центре внимания общественности сибирских городов. Начался сбор средств в помощь бастующим. Приток средств усилился после того, как в иркутской газете «Сибирь» была напечатана корреспонденция Гавена о причинах и ходе стачки. Стачечный комитет распространял прокламации о значении забастовки и о положении рабочих. Администрации удалось подавить стачку. В секретном донесении в департамент полиции начальник Енисейского жандармского управления сообщил, что «предпринятыми арестами в ночь на 23 января 1916 года была ликвидирована опасность перерастания забастовки печатников во всеобщую забастовку».

К тому времени были организованы ячейки большевиков (группы революционных социал-демократов) в железнодорожных мастерских и депо, где работало более двух тысяч рабочих.

На первых порах в эти ячейки вступило человек по пятнадцать. После забастовки печатников влияние ячейки среди железнодорожников усилилось. Были созданы ячейки торговых служащих на лесопильном заводе, у деревообделочников. Распространялись антивоенные листовки, печатавшиеся в той же типографии, где работал Гавен. Там печатали и другие нелегальные материалы.

После стачки печатников образовался подпольный городской комитет большевиков, начавший широкую партийную работу среди рабочих Красноярска. Большевики использовали созданную политическими ссыльными кооперативную легальную организацию «Самодеятельность». Вскоре Гавен был арестован «по подозрению» и брошен в красноярскую тюрьму.

13 марта 1916 года на квартире рабочего железнодорожных мастерских Савватьева состоялось совещание большевиков, на котором выступил А. Е. Бадаев с докладом о суде над большевиками — депутатами Государственной думы и об их поведении на суде. В трехчасовой речи А. Е. Бадаев подробно осветил положение рабочего класса во время войны и призывал организовать массовое движение за отказ от работы на войну. По

докладу Бадаева разгорелись страсти. Прения затянулись допоздна. На другой день совещание продолжалось на квартире рабочего Градовского в том же составе, но без Бадаева, вынужденного срочно уехать. Это совпало с освобождением Гавена, выпущенного из красноярской тюрьмы за отсутствием улик. Товарищи тут же привели его на квартиру Градовского, и он председательствовал на совещании. Была принята предложенная им резолюция, одобрявшая поведение депутатов на суде. Однако главное в предложениях Гавена заключалось в призыве к организации широкого стачечного движения рабочих и отказ от работы на войну, усилению антивоенной агитации среди трудящихся. Совещание поручило Гавену и Аксенову-Сергущеву составить воззвание к рабочим в духе принятой резолюции.

Вскоре Гавен опять слег в госпиталь из-за обострения болезни. В связи с этим 30 апреля 1916 года Енисейское губернское жандармское управление доносило в департамент полиции: «Внезапная тяжелая болезнь, грозящая смертельным исходом одухотворявшего всю группу… Гавена, привела к сильному охлаждению пораженческой деятельности бадаевцев». На самом деле Гавен быстро поправился и вопреки надеждам жандармов никакого «охлаждения пораженческой деятельности бадаевцев» не произошло.

По выходе из больницы Гавен по доносу провокатора был арестован и вновь попал в красноярскую тюрьму, а затем выслан в село Ермаковское — в то самое Ермаковское, где в свое время был вынесен знаменитый ленинский «Протест 17-ти» против русских бернштейнианцев. Здесь он близко познакомился с жившим в то лето в этом селе бывшим депутатом Государственной думы большевиком Федором Никитичем Самойловым. Знакомство их потом переросло в дружбу на всю жизнь. Сюда, в Ермаковское, дошли тогда подробности о Кинтальской конференции, решения которой приняли к руководству большевики на Енисее.

28 июня 1916 года чиновник особых поручений при енисейском губернаторе в секретном обращении, адресованном в тюремное отделение Енисейского губернского управления, сообщил, что «иркутский генерал-губернатор, рассмотрев переписку Енисейского жандармского управления по исследованию благонадежности лиц, входящих в красноярскую группу революционеров, поставивших себе целью и задачей пропаганду пораженчества среди населения и главным образом среди рабочих железнодорожных мастерских, выполнявших заказы военного ведомства, постановил: „Переписку в отношении Михаила Довбня, Георга Гавсна и бывшего депутата думы Алексея

Бадаева прекратить и запретить им дальнейшее проживание в Красноярске, с тем чтобы отлучки их с мест водворения в губернский город и уезд могли быть разрешаемы губернатором лишь в самых исключительных случаях и с соблюдением особой осторожности“».

В конце лета 1916 года Гавен вновь переехал в Минусинск для больничного лечения. Здесь он вместе с Ватиным-Быстрянским, Александром Спундэ и другими товарищами организовал подпольную большевистскую группу, в которую вступили все ссыльные большевики Минусинска. Эта организация охватила весь уезд и развернула большую деятельность. Явкой для подпольщиков служила библиотека Минусинского музея, в которой работал Ватин-Быстрянский. Здесь была сформулирована «Декларация минусинских большевиков против войны» за подписью «Группа революционных социал-демократов», обсуждавшаяся потом в колониях ссыльных.

Этот документ, написанный при участии Гавена, послужил платформой для всех большевиков на Енисее. «Декларация» была известна в колониях ссыльных за пределами Енисейского края — на туруханском севере и в других районах Сибири.

В Минусинске Гавен сблизился с бывшим депутатом Государственной думы Н. Р. Шаговым, с которым встречался у Ф. Н. Самойлова, познакомился с М. К. Мурановым, несколько раз приезжавшим из Енисейска. На Енисее отбывали ссылку и старые товарищи — бывшие делегаты V съезда партии, большевики А. С. Ведерников, А. Джапаридзе, Конкордия Самойлова, Ян Тарвацкий. В библиотеке музея и в доме Е. Е. Брагина на Степной улице, где в свое время бывал В. И. Ленин, встречались самые деятельные участники подполья. Вырабатывались планы партийной работы. По заданию парторганизации Гавен побывал на некоторых промышленных предприятиях края. В 1916 году здесь прокатилась волна стачек. Бастовали рабочие рудников «Случайный», «Знаменитый», «Богом дарованный» и Черногорских копей.

В сентябре навестить Гавена приехала из Петрограда Термина. От нее он узнал о гибели старшего брата Эрнеста на фронте в Восточной Прусии, о ранении Анса, за боевые заслуги произведенного в чин поручика.

В конце 1916 года Гавен по поручению партийной подпольной организации организовал стачку печатников Минусинской типографии, в которой тогда работал. Власти сразу же обрушились на стачечников и, преследуя их арестами, сорвали стачку в начале 1917 года. Но даже сорванная стачка имела известный отклик в рабочей среде и в колониях ссыльных.

Во второй половина 1916 года в Минусинск переехала ссыльная большевичка Арменуи Оввян — сопроцессница Е. Д. Стасовой, сосланная с нею в Сибирь после провала В 1912 году большевистской группы Стасовой в Тифлисе. Арменуи училась с.1907 года в Одессе на курсах, а с 1911 года она учительствовала в Тифлисской школе общества учителей, которой заведовала Елена Дмитриевна. Будучи членом партии с 1910 года, Арменуи вступила в подпольную группу, которой руководила Е. Д. Стасова. Квартира Арменуи на улице Орбелиани в доме 33 использовалась для конспиративных явок. Вдесь бывали Е. Д. Стасова, Ольга Швейцер, Сурен Спандарьян, другие товарищи. Здесь весною 1912 года скрывался Серго Орджоникидзе и И. В. Сталин после своего побега из ссылки.

Отец Арменуи в молодости был сельским учителем в Нагорном Карабахе. Потом служил приказчиком на лесном складе промышленника Манташева. Старшие братья Арменуи — Шаварш и Арташес — тоже социал-демократы. Шаварш учился на медицинском факультете в Одессе, а Арташес — в политехникуме. Младшая сестра Ануш училась в Петербурге на женских курсах. Все они давали уроки, чтобы заработать на жизнь. Младшие братья — Мушег и Эгише — учились в той самой школе, которой заведовала Елена Дмитриевна.

С детства Арменуи и ее братья находились под влиянием братьев своего отца, видных гнчакистов (армянская социал-демократия). Один из них жил в эмиграции в Лондоне. Другой был участником революции в Персии. У него Арменуи забрала персидский паспорт, отдала его Сталину и тем самым помогла скрыться от охранки.

Приезд Арменуи был событием в жизни Гавена, но бурный семнадцатый год затмил все. Известие о Февральской революции вызвало восторг. Ссыльные, позабыв о партийных разногласиях, кидались на шею, целовались и в слезах поздравляли друг друга. Человеку, не пережившему каторгу и ссылку, трудно представить себе состояние этих людей в тот час, когда до их сознания дошло, что рухнул режим насилия и они вдруг обрели свободу.

Не выдержали нервы Николая Романовича Шагова, одного из депутатов-большевиков. Так до смерти и не восстановился его рассудок. Близкие товарищи были потрясены этим несчастьем.

Годы каторги тянулись как вечность, а годы ссылки прошли быстро. Так по крайней мере казалось Юрию Гавену. На всю жизнь остались в памяти седой Енисей и товарищи по совместной борьбе.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ

В те первые дни свободы митинги созывали каждый день, и они затягивались до полуночи. Их созывали все местные организации социалистических и демократических партий, споривших между собой за влияние в народных массах. Большевики выступали на всех митингах, призывали кончать войну, разоблачали оборончество. Трудящиеся охотно шли на митинги. Измолчавшийся при царизме народ как бы сразу обрел дар речи. Коренные рабочие-сибиряки пели «Марсельезу» с таким чувством, будто этот гимн был для них своим со времен Великой французской революции.

3 марта 1917 года на первом легальном собрании Гавен был избран председателем Минусинского комитета большевистской организации. Он становится редактором большевистской газеты «Товарищ». Вскоре Гавена избирают председателем Минусинского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Секретарем Совета депутатов работает Арменуи. В дни корниловского контрреволюционного мятежа Гавен был членом Минусинского комитета общественной безопасности и спасения революции. Он стал также одним из организаторов народной революционной милиции и одним из первых организаторов местных профессиональных союзов.

С первых шагов Февральской революции большевики все теснее связывались с солдатами Минусинского гарнизона, среди которых еще летом 1916 года была организована небольшая партийная группа. Вопреки запрету начальника воинской команды капитана Шашина Юрий Гавен, Александр Спундэ и другие большевики проникли в казармы и быстро нашли общий язык с рядовыми солдатами. Когда Шашин запретил военнослужащим участвовать в выборах в солдатский комитет, выборы все-таки были проведены, а Шашина вскоре арестовали и выслали из Минусинска. Были арестованы все бывшие полицейские и жандармы.

День за днем сплачивались местные большевики, крепя связь с трудящимися, выдвигая людей из народа к руководству общественными организациями. Для партийных активистов создавались кружки.

Среди руководителей Минусинского Совета были товарищи, учившиеся у Гавена еще в дореволюционных подпольных партийных кружках: кузнец Кузьма Трегубенков, сельский учитель К. И. Гидлевский, рабочий Катков, редактор «Известий Минусинского Совета депутатов» Михаил Сафьянов и другие. Они

составляли костяк организации. Минусинский Совет под руководством Гавена вел борьбу со спекуляцией, взял на учет все товары в магазинах и на оптовых складах. Управление рудниками «Юлия» и «Улень» было передано в руки рабочих комитетов, чтобы сломить саботаж капиталистов и администрации копей и рудников. Политическая жизнь в крае била ключом. Заседания Совета проходили при большом стечении рабочих и солдат. Гавен умел дать отпор наскокам меньшевиков и эсеров, показать полную несостоятельность их позиции. В результате последовательно революционной линии руководства Совета росло влияние большевиков во всем уезде. Гавен выезжал на Черногорский и Калягинский рудники, на Изыхские копи, налаживал связь с шахтерами.

Когда Временное правительство объявило Ленина и большевиков германскими шпионами, комиссар Временного правительства в Минусинске эсер Тарелкин, чтобы «не отстать» от центральных властей, начал травлю ссыльных большевиков и объявил Юрия Гавена и Генриха Бруно тоже германскими шпионами. Бруно, высококвалифицированный заводской рабочий, бывший ссыльный, был председателем Минусинского Совета до избрания Гавена на этот пост. Тарелкин и эсеры «произвели» Гавена в балтийского барона и «наделили» его огромнымн латифундиями. Более того, враги революции распространяли слухи о том, будто Гавен никакой не политический ссыльный, а попал на каторгу как уголовник. Враги надеялись подобными инсинуациями подорвать авторитет Гавена и других большевистских деятелей среди масс.

Дошло до того, что на обратном пути делегации с губернского крестьянского съезда в Красноярске на пароходе была предпринята попытка расправиться с Гавеном. Только решительное вмешательство солдата Шаповалова и других делегатов крестьянского съезда спасло ему жизнь. Во время этой травли были убиты большевики Крюков и Беспалов. Открытая классовая борьба достигала большого накала.

Резко выступая против травли Ленина и большевиков за их призывы к братанию с немецкими солдатами на фронтах империалистической войны, Горький утверждал, что на Ленина и большевиков за это молиться следует, ибо делают они великое и святое дело.

2 сентября в Минусинске состоялась большая демонстрация против корниловщины, прошедшая под большевистскими лозунгами: «Долой корниловщину!», «Долой контрреволюцию», «Долой смертную казнь!» Гавен выступил с речью на общегородском митинге под открытым небом.

В сентябре среднесибирский съезд Советов избрал Гавена делегатом на Всероссийское демократическое совещание, состоявшееся во второй половине сентября в Петрограде. В наказе, принятом 7 сентября 1917 года, написанном при участии Гавена, среднесибирский съезд Советов предложил своим делегатам потребовать перехода всей власти в руки Советов и безотлагательного созыва Всероссийского съезда Советов для решения вопроса о власти.

18 сентября большевики огласили на Демократичесюж совещании декларацию с требованием отмены частной собственности на землю, передачи всех помещичьих, казенных и монастырских земель крестьянским комитетам; национализации промышленности и введения рабочего контроля на предприятиях; немедленного предложения демократического мира всем державам и народам; безотлагательного созыва чрезвычайного съезда Советов для организации центральной власти. Большевики разоблачили соглашательскую политику меньшевиков и эсеров, сторонников коалиции с буржуазными партиями.

В. И. Ленин, скрывавшийся от ищеек Временного правительства, в письмах ЦК партии предлагал делегатам-большевикам демонстративно уйти с совещания и направиться на заводы и фабрики для агитации против Демократического совещания и для прямой подготовки масс к вооруженному восстанию. Ленин указывал, что Демократическое совещание придумано социал-соглашателями для отвлечения масс от серьезных вопросов борьбы за власть. Он считал ошибкой участие большевиков в совещании и открыто писал об этом [9].

Вместе с другими делегатами Гавен пошел на предприятия с призывами к рабочим в духе декларации большевиков, оглашенной на Демократическом совещании. Настроения питерских рабочих не оставляли сомнений в том, что партия права, нацеливая массы на свержение Временного правительства и переход всей власти к Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Гавен участвовал во всех заседаниях большевистской фракции Демократического совещания, состоявшихся в Смольном и в Александрийском театре.

В Петрограде Гавен встретился со многими старыми товарищами, работавшими в столице. Радостной была встреча с Ансом, избранным председателем Нарвского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

В бурлившей столице Гавен имел встречи с видными большевиками, знавшими его со времени V съезда партии или по каторге и ссылке. Мало кто из политических ссыльных остался

после революции в Сибири. Со дня амнистии они устремились в родные места или в столицы.

Гавен собирался обратно в Минусинск, чтобы отчитаться перед избирателями. Но когда он пришел в Центральный Комитет партии за директивами, секретарь ЦК Елена Дмитриевна Стасова совершенно неожиданно предложила ему ехать в Севастополь. Она показала ему груду писем в ЦК партии от председателя севастопольской организации Н. И. Островской и других крымских товарищей, которые просили ЦК прислать им в помощь стойких большевистских организаторов, пропагандистов, агитаторов и опытных лекторов. Островская писала в ЦК по нескольку раз в неделю, просила помочь людьми. Она очень опасалась, что соглашательские партии одержат верх на выборах в Учредительное собрание. Она писала, что вынуждена прекратить прием новых членов в партию, ибо нечего набирать их, если организация не имеет пропагандистов, способных в короткий срок воспитать новичков в духе партийной программы и устава. Примерно такие же письма поступали тогда из Симферополя, Евпатории, Керчи и других городов Крыма.

Вопрос был решен. Перед отъездом Гавен беседовал со Свердловым. Яков Михайлович сказал: «Вопрос о взятии власти — вопрос считанных дней… Во всех крупных центрах пролетарские силы вполне созрели… На юге, в особенности в Крыму, дела обстоят плохо. Там наблюдается засилие меньшевиков и эсеров. Ваша задача: превратить Севастополь в крепость революции, в революционный базис… Севастополь должен стать Кронштадтом юга». Гавену вручили мандат ЦК партии и посоветовали во всем сообразовываться с местными условиями. С отъездом пришлось спешить — поезда тогда шли медленно.

Одновременно с Гавеном ЦК направил в Крым замечательного большевика Николая Арсеньевича Пожарова — матроса-балтийца, бывшего питерского рабочего. Он, как и Гавен, никогда раньше в Крыму не жил.

Отвечая на письма Н. И. Островской, Е. Д. Стасова писала; «В скором времени в Севастополь прибудут товарищи, которые смогут наладить партийную работу и закрепить наше влияние… Гавен… несомненно, может провести любую кампанию и быть ответственным работником на любом посту… Гавен мог бы восполнить вам недостающего лектора». А Гавен не знал об этой аттестации, не думал ни о каких постах. Он ехал в совершенно новый для него край, ехал без всяких средств. Весь его багаж — небольшой тюк литературы да еще огромная ноша — чувство ответственности перед партией.

РЕВОЛЮЦИЯ В КРЫМУ

Русские и украинцы составляли половину коренного населения полуострова, на котором исстари обитали многие национальные меньшинства и этнические группы. Среди них: армяне, болгары, греки, евреи, караимы, крымчаки, латыши, ногайцы, немцы, татары, турки и тюрки, чехи, эстонцы и другие. Почти восемь десятых всей земли, садов и лесов принадлежало помещикам, казне, церкви и купцам. Все крестьянские наделы вместе не превышали одной пятой части земельного фонда края. Притом кулачество и зажиточные колонисты имели в своем пользовании четыре пятых всей крестьянской земли. Половина всех крестьян были вовсе безземельными арендаторами-испольщиками, полубатраками, сверх того были еще тысячи батраков — людей, пришлых из России на отхожий промысел и сезонные сельскохозяйственные работы (косовицу, сбор плодов и пр.).

Половина населения жила в городах. Среди городского люда только тысяч сорок рабочих промышленных предприятий и десятки тысяч кустарей, не пользовавшихся наемной рабочей силой. Это вся прослойка трудящихся в море мелкой и крупной буржуазии края. Девять десятых рабочих — русские и украинцы.

К началу октября 1917 года в Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов большинство шло за меньшевиками и эсерами. Они господствовали в городских думах и управах, в земствах и кооперативах, в различных союзах. За меньшевиками и эсерами шла почти вся интеллигенция. Они имели свои газеты «Прибой» и «Вольный юг». В краевой либеральной газете «Южные ведомости» сотрудничали журналисты и публицисты — члены соглашательских партий. А среди местных большевиков почти не было интеллигенции. Не было и своей газеты.

Большевистские организации были молодые, малочисленные, лишь в сентябре 1917 года порвавшие с крымской объединенной организацией РСДРП. В Севастополе же организация большевиков существовала с мая 1917 года и насчитывала человек триста. Меньшевиков было более пяти тысяч, эсеров — около тридцати тысяч. В Симферополе было меньше ста большевиков. Примерно такое же соотношение сил сложилось во всей губернии. Исключение составляла Евпатория, куда после революции на лечение попало много социал-демократов с довоенным партстажем. Здесь под руководством Жана Миллера, активного участника революции и одного из организаторов вооруженного восстания 1905 года в Латвии, удалось в сентябре месяце выбрать

в партийный комитет только большевиков.

Лидеры меньшевиков и эсеров — местные уроженцы и старожилы, учителя, врачи, адвокаты, литераторы — пользовались значительной популярностью в народе. Деятели большевиков — все почти пришлые люди, не имели прочных связей с местным населением. Ян Булевский, Ян Тарвацкий, Алексей Познанский, Оскар Лиепинь и другие попали в Крым после амнистии прямо с каторги и ссылки. Станислав Новосельский, Жан Миллер, вернувшись из эмиграции, были в мае 1917 года направлены Центральным Комитетом партии в Евпаторию, а Надежда Ильинична Островская прибыла в Севастополь в начале августа. Среди видных большевиков старожилом был лишь Дмитрий Ильич Ульянов, служивший в Таврическом земстве с дореволюционного времени.

В начале октября к приезду Гавена симферопольская организация большевиков ютилась в союзе мельничных рабочих, а собрания устраивала в молельне менонитов на Троицкой улице в безлюдной части Старого города. Все симферопольские организации социалистических партий имели помещения для комитетов и фракций в бывшем губернаторском доме на Лазаревской улице; у большевиков же своего помещения не было.

8 первый же день Гавен потребовал от Симферопольского исполкома, чтобы большевикам тоже отвели комнату в губернаторском доме, притом попросторнее. Эсеро-меньшевистские руководители ответили отказом. Больше того, они пригрозили Гавену, что «скоро-де большевикам отведут много больших комнат в большом доме на „Привокзальной улице“», то есть в тюрьме. «Это мы еще посмотрим», — сказал Гавен, уходя.

9 октября Гавен сделал первый доклад на собрании симферопольских большевиков об очередных задачах партийной организации. Присутствовало человек пятьдесят — рабочие завода «Анатра» и мельниц, солдаты, курсистки и несколько старых большевиков, среди них Ян Тарвацкий, встреча с которым была радостной и неожиданной.

На следующий день Гавен выступил с речью на гарнизонном митинге. Солдаты выслушали его с огромным вниманием. Еще через день Гавен выступал на аэропланосборочном заводе «Анатра». Рабочие тепло встретили речь Гавена. После митинга многие из них записались в большевистскую партию.

В Симферопольском Совете было всего несколько депутатов-большевиков. Меньшевики и эсеры часто устраивали обструкции и прерывали речи большевиков. Незадолго до приезда Гавена в Крыму распространился слух, будто Ленин, скрывавшийся от суда

Временного правительства, собирается в Крым, где жил его брат. Эсеры и меньшевики злостно использовали этот нелепый слух. Совдеп принял постановление, протестующее против намерения Ленина приехать в Крым. Советы депутатов некоторых городов Таврии также выносили подобные постановления-протесты. Дошло, например, до того, что в те дни «бдительная власть» выследила и арестовала в гостинице гражданина, ошибочно принятого за Ленина. Сконфуженные власти все же официадьно сообщили, что «задержанный ими не имеет ничего общего с известным большевиком Лениным».

Гавен одиннадцать дней ждал пропуска в Севастополь. Комиссар Временного правительства на флоте эсер Илья Бунаков-Фундаминский явно оттягивал время и неохотно выдал разрешение на въезд Гавела в Севастополь.

До того времени севастопольским большевикам приходилось туго. Еще в августе большевика Финогенова, выступавшего с речью, матросы-эсеры скинули с палубы корабля за борт. Н. И. Островской было очень трудно совладать с матросами и солдатами, на которых большое влияние оказывали анархисты и эсеры.

В Севастопольском Совете, в корабельных и заводских комитетах большевики были в меньшинстве. То же в правлениях профессиональных союзов. Меньшевики бывший политкаторжанин Николай Канторович и Духанина и эсеры Бунаков-Фундаминский и Никонова выступали на митингах и собраниях против Островской, лучшего агитатора большевиков. Теперь им противостоял Юрий Гавен. Его речи отличались простотой и доходчивостью. Каждый день он выступал на военных кораблях, бывал на заседаниях корабельных комитетов, на общих собраниях и слетах моряков, где боролся против эсеро-меньшевистских вожаков.

Левые эсеры и анархисты тоже вели агитацию среди моряков. О многих матросах трудно было сказать: больше ли в них большевизма или анархизма, поскольку все они склонялись к поддержке большевистских лозунгов о мире, земле и за власть Советов. С левыми эсерами и анархистами борьба казалась трудней, чем против социал-соглашателей.

При одном из первых выступлений Гавена на корабле матросы-эсеры ринулись к нему, намереваясь сбросить за борт. Неожиданно за него вступился один бывший политкаторжанин из смертников, рабочий-путиловец Осовский. Он пристыдил эсеров и напомнил им, что Гавен был искалечен на царской каторге. Гавену удалось закончить речь.

Руководительница севастопольских большевиков Н. И.

Островская проделала большую агитационную и организаторскую работу. С прибытием Гавена и Пожарова еще более усилилась деятельность организации. Со дня их появления на флоте и в крепости они сумели укрепить авторитет и влияние большевиков.

Вокруг них сразу сплотились члены Севастопольского комитета и активисты большевики: рабочие И. Ржанников и Клепиков, моряки И. Назукин, С. Сапронов, В. Шевцов, А. Платонов, В. Драчун, И. Сюсюкалов (один из первых организаторов и первый секретарь Севастопольского комитета большевиков), солдаты А. Калич, Н. Сапронов и другие.

Гавен опирался также на большевиков-политкаторжан, попавших в Крым на лечение. Только те, кто не был в состоянии стать на ноги, оставались в санаториях. Все остальные включились в партийную работу. Юрий Гавен сразу сблизился с Дмитрием Ильичей Ульяновым. Военврач, не снявший еще военную форму, он оказывал большую поддержку Гавену. Они часто появлялись вместе на митингах в городе и на кораблях.

Первое время Гавен жил на Екатерининской улице в доме пятьдесят пять, отведенном для бывших политкаторжан. В дни наиболее злобной травли большевиков он ночевал на Корабельной стороне в хате матери большевика-политкаторжанина рабочего Морского завода Макара Дерябина. Макар и его брат Петр сделались тогда добровольными «телохранителями» Гавена. К концу октября травля большевиков уже граничила с террором. Но большевики не давали себя запугать.

На базировавшемся в Севастополе флоте и в крепости насчитывалось около сорока тысяч моряков. В севастопольских профсоюзах состояло тысяч двадцать членов. На Морском заводе и в порту, в железнодорожных и судоремонтных мастерских работали тысячи квалифицированных рабочих. Большевики боролись за каждого матроса, солдата и рабочего, за влияние на них. Надо было завоевать на свою сторону судовые комитеты, массу моряков на всех ста базировавшихся здесь кораблях. Их главной опорой тогда являлись Минная школа, корабли «Свободная Россия», «Иоанн Златоуст», «Евстафий», «Гаджибей», «Фидониси», «Заветный», «Дерзкий» и другие.

Октябрьская революция ошеломила контрреволюционеров своей внезапностью. В лагере антисоветских партий не могли скрыть переполох. Меньшевики и эсеры в исполкоме, пораженные ночными телеграммами о свершившемся 25 октября социалистическом перевороте в Петрограде, стремились предупредить возможную попытку захвата власти большевиками в Севастополе. Утром 26 октября эсеро-меныыевистское

руководство созвало в Чесменском дворце расширенное заседание исполкома Совета депутатов с участием представителей профсоюзов, завкомов, корабельных и солдатских комитетов, городской думы.

Из двадцати пяти членов исполкома только трое были большевиками. В то время когда социал-соглашатели созывали это заседание, большевики сумели поднять массы моряков, рабочих и солдат на поддержку Октябрьской революции. По инициативе Севастопольского комитета большевиков группы революционных матросов на катерах, украшенных красными флагами, объехали корабли и добились, что Черноморский центрофлот организовал 26 октября большую демонстрацию в честь свершившейся пролетарской революции.

Прервав заседание исполкома, растерявшиеся эсеры и меньшевики приняли предложенную большевиками телеграмму Петроградскому Совету и II съезду Советов, приветствовавшую победу революции. На следующий день пленарное заседание Совета рабочих, матросских и солдатских депутатов, состоявшееся в цирке Труцци, почти единогласно приняло решение, что отныне вся власть в Севастополе переходит в руки Совета депутатов. Заседание подтвердило также приветственную телеграмму петроградскому пролетариату.

2 ноября 1917 года «Правда» в корреспонденции из Севастополя «Присяга у бортов» описывала события тех дней: «Первые сведения о событиях в Петрограде были получены в Севастополе 26 октября утром. Местным Советом военных и рабочих депутатов был выпущен бюллетень № 1, в котором сообщалось, что Исполнительный комитет Совета… постановил взять власть по управлению Севастополем в свои руки… 26-го днем был дан пушечный сигнал о сборе всех матросов. Состоявшееся собрание постановило признать новую власть. В тот же день на стоявших в Севастополе судах матросы потребовали от офицеров принесения присяги новой власти».

К концу дня 27 октября Черноморский центрофлот обратился с приветствием к Петроградскому военно-революционному комитету, «который взял власть в свои руки… Черноморский флот заявляет, что он будет защищать эту революционную народную власть всеми имеющимися средствами». В то же время на рейде и пристани продолжались демонстрации моряков, рабочих и солдат. Нахимовский проспект, Приморская, Екатерининская и другие центральные улицы переполнились демонстрантами, стекавшимися на Графскую пристань. На многолюдных митингах были приняты приветствия социалистической революции.

Вунаков, Канторович и другие выступали на митингах и собраниях с речами, полными вражды и ненависти к большевикам. Они утверждали, что большевики не удержатся у власти и одной недели, предрекали, что народ не поддержит «большевистскую авантюру». Кляли большевиков как «узурпаторов» и «якобинцев». Боялись, что большевики решатся на захват власти в Крыму и во всей Таврии. Атмосфера накалилась до предела. Особенно в исполкоме.

События разворачивались в пользу большевиков. 29 октября команда минной бригады единогласно приняла резолюцию, в которой было сказано: «Мы не допустим старой власти, которая… нам ничего не дала, кроме разрухи и кровопролития… Мы от своих слов отказаться не можем: вся власть Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов как в центре, так и на местах… Эту власть будем поддерживать всеми силами и средствами…» Резолюции в поддержку Советской власти приняли команду линкора «Ростислав», эсминцев «Гневный» и «Пронзительный» и других кораблей и подразделений флота.

Контрреволюционное офицерство и соглашатели в ответ на эти резолюции попытались разоружить революционных моряков. 30 октября 1917 года командующий Черноморским флотом контр-адмирал Немитц отдал приказ о сдаче всего огнестрельного оружия в арсенал. Но в судовых комитетах большинства кораблей уже преобладали большевики и им сочувствующие. Началась кампания против сдачи оружия. Ее возглавили Гавен, Пожаров и Островская.

Гавен и его товарищи полагали, что победа большевиков в Севастополе решит исход борьбы за власть Советов во всей Таврии. Поэтому неожиданно прозвучало постановление Евпаторийского комитета большевиков: «Считать Октябрьский переворот в Петрограде несвоевременным, так как большевики, не имея большинства в рабочем классе, едва ли сумеют удержать власть в своих руках». Неразобравшиеся евпаторийские комитетчики назвали «переворотом» величайшую в истории революцию. Гавен и Миллер добились немедленной отмены вредного и ошибочного постановления. Они помогли евпаторийским большевикам быстро выправить положение, и уже 5 ноября там был избран новый комитет и выдвинуты новые депутаты в Совет.

6 ноября в Севастополе в зале Морского собрания открылся I Черноморский флотский съезд, на котором большевики вместе с поддерживавшими их левыми и украинскими эсерами и сочувствующими имели большинство. По просьбе представителя революционных рабочих Ростова-на-Дону общечерноморский

съезд решил направить на Дон отряд матросов для борьбы с белоказаками и калединцами, угрожавшими разгоном Совета рабочих депутатов и расправой с ростовскими рабочими. Меньшевики и эсеры выступили против отправки отряда. Потом они ушли со съезда. Ушел и председательствовавший на съезде эсер Моренко, а его место занял матрос Платонов — машинист линкора «Свободная Россия».

8 ноября команда линкора «Иоанн Златоуст» приняла резолюцию, в которой говорилось: «Все мы, как один, пойдем без колебаний… к раз намеченной цели полного раскрепощения трудящихся… Сметем всех явных и тайных контрреволюционеров… с глубоким презрением относимся к жалким соглашателям… и клеймим позором их измены делу пролетарской революции… Декреты о мире, земле и о рабочем контроле… можно вырвать у нас лишь вместе с нашими сердцами… Долой колеблющихся соглашателей!.. Вперед за Мир, за Свободу, за Социализм!»

10 ноября первый съезд моряков Черноморского флота принял предложенную Гавеном резолюцию: «Заслушав и обсудив доклад т. Зинченко о II Всероссийском съезде Советов и прения по докладу „О текущем моменте“, I Черноморский съезд признает позицию, занятую съездом в вопросе о переходе власти Советам, вполне правильной. Черноморский флот считает вновь избранный съездом Советов ЦИК единственным источником власти… Съезд призывает всех матросов, солдат, рабочих и крестьян сплотиться вокруг своих Советов и поддерживать их в борьбе с контрреволюцией». Флотский съезд направил приветствие Ленину и Совнаркому с обещанием поддержки флотом Советского правительства. Съезд послал приветствия всем флотам и армиям революционной России. Вместо эсера И. И. Вунакова-Фундаминского Центрофлот избрал комиссаром Черноморского флота большевика В. В. Роменца.

12 ноября из Севастополя в Ростов вышла революционная флотилия в составе двух миноносцев, тральщиков, транспортов и вспомогательных судов. Флотилию возглавила избранная общечерноморским флотским съездом «пятерка», в которую вошел член Севастопольского комитета большевиков В. Драчун. Отправка флотилии была важной победой большевиков. Предстояла решительная схватка с контрреволюционной калединщиной.

Через десять дней из Севастополя отправился эшелон революционных матросов в составе 45 вагонов, а вслед за ним второй эшелон — 53 вагона, всего около 2500 бойцов, с пулеметами, артиллерией, самолетами, боеприпасами и

провиантом. Отряд стремился пробиться в Ростов с суши через Синельниково. Возглавлял отряд Алексей Мокроусов; командиром назначили прапорщика Николая Толстова. На проводах эшелона Гавен и Пожаров в своих речах напомнили революционным добровольцам, что черноморцы вместе с революционными моряками-балтийцами и рабочими столицы должны разгромить белоказачью Вандею. Этот митинг закончился клятвенным обещанием бойцов не щадить свою жизнь в защите рабоче-крестьянской власти. Отправка отряда обострила революционную борьбу в Севастополе.

23 ноября в Симферополе в «большевистском гнезде»[10] состоялась Таврическая губернская конференция большевиков, насчитывавших в своих рядах тысячу восемьсот членов. Конференция нацелила партийные организации на близкий захват власти в крае. Конференция решила: 1) признать правильной политику Центрального Комитета партии; 2) предложить всем организациям Таврической губернии организовать отряды Красной гвардии; 3) поручить «тройке» (Гавен, Островская, Констансев) подготовить издание в Крыму партийного органа «Таврическая правда». В бюро губернского комитета партии были избраны Юрий Гавен, Николай Пожаров, Жан Миллер, Ян Тарвацкий и другие товарищи. Тарвацкий и Миллер руководили симферопольской партийной организацией.

26 ноября в Севастополе команда штаба по борьбе с подводными лодками единогласно потребовала новых выборов в Советы депутатов и судовые комитеты, сопроводив решение словами: «Врагам народа и мира на фронте объявляем войну без пощады, войну дворцам до победы… Да здравствует правительство народных комиссаров, ведущее нас к миру и к свету!.. Да здравствует союз международного пролетариата!»

В конце ноября флотилия, отправленная в помощь ростовским рабочим, возвратилась в Крым. Вместе с революционными матросами в Севастополь прибыл с остатками своего разбитого отряда красногвардейцев ростовский рабочий-большевик Карл Вагул — бывший активный участник революции 1905 года в Латвии, «лесной брат». Сухопутный 1-й Черноморский революционный отряд под командой Алексея Мокроусова, выдержав несколько боев против корниловцев в районе Белгорода и схватки с татарскими националистическими частями, также вернулся в Севастополь, чтобы, как определил Гавен в своих воспоминаниях, «расправиться со своей домашней контрреволюцией в Крыму».

Вместе с отрядом Мокроусова прибыла небольшая группа моряков Балтики. Среди них старый товарищ Гавена Карл Зедин,

участник революции 1905 года в Латвии, член партии с 1903 года. В Октябрьскую революцию морской офицер большевик Карл Зедин был членом революционного комитета Балтийского флота; 25 октября он участвовал в штурме Зимнего дворца. В сентябре Зедин был избран в состав Всероссийского центрофлота и работал в военно-политическом отделе морской коллегии. Теперь его направили в Севастополь для установления контроля над командованием Черноморского флота. С приездом Зедина большевики и Гавен получили сильного помощника, отлично знавшего флот.

На военных кораблях продолжались митинги, принимались резолюции, в которых моряки требовали установления Советской власти по всей стране и приветствовали обращение Советского правительства к воюющим державам с предложением заключить перемирие на фронтах.

Большевики потребовали переизбрания Севастопольского Совета рабочих, матросских и солдатских депутатов, не отражавшего революционных устремлений трудящихся.

Антисоветские силы Крыма лихорадочно готовились к схватке. Всекрымский татарский съезд, состоявшийся в Бахчисарае, образовал Курултай — националистический парламент наподобие Украинской рады. Курултай провозгласил себя верховной властью в крае. В ноябре же меньшевистско-эсеровский таврический губисполком созвал в Симферополе губернский съезд Советов, в котором участвовало всего 15 делегатов (в том числе семь большевиков). Большевистскую фракцию возглавлял Гавен. 20 ноября большевики покинули губернский съезд Советов после того, как съезд отверг предложенную Гавеном резолюцию о признании Совнаркома во главе с Лениным и об установлении власти Советов во всей Таврической губернии.

В конце ноября меньшевики и эсеры собрали в Симферополе съезд земств и городов, названный «демократическим совещанием Тавриды», и избрали временный высший орган власти края — «Совет народных представителей», составленный из делегатов антисоветских партий. Так, почти одновременно образовались два параллельных органа верховной власти в крае: татарский Курултай и меньшевистско-эсеровский «Совет народных представителей», сразу же получивший кличку «Совет народных предателей».

В начале декабря в открытом заседании Севастопольского совдепа при большом стечении матросов, солдат и рабочих Л. И. Островская огласила заявление о выходе большевистской фракции из исполкома. Главным мотивом ухода большевиков

служило то, что они не могут дальше нести ответственность перед революционными массами за бездеятельность Совдепа и исполкома в борьбе против контрреволюции и активное участие в создании «Совета народных представителей», рассчитанного на противопоставление его Совету Народных Комиссаров. Уход большевиков со съезда Советов и из состава Севастопольского исполкома явился переходом к открытой борьбе за власть Советов в Крыму.

10 декабря в Севастополь из-под Белгорода доставили останки красногвардейцев, погибших в боях с войсками генерала Корнилова. Встреча останков героически павших черноморцев вызвала большое возбуждение матросов, солдат и рабочих.

12 декабря многотысячный митинг трудящихся на Графской пристани потребовал безотлагательного переизбрания Совета рабочих, матросских и солдатских депутатов. «Севастополь, — говорилось в резолюции митинга, — не должен иметь такого Совета, который борется против Советской власти». В те дни делегатское собрание шестидесяти семи военных кораблей также решительно потребовало безотлагательно провести новые выборы в Совет.

В 10 часов утра 13 декабря состоялись похороны погибших черноморцев. При стечении огромной массы людей тела вынесли из Николаевского собора на Екатерининской улице. Отсюда с множеством знамен похоронная процессия двинулась к Михайловскому кладбищу. Речи Гавена и других товарищей на траурном митинге были выслушаны в глубоком молчании. Над открытой могилой от имени специальной следственной комиссии был оглашен список офицеров, наиболее свирепо расправлявшихся с моряками при подавлении революции 1905 года. К ночи по почину анархиствовавших матросов с контрминоносца «Гаджибей» начались стихийные аресты офицеров. Некоторых из них расстреляли.

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА

В час ночи 15 декабря на экстренном заседании представителей армии, флота и рабочих, президиума Совдепа был образован временный военно-революционный комитет, который созвал 16 декабря в 11 часов дня делегатское собрание для решения вопроса о власти.

В час дня 16 декабря в театре «Ренессанс» началось объединенное заседание делегатов более пятидесяти кораблей и береговых частей крепости, членов исполкома и представителей социалистических партий. После доклада «О текущем моменте» и бурных прений был избран постоянный военно-революционный комитет, наделенный всей полнотой власти. В ревком избрали восемнадцать большевиков и двух левых эсеров. В президиум ревкома избрали Гавена, Зедина, Пожарова, Вагула, Марченко; председателем — Гавена, а секретарем — Сюсюкалова. В постановлении говорилось, что впредь обыски и аресты могут производиться только по ордерам, выданным ревкомом, и что все арестованные будут находиться в его ведении. Дела арестованных будет разбирать следственная комиссия и решать их в открытых заседаниях революционного трибунала. Были обезоружены анархиствовавшие отряды моряков, не желавшие подчиняться распоряжениям военревкома. На всех судах и в воинских частях избрали корабельных и ротных комиссаров. На следующий день состоялось первое совещание этих комиссаров, оказавших полную поддержку ревкому.

Наутро в городе были опубликованы за подписью Гавена и Зедина постановления и воззвание ревкома, взявшего на себя руководство борьбой против контрреволюции, контроль над деятельностью командного состава флота, крепости и гарнизона, дальнейшее формирование революционных вооруженных отрядов Красной гвардии.

В воззвании Севастопольского комитета большевиков от 17 декабря 1917 года «Против самосудов!» было сказано: «Гнев народный начинает выходить из своих берегов… Партия большевиков решительно и резко осуждает самочинные расправы… Товарищи матросы! Вы знаете, что не у большевиков искать контрреволюционерам пощады и защиты. Но пусть их виновность будет доказана народным гласным судом, пусть вся Россия убедится в том, что они шли против свободы, против народа, и тогда голос народа станет законом для всех». Приказ ревкома не разрешал матросам сходить на берег без ведома судовых комитетов. Строжайше воспрещались обыски и аресты

без мандата ревтрибунала. Рядом других решений регулировалась жизнь в городе, взаимоотношения трудящихся с работодателями и вопросы рабочего контроля на заводах. На Морском судостроительном заводе, железной дороге, почте и телеграфе, на многих государственных и коммунальных предприятиях рабочие комитеты стали полными хозяевами. Гавен стал одним из самых популярных деятелей.

В тот же день была отправлена радиограмма: «Петроград, Совнаркому, Центробалту и Наркомморсил Дыбенко. Вся власть перешла в руки Севастопольского военно-революционного комитета… Город находится под охраной революционных матросов и солдат. Зедин. Марченко». Во вновь избранном Совдепе большевиков представляли 87 депутатов. За ними шли польские социал-демократы, имевшие шесть мандатов. Большевиков поддерживали почти все пятьдесят беспартийных депутатов. Эсеры и меньшевики все же составляли значительную оппозицию — они имели вместе 94 места. 1 января 1918 года меньшевики и эсеры демонстративно вышли из состава исполкома. Председателем исполкома избрали Николая Пожарова, а секретарем П. З. Марченко.

Приехавшая в конце года в Крым Арменуи Оввян стала женой и первой помощницей Гавена. Небольшого роста, экспансивная южанка, она являла собою полный контраст Гавену — типичному северянину, всегда хладнокровному и внешне невозмутимому. Арменуи, искренняя, прямая и бескомпромиссная, была хорошим товарищем и смелым бойцом.

В первые дни существования ревкома, еще до установления в Евпатории Советской власти, евпаторийским большевикам удалось отправить пароход с зерном в Севастополь, где ощущалась тогда нужда в хлебе. С поступлением зерна Севастопольский ревком получил возможность бесперебойно снабжать рабочих хлебом.

На второй день после прихода большевиков к власти в Севастополе, 18 декабря 1917 года, президиум Курултая, опираясь на татарские воинские части, объявил себя краевым правительством. 19 декабря был опубликован приказ «директора по военным делам» — Джарафа Саидаметова. Создавать свою воинскую силу Курултаю помогали офицеры царской армии.

Опасаясь выступления распропагандированных большевиками солдатских масс, курултаевцы приступили к разоружению гарнизонов и потребовали сдачи всего оружия татарским комендатурам. Начались террор, аресты и расстрелы заложников. Белогвардейские и татарские части двинулись в сторону Севастополя. Их разъезды появились на дальних

подступах к городу. В распоряжении Курултая оказалась довольно солидная боевая сила — два кавалерийских и один пехотный полки, всего было около 6 тысяч штыков и сабель. Их поддерживали до 2 тысяч белогвардейцев и два куреня гайдамаков.

28 декабря Севастопольский военно-революционный комитет по решению губкома партии был преобразован в Таврический военно-революционный комитет. Гавен остался председателем. К этому времени ревком был уже крепко связан с Ялтой, Феодосией, Евпаторией и другими городами.

31 декабря военно-революционный комитет предложил Черноморскому центрофлоту сдать весь запас оружия. 3 января 1918 года ревком приказал береговым и судовым комитетам подготовить вооруженные отряды для борьбы против контрреволюционных татарских частей и офицерских белогвардейских отрядов.

Отряды общей численностью в шесть тысяч красногвардейцев под командой бывшего политкаторжанина-шлиссельбуржца, участника восстания на флоте мичмана Лященко, прапорщика большевика Николая Толстова и матроса Семена Шмакова выступили из Севастополя на Бахчисарай, чтобы остановить продвижение контрреволюционных частей к городу. На контрминоносце «Гаджибей» в Ялту направился Карл Зедин с отрядом матросов под командой Андрющенко. Морские красные десанты во главе с Алексеем Мокроусовым вышли в Феодосию и Евпаторию.

13 января отряды матросов и красногвардейцев разгромили под Бахчисараем татарские и офицерские части и в этот же день вступили в Симферополь. В тылу белых было поднято восстание, организованное Симферопольским ревкомом. При разгроме белых было убито не менее семисот офицеров. Контрреволюция потерпела полное поражение.

В центре и кое-где на окраинах Симферополя еще происходили стычки с неприятелем, а ревком уже приступил к работе, разместившись в Петроградской гостинице. Руководители ревкома приняли все меры, чтобы не допустить напрасного кровопролития и восстановить мирную жизнь города.

Бои за Ялту затянулись на несколько дней. Белые части и курултаевцы оказывали сильное сопротивление. Лишь помощь эсминца «Счастливый» с новым отрядом моряков под командой помощника комиссара флота Карла Вагула решила исход боев. В Ялте, бывшей резиденции царя, установилась Советская власть. Новую власть здесь возглавили бывшие узники царской каторги — Ян Булевский, Нисон Сосновский, член Севастопольского

военревкома А. А. Игнатенко, член Цеитрофлота Фролов.

В Керчи возглавили военревком, а затем устанавливали Советскую власть С. Шевяков — моряк с тральщика, избранный председателем ревкома, Буклей — секретарь ревкома, матрос Балтфлота Лукьянов, матросы В. Непомнящий и В. С. Чистяков, политкаторжанин Абрамов. Военным комиссаром был избран Сергей Мартыненко. В Феодосии ревком возглавили Иван Федько, солдат Филонюк, Петр Новиков, Н. Г. Краснобаев, Демьяненко, Мордвинов, В Евпатории руководили ревкомом Н. М. Демишев, С. Немич, В. Г. Молоканов, В. Г. Матвеев.

Трагические события произошли в Евпатории. До высадки десанта несколько десятков красногвардейцев были схвачены офицерской разведкой. На выручку их пошел председатель ревкома Д. Караев. Караев был одним из выступавших против постановления Евпаторийского комитета: «считать Октябрьский переворот в Петрограде несвоевременным», объявив это постановление преступлением перед революцией и несусветной ахинеей. Он любил это звучное, не всем понятное слово и часто в своих речах на митингах и в Совдепе вставлял эту свою «ахинею».

Пошел он один, безоружный, в офицерский штаб, надеясь объяснить безнадежность положения белых в Евпатории. Приближение севастопольского десанта было видно в бинокль. Чтобы спасти схваченных красногвардейцев, Караев готов был гарантировать офицерам свободу и неприкосновенность после высадки красного десанта. Караева схватили и зверски замучили, закопав полуживого в песок пляжа. Все арестованные красногвардейцы были убиты. После высадки десанта палачам воздали должное. Похороны Караева и товарищей превратились в революционную демонстрацию.

К прибытию десанта моряков под командой А. Мокроусова феодосийская Красная гвардия, которой руководили Иван Федько и Иван Котов, захватила склад оружия, вооружила железнодорожников, портовых и мельничных рабочих. Контрреволюция была разгромлена.

Феодосийскую партийную организацию тогда возглавлял преподаватель учительского института Александр Густавович Дауге (Дангель) — член партии с 1905 года, участник революции 1905–1907 годов в Латвии.

В середине января 1918 года в Севастополе был создан подчиненный Гавену штаб по борьбе с контрреволюцией. Начальником штаба стал Михаил Богданов; оперативной частью ведал Семен Шмаков. Такие же штабы по борьбе с контрреволюцией возникли и в других городах. Во всех городах Таврии были учреждены революционные трибуналы.

Большевики в Таврии пришли к власти в условиях крайней хозяйственной разрухи, вызванной войной. В крае царила безработица, безудержно взвинчивались цены на продовольствие и предметы потребления, «керенки» с каждым днем теряли свою покупательную ценность, трудящиеся обрекались на нужду и лишения.

Едва ли не самую большую трудность для молодой пролетарской власти представлял собою здешний конгломерат национальностей и этнических групп. Но и сама крымская большевистская организация, ее руководство представляли интернациональный коллектив. Душой организации стал Юрий Гавен.

Большевиков интеллигентов было очень мало, а без них трудно было создать аппарат новой власти. В двухтысячном коллективе большевиков числилесь человек десять учителей и учительниц, два санитарных врача, один дантист, несколько фармацевтов, один земский статистик, один юрист и несколько курсисток и студентов-медиков. Единственным большевиком — бывшим офицером — был Иван Федорович Федько, а из морских офицеров — Карл Зедин и Михаил Богданов. И не было ни одного большевика инженера, агронома, экономиста, журналиста, ни одного лечащего врача.

Надо было взять в свои руки крымские здравницы и здравоохранение со всеми больницами в крае. Надо было руководить школьным делом, библиотеками, отстоять уникальные культурные ценности, памятники старины. Предстояло решительно вмешаться в аграрные отношения, руководить огромными хозяйствами бывшей императорской семьи, монастырей и вакуфов, управлять бывшими казенными заводами и осуществлять рабочий контроль на частнокапиталистических предприятиях. Большевикам пришлось с первых же шагов привлечь к делу беспартийных специалистов и лояльных интеллигентов — меньшевиков-интернационалистов, эсеров-максималистов и других.

Многие бывшие политкаторжане-максималисты и меньшевики-интернационалисты пошли работать в советские учреждения. Впоследствии одни раньше, другие позже перешли на сторону большевиков и были приняты в Коммунистическую партию.

Гавен умело содействовал привлечению этих людей, помогал им разглядеть контрреволюционность партий и организаций, в которых они до сих пор состояли. Гигантское революционизирующее воздействие Октябрьской революции само по себе притягивало эти элементы к большевизму. Чуткость и

тактичность Гавена во многом ускоряли процесс их большевизации.

В первые дни Советской власти приходилось защищать царские и великокняжеские дворцы, музеи, галереи, фамильные библиотеки и другие ценности не только от белогвардейцев, старавшихся причинить как можно больше разрушений, но и от своих же братьев — революционных матросов, рабочих, крестьян, еще не представлявших, что все это общенародное добро, собственность социалистического государства.

В двадцатых числах января была основана первая большевистская газета «Таврическая правда». Юрий Гавен, Дмитрий Ульянов и Наталья Александрова составляли ее редакционную коллегию. Выходили меньшевистская газета «Прибой» и эсеровская «Вольный юг». «Таврическая правда»- разоблачала их как оруженосцев контрреволюции. Гавен участвовал также в редактировании «Известий Севастопольского ревкома».

23 января 1918 года Севастопольский ревком обложил местных капиталистов единовременной «контрибуцией» в 10 миллионов рублей, которую предлагалось внести в кассу ревкома в течение 48 часов. В Симферополе обложили буржуазию такой же суммой, в Ялте — 20 миллионами, в Феодосии и Евпатории — по 5 миллионов. Это было тогда единственным источником бюджета новой рабоче-крестьянской власти и эффективным средством борьбы со спекуляцией. Советы изымали у буржуазии сотни миллионов рублей во всей республике.

В речи на I Всероссийском съезде финотделов Советов В. И. Ленин сказал: «…Чтобы уничтожить буржуазию, пролетариат не мог обойтись без контрибуции. Это правильная мера переходного времени…»

В конце января в Севастополе состоялось Всетаврическое совещание представителей Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, превратившееся в Чрезвычайный съезд Советов Таврии. Был избран Таврический Центральный исполнительный комитет во главе с Жаном Миллером и Гавеном. Юрий Гавен телеграфировал В. И. Ленину: «Первый трудный путь завоевания народной власти на Крымском полуострове пройден».

После новых выборов большевики имели решающее большинство в Советах депутатов. Но меньшевики и эсеры составляли еще внушительную оппозицию. Ни одно заседание не проходило без злобных, враждебных большевикам речей меньшевястско-эсеровских заправил, без шумных и бурных обструкций с их стороны. Все заседания проходили тогда открыто, при большом стечении матросов, рабочих и солдат.

16 февраля в Севастополе собрался второй Общечерноморский флотский съезд. В нем участвовало 108 делегатов. Активное участие в его работе приняли Гавен и Пожаров. Почетными членами съезда избрали В. И. Левина, Розу Люксембург и Карла Либкнехта. Съезду предстояло обсудить вопрос о ходе мирных переговоров с Германией и Австро-Венгрией, заслушать отчет Черноморского центрофлота, наметить кандидатуры на пост комиссара флота и новый состав Центрофлота. Положение большевиков было сложным. Воспользовавшись тем, что основная масса революционных моряков сражалась на фронтах, соглашателям и украинским националистам удалось добиться большинства на съезде. Председателем съезда был избран левый seep С. С. Кнорус. 17 февраля с докладом «О текущем моменте» выступил член Центрофлота большевик М. Н. Ермолин. Он сказал: «Французская революция дала права человеку и гражданину. Русская революция дала власть трудящимся, которые превратят Россию в социалистическое государство». Съезд откликнулся на эти слова дружным одобрением. С большой речью выступил также комиссар флота В. В. Роменец.

В резолюции, предложенной Гавеном, принятой съездом 19 февраля, было записано: «И Черноморский флотский съезд постановляет оказать действенную активную поддержку… Совету Народных Комиссаров… Обещает в новой фазе борьбы за достижения революции тесно сплотиться вокруг как своих избранных органов власти, так и Совета Народных Комиссаров… Шлет проклятье изменникам Родины — изменникам и разным предателям из бывшей Центральной Рады». Все остальные резолюции съезда также носили просоветский характер. Но в новый состав Центрофлота прошло большинство левых и правых эсеров, меньшевиков и других, избравших С. Кноруса председателем Центрофлота, а левого эсера Б. Спиро — комиссаром флота.

После подписания Украиной сепаратного мирного договора с Германией положение Крыма осложнилось. Полуостров оказался во враждебном окружении. На севере — гетманская Украина, поддержанная нашествием кайзеровской армии, на востоке — белоказачий Дон. В Черном море находились немецкие крейсеры «Гебен» и «Бреслау». Германское нашествие на Украину подстегивало и поощряло всю внутреннюю контрреволюцию, заметно ожившую з Крыму.

В симферопольском дворянском театре 2 марта заседал Совет рабочих и солдатских депутатов. Амфитеатр, балконы и галерея были переполнены. Люди стояли в проходах и на хорах. Во время

выборов членов революционного трибунала председательствовавший Жан Миллер отвечал на запросы оппозиции. Стояла необычная тишина. Никто не решался даже громким вздохом прервать его речь. Люди понимали, что речь идет об их судьбе.

Вдруг с галереи в президиум была брошена бомба. Сидевший в президиуме политкаторжанин Николай Чистяков, бывший бомбист-анархист, с удивительным хладнокровием схватил этот шар, приняв его, как вратарь принимает мяч, выскочил за кулисы и в один миг успел вывинтить взрыватель. Возвратившись, он положил обезвреженный снаряд на стол, а сам снова занял место в президиуме. Тарвацкий остановил речь Миллера и объявил, что в президиум была брошена бомба большой взрывной силы, могло пострадать много людей. Он попросил всех оставаться на местах.

Взявшие слово представители оппозиции клялись, что их партийные организации непричастны к покушению. Они отказывались нести какую-нибудь ответственность за случившееся. На вопрос Жана Миллера, не полагают ли они, что сами большевики кинули бомбу в свое заседание, меньшевик Футликов ответил, что не сомневается в этом. Дескать, нужен повод для арестов представителей оппозиционных партий.

Заседание было прервано. При выходе проверяли документы. Некоторых депутатов и гостей задержали до выяснения обстоятельств. Охранявший театр отряд Шмакова попытался сразу же разделаться с частью задержанных. Только вмешательство Гавена и Тарвацкого предотвратило самосуд. Аресты не дали результата: обнаружить террориста не удалось. Лишь позднее был задержан бросивший бомбу гимназист. Добиться от него имен организаторов покушения оказалось невозможным.

15 января 1918 года В. И. Ленин телеграфировал В. А. Антонову-Овсеенко и Г. К. Орджоникидзе: «Ради бога, принимайте самые энергичные и революционные меры для посылки хлеба, хлеба и хлеба!!! Иначе Питер может околеть. Особые поезда и отряды, сбор и ссыпка. Провожать поезда. Извещать ежедневно. Ради бога! Ленин».

22 января В. И. Ленин телеграммой просил Орджоникидзе; «Продолжайте, ради бога, изо всех сил добывать продовольствие, организовать спешно сбор и ссыпку хлеба, дабы успеть наладить снабжение до распутицы. Вся надежда на вас, иначе голод к весне неизбежен».

Продовольствия на рынках Крыма было еще достаточно, хотя за полтора месяца Советской власти большевики не успели освоить искусство организации продовольственного дела.

Прежние работники продовольственных управ, оставшиеся на своих должностях и при Советской власти, явно саботировали снабжение. В крупных городах (и то не всюду) существовало по одному продовольственному магазину рабочих кооперативов. Государственной торговли еще не было. Все надежды возлагались на частный рынок, на подвоз продовольствия крестьянами.

Крымские большевики отправили из Севастополя в Питер тридцать пять тысяч пудов галет из флотских запасов. Из Феодосии в столицы и промышленные центры отправлено было двадцать тысяч пудов зерна. За февраль — апрель из Крыма на север России ушло более трех с половиной миллионов пудов зерна, много консервов, фруктов, сыра и прочих продуктов.

Это и вызвало инспирированный врагами взрыв. В середине марта натравленная контрреволюционерами толпа растерзала на рыночной площади городского комиссара продовольствия Наума Глазова. Вместе с ним был зверски убит его сын, организатор городского Союза рабочей молодежи, пытавшийся защитить отца.

На место убийства прибыл Гавен, в краткой речи заклеймивший извергов, растерзавших комиссара.

В те же дни было совершено покушение на работников военного штаба. Военно-революционный комитет принял необходимые меры. Были взяты заложники, усилена бдительность. Но Гавен, Елагин, Тарвацкий и другие видные большевики по-прежнему ходили открыто и без оружия. Их охраняли сами рабочие.

Важным событием тех напряженных дней стал Всетавриче-ский съезд профсоюзов, собравшийся в начале марта в Симферополе. Еще с начала века профессиональные союзы Крыма сделались детищем и крепостью меньшевиков. После двухмесячной диктатуры пролетариата меньшевики с бундовцами все еще удерживали большинство в правлениях профсоюзов. Делегаты на съезд избирались большею частью задолго до установления Советской власти. Таким образом большинство съезда оказалось меньшевистским. Но со времени выборов делегатов настроения широких масс изменились в пользу большевиков. Соотношение сил внутри рабочего класса сложилось иначе, нежели оно выглядело по мандатам делегатов.

При обсуждении повестки дня большевики предложили поставить первым пунктом вопрос об отношении профсоюзов к власти диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. Променыпевистское большинство приняло предложение президиума — обсудить вопрос об отношении к власти в самом конце работы съезда. Спор по поводу предложения большевиков стал пробным камнем для меньшевистского большинства и

перерос в шумную перебранку между делегатами, доходившую до рукоприкладства. Большевики покинули съезд, объявив его неправомочным. На приказ комиссара труда Фридриха Шихановича: «Разойдись! В два счета!» — меньшевистское большинство ответило демонстративным пением «Интернационала». Большевики подхватили гимн. Меньшевики пели в припеве: «Это будет последний и решительный бой!..», а большевики пели: «Это есть…»

ОБОРОНА НА АЛЬМЕ

6 марта 1918 года в Симферополе собрался Всетаврический съезд Советов, в котором участвовало более четырехсот делегатов, в том числе сто двадцать татар. Прошло всего десять недель с тех пор, как были разгромлены татарские националисты и разогнан Курултай. Министры Джафар Саидаметов и другие удрали в Турцию, а тысячи татар-крестьян остались на месте. Большевики понимали важность привлечения татарской бедноты на сторону Советской власти, понимали, какой отклик это встретит на Ближнем Востоке среди мусульманских народов.

Вместе с сочувствовавшими большевики располагали большинством на съезде. Предстояло наметить пути решения земельного вопроса, упорядочения рабочего контроля на предприятиях. Остро стоял вопрос о борьбе с безработицей. Самыми важными были вопросы об отношении к Брестскому мирному договору и о государственном статуте Таврии. Гавен твердо держался ленинской линии в вопросе о мире с немцами, он энергично боролся против сторонников Троцкого, «левых» коммунистов, левых эсеров и всех противников Брестского мира.

После бурных прений съезд высказался за принятие условий мирного договора с Германией и единодушно проголосовал за провозглашение Советской Социалистической Республики Тавриды. О рождении нового, социалистического государства было сообщено по радиотелеграфу. Предполагалось, что это удержит занимавших всю Украину немцев от нашествия на Крым.

По всей Таврии шел стихийный раздел помещичьих земель. Во многих крестьянских комитетах орудовали эсеры и кулацкие элементы; они норовили побольше земли и инвентаря урвать для себя, оттеснить сельскую бедноту. Большевиков в сельских комитетах было очень мало. Надо было решить, какую часть земель социализировать, круто вмешаться в процесс стихийного раздела земли, защитить интересы бедноты, ее земельные нужды. По этим вопросам съезд принял решения.

Ко времени съезда были национализированы принадлежавший французской фирме аэропланосборочный завод «Анатра» и бельгийские электростанции с их трамвайным хозяйством. Наряду с бывшими казенными заводами постепенно национализировали и другие крупные промышленные предприятия. Восемьдесят царских и княжеских дворцов были взяты в государственное управление.

Был избран Всетаврическоий ЦИК во главе с Жаном Миллером. ЦИК избрал председателем Совнаркома Тавриды

Антона Слуцкого, рекомендованного на этот пост Центральным Комитетом партии. Комиссарами стали: С. Новосельский — наркомвнудел, А. Коляденко — наркомфин, И. Федосеев — наркомпрод, С. Акимочкин — наркомюст, Ф. Шиханович — наркомтруд, Н. Фирдевс — наркомпрос. 9 марта правительство Республики Тавриды объявило о принятии им Брестского мирного договора. В трудных условиях нависшей угрозы вражеского нашествия стала налаживаться работа народных комиссариатов.

Опасность немецкого нашествия и явное оживление в стане контрреволюции вызвали новую вспышку самосудов над офицерами.

В Симферополе отряд Шмакова ворвался в горсовет, сместил Тарвацкого с должности председателя Совета и силой заставил президиум проголосовать за их командира в председатели. Шмаковцы не хотели мириться с тем, что им не разрешили устраивать самосуды.

Гавен сразу выехал в казармы. Он сумел убедить матросов в неправильности их действий. Навязанное силой решение было отменено. В связи с этим председатель Совнаркома Тавриды А. И. Слуцкий обратился 29 марта 1918 года по телеграфу: «Ко всем Советам Тавриды! Всякое… командное лицо или отряд, который покушается на права власти, принадлежащей Советам, ставит себя вне рядов Красной Армии, а в ряды ее врагов; ЦИК Тавриды требует… подавить всякую такую попытку, не останавливаясь ни перед какими самыми крайними мерами…»

Были приняты все меры к прекращению анархических выступлений. Большевики призвали моряков к выдержке и железной революционной дисциплине.

14 марта В. И. Ленин писал комиссару Юга — Серго Орджоникидзе: «Очень прошу Вас обратить серьезное внимание на Крым и Донецкий бассейн в смысле создания единого боевого фронта против нашествия с Запада. Убедите крымских товарищей, что ход вещей навязывает им оборону и они должны обороняться независимо от ратификации мирного договора. Дайте им понять, что положение Севера существенно отличается от положения Юга и ввиду войны, фактической войны немцев с Украиной, помощь Крыма, который (Крым) немцы могут мимоходом слопать, является не только актом соседского долга, но и требованием самообороны и самосохранения»[11].

20 марта на объединенном заседании Севастопольского Сове 1 а с участием делегатов И Общечерноморского флотского съезда, Центрофлота, делегатов судовых команд и главного заводского комитета Морского завода всю ночь продолжались горячие

прения по вопросу об обороне Крыма. Был избран Комитет защиты социалистической революции в составе Гавена, Пожарова, Васенко и двух левых эсеров — Спиро и Шерстнева. В заключение была принята характерная для тех дней резолюция: «Заслушав доклад и прения по обороне Крыма, участники заседания, закрывая его в шесть часов утра 21 марта, ушли от слов к оружию… Объявить всему миру, что пролетариат и крестьянство Севастополя решили победить или погибнуть». Комитет защиты революции назвали сокращенно Комзарев, или Совет пяти.

Таврический ЦИК утвердил Гавена председателем Комзарева. Декретом Таврического ЦИК. 22 марта Комзарев был преобразован в Верховный военно-революционный штаб Республики Тавриды.

Таврический губернский съезд большевиков обсудил создавшееся положение и избрал губернский комитет партии в составе Гавена, Коляденко, Миллера, Новосельского, Тарвацкого, Фирдевса, Шаталова и других.

В те же дни Гавена избрали председателем Севастопольского комитета большевистской организации. Гавен работал с огромной нагрузкой. Он состоял членом бюро губернского комитета партии, членом президиума Таврического ЦИК, председателем Комзарева и редактором газеты «Таврическая правда». Товарищи, близко знавшие Гавена, поражались, как он, больной, на костылях, справлялся со всеми этими обязанностями.

26 марта специальным декретом Совета Народных Комиссаров Республики Тавриды Верховный военно-революционный штаб был преобразован в Комиссариат по военно-морским делам. Руководителем стал Гавен. В коллегию комиссариата вошли большевики Пожаров, Ермолин и Басенко и левый эсер Шерстнев. В декрете говорилось, что: «Комиссариат по военно-морским делам является верховным военным органом Советской республики Тавриды и ему предоставляется право распоряжаться всеми военными силами республики и местными военно-революционными штабами, находящимися в полном подчинении комиссара по военно-морским делам». Были объявлены мобилизация саперов и минеров, разверстка поставки лошадей в армию и мобилизация буржуазии (в возрасте от 18 до 30 лет) на рытье окопов. Мобилизованных на рытье окопов направляли на Перекопский перешеек в Чонгар, а саперов и минеров с инженерным имуществом в Севастополь, в распоряжение Комиссариата по военно-морским делам.

Через несколько дней Черноморский отряд в составе семи тысяч красных бойцов выступил на фронт. Однако красногвардейские и краснофлотские отряды, успешно

одолевшие в январе 1918 года силы русской контрреволюции, теперь не могли служить прочным заслоном против регулярных германских войск.

В воззвании Военно-морского комиссариата за подписью Юрия Гавена от 5 апреля 1918 года говорилось: «Всем, всем, всем!.. Кому дороги завоевания революции… Революционный Севастололь и красный Черноморский флот решили до последнего вздоха стойко защищать Крым от посягательств банд генерала Макензена… Все к оружию… и тесному единству для защиты революции!.. Враг будет разбит… Да здравствует Международная пролетарская революция!»

В считанные дни под руководством Гавена были развернуты позиции на реке Альме. В командование фронтом вошли и левые эсеры, объявившие себя сторонниками священной революционной войны против германского империализма. В первые же дни исчез с передовых позиций, дезертировал с фронта командующий — левый эсер Шашков. Гавену пришлось принять на себя фактическое руководство боевыми операциями. На фронте находилась и Арменуи в отряде бывших политкаторжан.

Контрреволюционные силы готовились нанести удар в спину. В то время, когда почти все большевики Севастополя ушли отрядами на Альминский фронт, контрреволюционеры спровоцировали в Севастополе серьезные беспорядки. Центрофлот совместно с Военно-морским комиссариатом Тавриды выступил с призывом не поддаваться никаким провокационным слухам, сохранять полное спокойствие. Было объявлено, что все митинги и собрания будут созываться только в помещениях, а не под открытом небом и только с разрешения Центрофлота.

18 апреля германские войска заняли Перекоп и двинулись в глубь полуострова. 22 апреля 1918 года отряд галичан под командованием атамана Балбачана, шедший в авангарде частей 52-го германского корпуса, занял Симферополь. Вслед за ним в город вступили германские войска. В районе Альмы и Бельбека завязались сильные бои. Против немцев сражались отряды В. А. Басенко, А. Е. Максюты, Матузенко, Васильевского, балаклавский коммунистический отряд Селищева, евпаторийский отряд А. И. Находкина и другие. В тылу немецких частей действовал Черноморский партизанский отряд особого назначения. Особенно отличились отряды под командованием Басенко и Васильевского. Немцев приостановили.

22 апреля находившиеся в Ялте народные комиссары Тавриды А. Слуцкий, С. Новосельский, Ян Тарвацкий, А. Коляденко и другие пытались пробраться в Керчь, чтобы уйти с

полуострова морем, но попали в засаду и погибли.

23 апреля в бою под Булганаком геройски погиб Владимир Афанасьевич Басенко, член ВЦИК и Комзарева, один из самых энергичных организаторов Альминского фронта. Он вышел с 12 бойцами в разведку. Навстречу им показалась немецкая бронеплощадка. Намереваясь забросать бронешющадку гранатами, он пошел вперед и пал изрешеченный пулями. Погиб под Алуштой Борис Петрович Ждановский, командовавший отрядом бывших политкаторжан. В боях погибли Карл Вагул, мичман Лященко, Ян Булевский и многие другие организаторы красногвардейских отрядов.

Воспользовавшись уходом большевиков на фронт, эсеровско-меньшевистское большинство Центрофлота в середине апреля провело спешные перевыборы Севастопольского Совета. В итоге большевики оказались в Совдепе нового состава в меньшинстве. Гавену и большевикам пришлось вести борьбу на два фронта: на Альме против немцев и в тылу против социал-предателей.

23 апреля была получена директива Совнаркома, в которой говорилось: «Совнарком предлагает Черноморскому флоту оказать энергичное сопротивление захвату Севастополя, а в случае невозможности удержать Севастополь со всеми судами, могущими выйти в море, перейти в Новороссийск, уничтожив все остающиеся в Севастополе суда, имущество, запасы». 25 апреля состоялось делегатское собрание флота, заводского комитета Морского завода и рабочих порта, на котором обсуждался вопрос о выполнении директивы Совнаркома.

Увод флота из Севастополя встретил отчаянное сопротивление морских офицеров и командующего флотом адмирала Саблина, считавших Новороссийск абсолютно непригодным для стоянки военного флота. Бешеное сопротивление оказывали также эсеры из Центрофлота. Они устраивали на кораблях бесконечные митинги.

Большевикам на флоте не легко было уводить и особенно уничтожать корабли. Но они понимали правильность директивы Совнаркома. Необходимо было быстро и решительно прекратить митингование на кораблях и базах, покончить с шатаниями и колебаниями, сломать сопротивление офицерства. Только по настоянию делегации во главе с Гавеном Саблин отдал, наконец, приказ об уходе флота из Севастополя в Новороссийск.

Немецким захватчикам потребовалось десять дней, чтобы с боями продвинуться на 76 километров от Симферополя до Севастополя. 28 апреля немцы заняли Булганак и Альму.

29 апреля на рассвете Гавен отдал приказ последним частям, прикрывавшим отступление, оторваться от неприятеля и отходить

для погрузки на суда. С девяти часов утра в Южной бухте шла погрузка красногвардейцев и моряков на корабли. Эвакуация закончилась в десять часов вечера. Весь день большевики вели на кораблях напряженную борьбу за их уход в Новороссийск. В полночь 29 апреля оставили Севастополь и взяли курс на Новороссийск 12 миноносцев, вспомогательный крейсер «Троян», 65 моторных катеров, 11 буксирных судов, 47 барж и несколько десятков других вспомогательных судов.

30 апреля вечером ушли линкоры «Свободная Россия» и «Воля», еще пять миноносцев, подводные лодки и другие корабли. Когда суда стали выходить из севастопольской бухты, германская артиллерия открыла по ним огонь с высоты «Северная сторона». Один эсминец, подбитый вражеским огнем, выбросился на берег близ Ушаковской балки, другой был затоплен командой в порту, чтобы не достался немцам. Подводные лодки и мелкие суда были вынуждены вернуться в Южную бухту. Несколько кораблей осталось в Севастополе, часть ввиду ремонта, часть — оставшаяся без команд. В два часа утра поредевшая флотилия скрылась за поворотом к Херсонесскому маяку.

Эвакуация была осуществлена по плану, предложенному Гавеном, а сам он последним покинул позиции. Старые бойцы и участники этой эпопеи свидетельствуют в своих воспоминаниях о проявленном им мужестве.

Пала Республика Таврида. Площади городов «украсились» виселицами. Улицы оглашали военные оркестры кайзеровской армии. Под гнетом восстановившихся буржуазно-помещичьих порядков рабочие и сельская беднота стали прозревать и по-новому расценивать происходившее. Обманутые люди, прежде шедшие за социал-соглашателями, стали понимать правильность действий большевиков.

В Крыму в подполье остались Н. Тимофеев, И. Полонский, И. Ржанников, Ян Бек, Е. Богатурьянц, С. Просмушкин, большевики с довоенным стажем и опытом, и молодые большевики: О. Алексакис, В. Киров-Харик, М. Гершуни, Ф. Рылов, В. Хайкевич, Е. Шульман, Н. Бурмистров, Р. Гринберг, И. Тихомиров, А. Мамигонов, Д. Скрыпник и многие другие. Они вынесли на своих плечах основную тяжесть первого подполья крымских большевиков.

Подпольщики за короткий срок сумели овладеть почти всеми профессиональными союзами, связались с кооперативами, создали несколько опорных пунктов подрывников, а также крепкую группу агитаторов, владевших немецким языком.

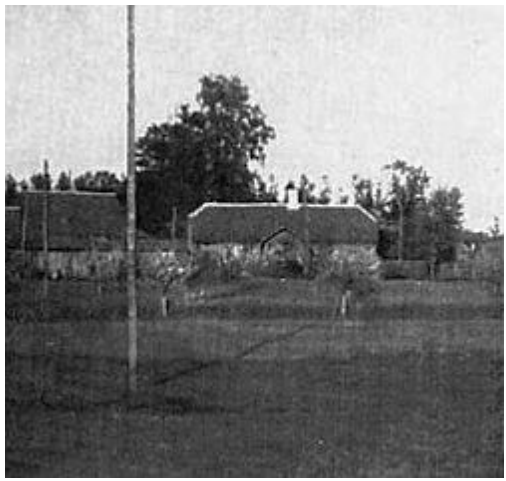
Душой большевистского подполья в Крыму была Евгения Богатурьянц (Лаура), инженер-химик, большевичка с 1909 года.

Ее старший брат Арменак Аракелович Богатурьянц (Аверьян), большевик со II съезда РСДРП, был одним из организаторов всероссийской стачки работников почты и телеграфа в октябре 1905 года. Две сестры, учительницы, помогали подпольщикам. В квартире одной из них, Елизаветы Богатурьянц, хранилась большевистская литература.

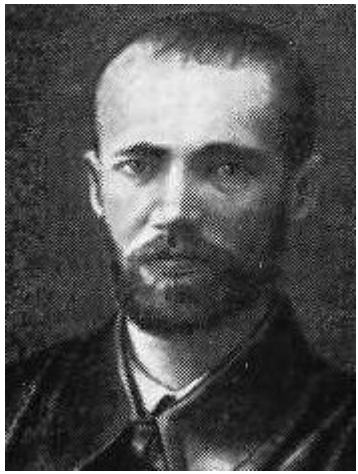
После прибытия кораблей и эвакуированного имущества в Новороссийск Гавен до середины июля работал в революционном штабе Кубано-Черноморской республики. Он получал полную информацию о положении в Крыму и о деятельности большевистского подполья.

В конце мая 1918 года началась трагедия Черноморского флота. В. И. Ленин требовал: «ввиду безвыходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно»[12]. В директиве Совнаркома командующему Черноморским флотом 28 мая 1918 года было сказано: «Ввиду явных намерений Германии захватить суда Черноморского флота, находящиеся в Новороссийске, и невозможности обеспечить Новороссийск с сухого пути или перевода в другой порт, Совет Народных Комиссаров по представлению Высшего Военного Совета приказывает Вам с получением сего уничтожить все суда Черноморского флота… находящиеся в Новороссийске»[13]. 1 июня последовало предписание В. И. Ленина члену коллегии Народного комиссариата по морским делам И. И. Вахромееву, находившемуся в Новороссийске, о немедленном уничтожении судов. Затем 13 июня распоряжение: «…Подтверждаем приказ: немедленно уничтожить суда. Председатель ЦИК Свердлов, Председатель Совнаркома Ленин»[14] 3. В большевистском руководстве на Кубани, среди видных деятелей Кубано-Черноморской советской республики были люди, не понявшие требования Ленина топить флот. Подолгу спорили на совещаниях. А время торопило, немцы наседали. Часть командиров кораблей: В. Кукель-Краевский и другие, считала необходимым беспрекословно выполнить директивы Советского правительства, чтобы ни один корабль не достался врагу.

Мать Гавена — Готлиба Дауман.



Домик на хуторе Крейпи под Ригой, где родился Юрий Гавен.



ОРГАНИЗАТОРЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ В ЕНИСЕЙСКОЙ ССЫЛКЕ В

ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

А. П. Спундэ. Ю. П. Гавен. В. А. Ватин-Быстрянский

Группа политических ссыльных в Минусинске в 1916 году.

Сидят во втором ряду: Р. Н. Шагов (четвертый справа), Ф. Н. Самойлов (пятый справа); стоят: Ю. Гавен (второй слева), А. Спундэ (десятый слева), А. Оввян (тринадцатая слева).

Первый революционный митинг в Минусинске 2 марта 1917 года.

Ю.Гавен среди членов исполкома Минусинского Совета рабочих солдатских и крестьянских депутатов в 1917 году.

ЧЛЕНЫ КРЫМСКОГО ОБЛАСТНОГО ПОДПОЛЬНОГО КОМИТЕТА РКП(б) В 1918–1919 ГОДАХ.

И. А. Назукин. М. Л. Рылова. С. М. Мирный. И. М. Полонский.

Группа крымских подпольщиков 1918–1920 годов с Ю. П. Гавеном.

Сидят (справа налево): Александров (первый), Фридман (второй), Васильев (третий), Мокроусов (четвертый), Гавен (пятый), Кубанцева Эмма (шестая), Лысенко Андрей (седьмой), Даярен-Айярлы (восьмой). В последнем ряду между Гавеном и Мокроусовым стоит Ив. Скорик.

Группа крымских подпольщиков 1918–1920 годов.

Сидят во втором ряду (слева направо): Матус Левковский (первый), Оскар Тарханов (третий), Андрей Лысенко (четвертый), Сергей Бабахан (Николай) (пятый), Катя Григорович (шестая). В третьем ряду (между Бабаханом и Григорович) стоит К. К. Максимова (Патя).

Дом в Севастополе, в котором была явочная квартира, содержавшаяся подпольщиками-большевиками, братьями Котнер в

1918–1919 годах.

В. А. Елагин, 1922 год.

Кр. Ц. С. Р.

Центральная комиссия помощи голодающим

Кр. Ц. И. Ком.

Крым. Совет. Соц. Сов. Респ.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано сие Секретари Крымского Центрального Исполнительного Комитета тов. В.А.ЕЛАГИНУ в том что он действительно является [redacted]уполномоченным Крым ЦИКпомгола по переброске из Новороссийска в Феодосию груза муки, отправляемой Правительством РСФСР в Крым за собранные церковные ценности.

Тов. ЕЛАГИНУ предоставляется право подачи всеми телеграмм и разговоров по прямому проводу.

Всем советским и военным учреждениям, хоз.орг. и пароходной администрации предлагается оказывать тов. ЕЛАГИНУ всемерное содействие в скорейшем выполнении возложенных на него заданий.

Все изложенное подписью и приложением печати удостоверяется.-

Продс.Кр.Ц.И.К. и ЦКПомгола Гавр

Член Президиума [illegible]

Управделами [illegible]

Мандат Крымпомгола за подписью Ю. Гавена на имя секретаря КрымЦИК В. А. Елагина.

Юрий Гавен и Арменуи Оввян (в первом ряду) с семьей Елагиных на отдыхе в 1923 году.

За возвращение кораблей в Севастополь при опросе высказались 450 моряков, 500 голосовали против этого, а 1000 воздержались. И все же часть флота ушла в Севастополь. Команды судов «Керчь», «Гаджибей», «Фидониси», «Калиакрия», «Сметливый», «Стремительный» и другие потопили свои корабли, чтобы не сдать их врагам.

Гавен, естественно, тяжко переживал гибель флота. Ко времени его первого прибытия в Севастополь там числилось до ста кораблей и тысяч сорок моряков. В Новороссийск их пришло всего несколько тысяч.

В середине июля 1918 года Гавен был отозван в Москву и слег в госпиталь. Ему грозила ампутация ноги. В больнице он подводил итоги своей деятельности в Крыму, справлялся у своей совести: все ли он сделал, что было в его силах для выполнения заданий партии.

1919 ГОД

С первых же дней госпитальной жизни, привязанный надолго н постели, Гавен по поручению ЦК РКП(б) связался с крымским подпольем. Связь эта была установлена через М. Каплана, дважды удачно пробиравшегося из Крыма через фронты и «границы» самостийной Украины в Москву, а также через М. Рылову, И. Семенова, Д. Скрыпника, И. Назукина и других, тоже не раз приезжавших сюда из Крыма.

В Москву пробилась делегация рабочих Севастопольского морского завода, терпевших страшную нужду. Возглавлял делегацию председатель главного заводского комитета Андрей Маркович Лысенко, высококвалифицированный металлист, один из активнейших подпольщиков. Гавен помог им получить от Советского правительства значительную сумму денег, которую доставили в Севастополь и выплатили заводским рабочим.

Листовки, выпущенные подпольщиками на немецком языке, призывали солдат к неповиновению командирам, агитировали за переход на сторону пролетарской революции. Участились акты вооруженной боръбы против оккупантов. Летели под откос эшелоны с хлебом, которые немцы спешили отправить в Германию.

В самую страду жатвы вспыхнула забастовка батраков, поддержанная общей стачкой солидарности городских рабочих. Почти весь июнь 1918 года бастовали семь тысяч рабочих Севастопольского морского завода, требуя от администрации уплаты задолженности по зарплате.

Германские оккупационные власти заигрывали е татарскими националистами, используя давнишнюю агентуру своей союзницы — Турции. В председатели «крымско-татарского правительства» немцы навязали своего резидента в России, бывшего генерала царской армии, литовского татарина-католика Сулькевича. Назначением этого «варяга», да еще католика, а не мусульманина, оккупанты оттолкнули от себя некоторую часть татарской мелкобуржуазной националистической интеллигенции.

После ноябрьской революции в Германия немцев-оккупантов в Крыму заменили англо-французские интервенты… Под их прикрытием белогвардейская добровольческая армия и белоказаки заняля Крым. Белогвардейцы со своими трехцветными монархическими знаменами и великодержавными лозунгами «единой и неделимой», с их шовинизмом и жандармскими порядками предстали перед трудящимися национальных меньшинств как прямая угроза восстановления старой политики

национального гнета.

В этих условиях, пропагандой ленинской национальной политики и интернационального братства трудящихся большевики подполья сумели привлечь на свою сторону значительные слои татар и других национальностей в Крыму. В подполье в Коммунистическую партию вступили многие рабочие и интеллигенты разных национальностей.

Приближалось время освобождения Крыма. Гавен, вышедший из больницы, вел в Москве напряженную подготовительную работу. В конце 1918 года в ЦК партии обсуждался вопрос о создании Крымской советской республики. Ведущие работники ЦК высказались за это. Провозглашение республики могло серьезно активизировать борьбу национальных меньшинств Крыма против белогвардейщины.

Исключительным событием в жизни Гавена была встреча с В. И. Лениным в феврале 1919 года. Владимир Ильич помнил Гавена с V съезда партии. Он обстоятельно говорил с ним о предстоящих делах по организации и строительству партийного аппарата в Крыму.

В ходе беседы Ленин сказал: «По всему видно, что в ближайшее время Красная Армия очистит Украину и Крым от белогвардейцев и вы сможете вернуться в Крым для осуществления наших задач. Старайтесь избегать прежних ошибок. Национальный вопрос требует самого вдумчивого и осторожного отношения».

В Центральном Комитете партии Гавена считали деятелем крымской организации. Не без некоторой обиды подумал об этом Гавен, когда ранней весной 1919 года собрался VI съезд СДЛК. Съезд переименовал партию в Коммунистическую, принял программу РКП(б), избрал в ЦК старых деятелей — друзей Гавена — Яна Берзина, Яна Ленцмана, Фрица Розиня, Отто Карклина. Делегатами на VIII съезд РКП(б) избрали Петера Стучку, Межина, Карклина и Бейка. Гавен участвовал в работе VIII съезда с совещательным голосом в качестве представителя крымской (подпольной) организации. Как гость на I конгрессе Коммунистического Интернационала, он слушал исторический доклад В. И. Ленина «О буржуазной демократии и диктатуре пролетариата». В конгрессе участвовала делегация Коммунистической партии Латвии. Гавен встретился со старыми друзьями. Ян Берзин стал секретарем Исполкома Коминтерна, а Давид Бейка — управляющим делами ИККИ.

В марте 1919 года ЦК РКП(б) откомандировал Гавена в действующую армию в распоряжение реввоенсовета Южного фронта, где он вплотную занялся делами крымского подполья. В

ЦК полагали, что Латвия и без того богата партийными работниками, а Гавена включили в «золотой фонд» руководящих крымских коммунистов.

Над Крымом снова ярко засияло солнце. 4 апреля 1919 года был взят Перекоп, Красная Армия захватила Чонгарский мост. Белые в панике отступали. 11 апреля головные части Заднепровской советской дивизии вступили со стороны Евпаторийского шоссе в Симферополь. Улицы, по которым двигались колонны красных воинов, точно ковром, были устланы ярко-зеленой свежескошенной травой. Красноармейцев засыпали цветами. Народ ликовал.

Рядом с Павлом Дыбенко, Сергеем Петренко, Яном Пиече, Михаилом Каном, командирами и политработниками Красной Армии, ехали Юрий Гавен, Дмитрий Ульянов, Иван Назукин. Народ остановил автомобиль и горячо приветствовал Гавена и его спутников. Гремели оркестры, исполняли революционные гимны, лились речи.

На первом народном митинге, на той самой площади, где в марте 1918 года был растерзан комиссар Наум Глазов, Юрий Гавен в своей речи приводил слова В. И. Ленина, сказанные им в те дни о Крыме: «Этот район, игравший главную решающую роль во всей войне, — этот район теперь очищен… Мы отняли у Антанты ее солдат… отняли у них превосходство солидарностью трудящихся против империалистических правительств»[15].

Стояли рядом Юрий Гавен, родной брат Ленина — Дмитрий Ульянов и его близкий друг Андрей Елагин. Их окружили большевики, только что вышедшие из подполья. Среди них Иван Тихомиров, Яков Тевлин и Роза Гринберг, искалеченные контрразведчиками в Симферопольской тюрьме. Белые, бежавшие в панике, не успели их расстрелять.

Радостной и трогательной была встреча Юрия Гавана с подпольщиками, которые, рискуя жизнью, пробирались из Крыма в Москву через кордоны белых и петлюровцев, чтобы связаться с лежавшим в госпитале Гавеном. Среди них были И. Семенов, Д. Скрыпник, Е. Шульман, А. Лысенко, С. Мирный, М. Каплан, Муся Гершуни (Рылова) и другие.

Накануне вступления Красной Армии в Симферополь в Армянском училище собрались армяне-коммунисты. Они обсудили вопросы об интернациональном воспитании армянского населения Крыма, воспитания в духе «борьбы за свержение ига мировых капиталистических хищников». В тот же день здесь же собрались все члены симферопольской организации армянской социал-демократии ГНЧАК, существовавшей с 1904 года. Собравшиеся решили ликвидировать гнчакистскую организацию

и передать все ее дела и имущество местной большевистской армянской организации. В созыве этих двух собраний участвовала Лаура Богатурьянц, пользовавшаяся известным влиянием среди трудящихся армян и армянской интеллигенции в Крыму.

Белогвардейцы и интервенты разграбили все ресурсы края: вместе с остатками флота были вывезены в Константинополь запасы зерна и продовольствия. Бывший премьер-министр белогвардейского правительства Юга России караим Соломон Крым вывез в Париж похищенные им семьдесят тысяч ведер коллекционных вин, представлявших большую валютную ценность. Не отставали и другие.

Белые разорили полуостров и обрекли Крым на продовольственную катастрофу. Хозяйство Крыма пришло в небывалый упадок. Сократились посевы. В крайнем запустении были сады, виноградники, табачные плантации — главные источники экономической жизни Крыма. Царила безработица. Свирепствовали тиф и испанка. Санатории были заброшены, и их хозяйства развалены. Медицинский персонал при белогвардейцах разбежался. Его надо было собрать. Необходимо было восстановить здравницы и развернуть сеть лазаретов для раненых.

Предстояло вновь налаживать работу всех органов власти. Надо было воссоздать партийные организации, перестроить профсоюзы и изгнать из них меньшевиков и эсеров, оздоровить кооперацию. Но подготовленных кадров не было. Впереди был непочатый край работы.

В таких условиях через две недели после вступления Красной Армии в Крым собралась областная партийная конференция большевиков. К тому времени крымская организации РКП насчитывала немногим более тысячи членов. На конференции присутствовали представители ЦК РКП(б): К. Е. Ворошилов и М. К. Муранов. В работе конференции участвовали представители Красной Армии П. Е. Дыбенко, Я. Я. Пиече и другие. Конференция заседала на квартире Гавена, так как он опять был прикован к постели из-за болезни. Гавен выступил с докладом «О политике партии в национальном вопросе», который был построен в соответствии с решением VIII съезда и новой программы РКП(б). Он рассказал участникам о своей беседе с В. И Лениным и его указаниях.

Конференция приняла обстоятельные решения по всем вопросам организации власти и хозяйства в Крыму. Юрия Гавена избрали председателем обкома РКП(б), Владимира Хайкевича (Вернера) — секретарем, а членами обкома — Дмитрия Ульянова, Иосифа (Степу) Полонского, Ивана Назкина, Ориона Алексакиса,

Ефрема Шульмана, Владимира Кирова-Харика, Семена Мирного и других. Семен Мирный редактировал газету «Крымский коммунист». Секретарем Симферопольского городского комитета РКП(б) был избран Степан Захаров — московский рабочий, прибывший в Крым вместе с Д. И. Ульяновым и Ю. П. Гавеном. Мусульманской секцией обкома заведовал Мустафа Субхи, он редактировал также издававшуюся в Крыму газету «Ени дунья» («Новый мир»).

Мустафа Субхи — яркая личность. Сын видного константинопольского педагога, он, окончив юридический факультет в Турции, эмигрировал во Францию и учился в Сорбонне, не раз слушал лекции Жореса, Жюля Геда, Поля Лафарга. Возвратившись на родину, работал учителем и журналистом. В 1911 году Субхи был в Турции арестован и приговорен к пожизненной каторге. В 1913 году он бежал из Синопской крепости и перебрался в Россию. Спустя год русские власти выслали его в Калугу, а оттуда на Урал и посадили в Екатеринбургскую тюрьму. Освобожденный Февральской революцией, он вступил в партию большевиков и повел антивоенную пропаганду среди военнопленных турок.

После Октябрьской революции Субхи работал в Башкирии, Туркестане, Азербайджане, создавал коммунистические ячейки среди турецких военнопленных в России и заложил основы Турецкой коммунистической партии. В 1918 году он основал газету «Ени дунья» и возглавил секцию интернациональной пропаганды в Наркомнаце в Москве. Мустафа Субхи перевел на турецкий язык «Коммунистический манифест» и другие произведения Маркса, Энгельса и Ленина.

Он вполне сносно изъяснялся по-русски, по-татарски, владел в совершенстве немецким, английским и французским языками. В Константинополе он преподавал политическую экономию в Университетском колледже. Это был безупречно идейный коммунист, большой жизнелюб и оптимист. В Крыму он неутомимо трудился, выступая с яркими речами и докладами, активно участвовал в работе областного комитета партии и его мусульманского бюро.

Орион Алексакис — молодой балаклавский грек, личность исключительно яркая, прекрасный пропагандист.

Тогда, летом 1919 года, члены Крымского обкома не знали, какая их ждет судьба. Через полтора года погиб Мустафа Субхи, схваченный в Трапезунде при возвращении его на родину. Орион Алексакис был убит провокатором. Иван Назукин был подвергнут страшным пыткам в белогвардейском застенке и расстрелян.

В Крымское правительство по согласованию с ЦК РКП были

выдвинуты: наркомпрод — С. Д. Вольфсон-Давыдов; наркомвнудел — Ю. П. Гавен; наркомвоен — П. Е. Дыбенко; предсовнархоза — Я. Ф. Городецкий; наркомюст — И. Ибраимов; наркомзем — С. Идрисов; наркоминдел — С. Меметов; наркомтруд — И. М. Полонский; наркомздрав — Дм. Ульянов; наркомпрос — И. А. Назукин; управделами — Али Боданинский. В президиум Крымского Совнаркома избрали Д. И. Ульянова, Ю. П. Гавена и П. Е. Дыбенко.

Меметов был близким другом Мустафы Субхи. Сулейман Идрисов — рабочий из обрусевших крымских татар. Ибраим Ибраимов — соратник Али Боданинского, один из организаторов первой подпольной комячейки татар в Крыму. Полонский и Городецкий — старые большевики, после побегов из ссылки были в эмиграции в Париже, где часто слышали и видели Владимира Ильича Ленина.

1 мая 1919 года в Севастополе состоялся многотысячный митинг трудящихся и гарнизона. Выступали с речами члены ЦК РКП(б), Крымского ревкома и обкома партии, командующий войсками. Участники митинга направили приветствия товарищу Ленину и ЦК РКП(б). Большие военные парады и небывало многолюдные митинги и демонстрации состоялись также во всех городах Крыма. Народ ликовал В первомайском воззвании Крымского областного комитета РКП(б) было сказано: «Рождается новый, могучий, светлый и радостный мир коммунизма. Рождается он в муках, крови, и великих жертв требует от нас, его строителей. Будем же достойными его. Все на алтарь революции. Все на борьбу с капиталистическим режимом, за новый мир, величие и красоту которого мы с трудом можем себе представить. Каждый должен стать сильным борцом, борцом без страха».

В первомайском номере «Таврического коммуниста» рядом с воззванием областкома партии была напечатана статья Ю. Гавена «За год», в которой говорилось: «В прошлом году 1 мая в два часа дня войска германского империализма вступили в Севастополь, и над Чесменским дворцом взвился черно-белый флаг эксплуатации и порабощения… Сегодня над ним снова реет красное знамя мировой коммунистической революции».

В опубликованной 6 мая декларации Временного Крымского советского правительства заявлялось: «Волей революционных рабочих и крестьян Крыма и славными подвигами героической Красной Армии буржуазно-помещичье краевое правительство свергнуто. Крым объявляется Социалистической Советской Республикой. Отныне высшим органом власти в крае является Временное рабоче-крестьянское правительство Крыма, которое считает своей задачей и первейшей обязанностью в тесном союзе

с остальными Советскими республиками принять активное участие в борьбе за торжество Советской власти и мировой социалистической революции… Со всеми врагами социалистической Советской власти, каким бы флагом они ни прикрывались, Временное рабоче-крестьянское правительство будет расправляться самым решительным образом. Горе тому, кто станет на пути Советской власти». Декларация допускала существование в Крыму легальных организаций социалистических партий, при условии их полного отказа от борьбы против Советской власти.

9 мая 1919 года в телеграмме Ленину рабоче-крестьянское правительство Крыма выразило «полную решимость бороться в тесном союзе со всеми советскими республиками до полного торжества мировой коммунистической революции».

Но и занятый делами Крыма, Гавен пристально следил за событиями в Латвии. Там жили мать, братья, сестра. Там действовали его старые друзья. Ане стал комиссаром дивизии и вступил вместе с легендарным Фабрициусом в освобожденную в январе 1919 года Ригу, а потом в Митаву. Вскоре Ане был назначен членом реввоенсовета латвийской Красной Армии, он командовал Курляндской группой войск, которая остановила начавшееся наступление немцев на Ригу. Но радость была недолгой. Ригу заняли белогвардейцы. Погиб уехавший туда Карл Зедин.

У Гавена установились дружеские отношения с Павлом Дыбенко. Осенью 1918 года П. Е. Дыбенко был послан в Крым на подпольную работу. В конце сентября был схвачен немцами и в кандалах отправлен из Севастополя в Симферопольскую тюрьму. В самый канун ноябрьской революции в Германии оккупационные власти по предложению Совнаркома РСФСР обменяли Дыбенко на пленных немецких офицеров.

В конце апреля ЦК направил в Крым Ивана Федоровича Федько. Вместе с Федько прибыла группа коммунистов, как и он, ранее работавших в Крыму: Гавриил Керометчи, уроженец Крыма, участник революции 1905 года, организатор красногвардейских отрядов в Октябрьскую революцию; Юсуф Настусв — организатор шариатской колонны 11-й армии на Северном Кавказе и кавалерийского Балкарского полка, член Терского народного Совета; Омар Алиев, член президиума горской организации РКП(б). Это было сильное подкрепление для Комиссариата по мусульманским делам.

И. Ф. Федько сразу взялся за организацию войсковой подготовки в Крымской армии, за создание коммунистических батальонов и частей особого назначения. Вскоре его назначили

командующим восточным сектором обороны Крыма. В Крыму оставались белогвардейские соединения, удерживавшие Керченский плацдарм. Это и был восточный сектор.

Гавен принимал участие во многих совещаниях по вопросам состояния и снабжения Крымской армии вместе с Дыбенко, Федько, политкомом армии М. Каном, политработниками Я. Пиече и Коллонтай. Нередко эти совещания проходили на квартире Гавена, вынужденного из-за болезни отлеживаться в постели.

В середине мая в Крыму был повсеместно проведен День книги. Вместе с Армснуи Оввян и Лаурой Богатурьянц хозяйками дня были бывшие политкаторжанки. Юрий Гавен следил за прохождением Дня книги как большим и важным общественным начинанием. В те же дни дом А. П. Чехова в Ялте был объявлен национальным достоянием и превращен в мемориальный музей, а смотрительницей музея назначили сестру писателя Марию Павловну, занимавшую эту должность до конца жизни.

12 мая из Алушты пришла телеграмма от Сергеева-Ценского, Шмелева и других писателей, благодаривших Крымское правительство за выданные писателям и деятелям культуры «Охранные грамоты» и за заботу о них большевистских организаций.

В Симферополе председателем ревкома была выдвинута Евгения Романовна (Лаура) Богатурьянц. Лаура училась в Петербурге и прошла неплохую школу подпольной партийной работы в столице. Не меньше химии занимали ее вопросы педагогики и постановки школьного дела. Притом она была близка к литературным кругам, в частности к литераторам, жившим в Крыму: Вересаеву, Сергееву-Ценскому, Треневу, Шмелеву и другим. Лаура хорошо понимала театр и дружила со многими актерами и режиссерами, с театральным критиком Павлом Новицким. Позднее в Москве Е. Р. Богатурьянц была много лет заместителем директора Большого театра.

Она была постоянно связана с рабочими организациями и активистами, организовала вечерние и воскресные общеобразовательные кружки для взрослых при рабочих клубах, где сама вела занятия. Мать двух девочек, она в период подполья бралась за самые опасные для жизни дела, а теперь с головой ушла в партийную и ревкомовскую работу. Она была другом Оввян и Гавена.

Секретарем Симферопольского ревкома работала женщина большой культуры, малоизвестная поэтесса Вега — Екатерина Владимировна Выставкина, постоянная деятельница вечерних и воскресных общеобразовательных курсов для взрослых рабочих.

В культурной и социально-бытовой секциях Лауре Богатурьянц помогали политкаторжанки: Ольга Галкина, Аля Маркова, Фаина Ставская и другие. Все они часто бывали в доме Гавена и Оввян.

А. М. Коллонтай, высокообразованную женщину, лично знавшую Лауру Лафарг, Розу Люксембург, Клару Цеткин, крымские деятельницы любили и ценили. Глубокими и поучительными были ее доклады. Но больше всего окружавшие ценили беседы с нею в домашней обстановке у Гавена. В кругу старых большевичек и бывших политкаторжанок Александра Михайловна однажды читала первоначальные наброски своей «Любви пчел трудовых», вызвавшей интерес и споры. А. М. Коллонтай все знали как главного комиссара пропаганды в Крыму. На самом деле такой должности не существовало. Гавен только предполагал учредить такое звание и закрепить его за Коллонтай. Комиссар пропаганды, она занималась вопросами помощи раненым и больным бойцам, бывала в лазаретах и тифозных теплушках.

Правительство Крыма развило большую деятельность: учитывало и национализировало крупные предприятия, санатории, дворцы, поместья, винные склады и винокуренные предприятия, табачные склады и зернохранилища, мельницы и консервные фабрики, сады и виноградники. Была основана первая в Крыму сельскохозяйственная коммуна в Бахчи-Эли. В сельских местах проводили крестьянские сходы, на которых агитировали за сборы и поставки продовольствия для городов и гарнизона. Правительство издало декрет об охране заповедников. Открывались убежища для престарелых, работали биржа труда, комиссии по борьбе с безработицей. Начали работать первые детские ясли.

Юрий Гавен содействовал учреждению народных университетов, открытию рабочих клубов. Всестороннюю помощь ревком оказал Крымскому государственному университету. Национализированные книжные фонды фамильных библиотек князя Юсупова, Мальцевых, Канкриных, Капниста, Оболенских передали в библиотеки университета и других культурных центров.

В мае проходили выборы в местные Советы депутатов трудящихся; они принесли победу большевикам. Но около одной трети депутатских мандатов все же имели эсеры-максималисты и социал-демократы интернационалисты, составлявшие внушительную оппозицию.

«Лежачему» больному Гавену не удавалось тогда ни лежать, ни лечиться по-настоящему. Он переезжал с одного заседания на

другое, с митинга на митинг — то в самом верху Старого города на Макуриной горке, то в Новом городе и в Бахчи-Эли, в Казанской или Цыганской слободах, за привокзальной Балкой.

Большую тревогу вызвало предательство Григорьева, переметнувшегося на сторону врагов революции. Гавен возглавил кампанию против григорьевщины. Все коммунисты считались мобилизованными. На ноги был поднят весь аппарат внудела и политическая часть армии. Начались маневры и учения ЧОН.

16 мая 1919 года было опубликовано воззвание Крымского обкома РКП(б) и Крымского рабоче-крестьянского правительства о предательстве атамана Григорьева. В нем говорилось: «Под ружье!.. Все на защиту пролетарской революции!.. Совнарком Крыма в целях мобилизации всех сил и предотвращения контрреволюционной попытки в Крыму и помощи нашим северным товарищам постановил организовать Военно-революционный Совет Крымской республики в составе: Пиече, Неруслова, Толмачева, Федько и Дыбенко. Долой предателя революции Григорьева! Да здравствует Советская власть!»

В июне над советским Крымом вновь нависла грозная опасность. Начали наступление армии Деникина. Был создан Совет обороны Крыма в составе Ю. Гавена, С. Вульфсон-Давыдова, С. Петриковского (Петренко) и С. Бабахана. Председателем Совета обороны стал Гавен.

16 июня в Симферополе состоялось собрание коммунистов и комсомольцев. Коллонтай и Гавен призывали к всеобщей мобилизации коммунистов и комсомольцев, всех рабочих на защиту республики. Они говорили, что, несмотря на невыгодное для Красной Армии соотношение сил, вопреки поддержке, оказываемой белым Антантой, Красная Армия победит, ибо на нашей стороне поддержка и сочувствие пролетариата всех стран.

17 июня на широкой конференции трудящихся мусульман выступили с речами Гавен, Субхи и другие. Конференция направила телеграмму-приветствие Ленину, в которой говорилось: «Москва, ЦК большевиков — Ленину, копия Наркамнац. Первая конференция представителей мусульманских трудящихся и беднейшего крестьянства Крыма с участием представителей турецких коммунистов и моряков, прибывших из Турции, шлет свой привет… неутомимым вождям мирового пролетариата, счастливы солидаризироваться с РКП на жизнь и смерть во имя победы международной пролетарской социалистической революции… Да здравствует Третий Интернационал… Да здравствуют вожди пролетариата… Да здравствует героическая победоносная Красная Армия». На телеграмме одна заверяющая подпись Гавена.

На следующий день было решено мобилизовать буржуазию на рытье окопов. Крым был объявлен на военном положении. Усиленно патрулировались улицы. Охраняли учреждения, транспорт и средства связи.

Во второй половине июня 1919 года деникинцы перешли в наступление на Акмонайском фронте со стороны Керченского полуострова. Белые имели превосходство в пехоте и особенно в кавалерии. Части Красной Армии упорно защищались, но вынуждены были под натиском белых отступать в сторону железной дороги на Джанкой. Белые прорвались в направлении Старый Крым — Симферополь. Кавалерия (казаки) усилила продвижение вдоль дороги Феодосия — Симферополь.

Высадившийся в Коктебеле десант генерала Слащева вышел на шоссе Феодосия — Симферополь и перерезал железнодорожную линию Джанкой — Сарабуз. Левый фланг прорвала сильная конная бригада драгун. Под Джанкоем 22 июня разгорелся кровопролитный бой. Крымской группе войск пришлось отходить в сторону Армянска. Высадившийся в Хорлах большой десант деникинцев грозил отрезать красным частям путь отступления на Каховку.

Внезапный натиск белых был настолько силен, что пришлось спешно начать эвакуацию раненых красноармейцев, больных коммунистов, ценностей и архивов. Возможность прорваться из Крыма на север становилась маловероятной.

В одной из теплушек последнего эшелона эвакуировались Равен и несколько членов обкома партии.

В обращениях Крымского правительства выражалась уверенность, что Красная Армия вскоре снова освободит полуостров и Советская власть восстановится на вечные времена. На последнем заседании обкома был выделен руководящий центр по организации подполья в Крыму. Этой группе во главе с С. Я. Бабаханом поручалось организовать сеть явочных и конспиративных квартир, конспиративную технику и связь. На подпольную работу оставили Д. Скрыпника, Н. Русина, Н. Ржанникова, Ф. Рылова и других товарищей. Предполагалось создать опорные пункты связи с крымским подпольем в Одессе и Николаеве.

По указанию ЦК партии Гавен, Субхи, Назукин и другие вышли в тыл деникинцев на Украине. Под Помощной Гавен и Назукин оказались в расположении махновцев и еле оттуда выбрались. Махновцы приняли Гавена за раненого красноармейца. Под Киевом Гавен расстался с Назукиным и один пробрался в Советскую Россию. Назукин возвратился в Крым на подпольную работу.

М. Субхи, С. Мирный, Е. Шульман и группа крымских подпольщиков благополучно добрались до Одессы. Другая группа с Купаем и Левитом обосновалась в Николаеве.

Вскоре Гавен прибыл в Москву. 19 июля ЦК РКП(б) утвердил ликвидационную комиссию по делам Крыма в составе Ю. П. Гавена, Д. И. Ульянова и С. Д. Вульфсона-Давыдова.

СОВЕТСКИЙ КРЫМ

В Москве у Гавена опять резко обострилась болезнь, и ему пришлось лечь в госпиталь. Отсюда он продолжал поддерживать связь с крымскими подпольщиками, понесшими большие потери. В Николаеве был схвачен и расстрелян белогвардейцами Нисон (Миша) Сосновский. Позднее погибли Спер-Просмушкин и другие.

В феврале 1920 года, предвидя близкое освобождение Крыма, ЦК РКП(б) направил Юрия Гавена на Украину. Был образован Крымский ревком в составе Д. И. Ульянова, Ю. П. Гавена, М. К. Ветошкина, С. Меметова и С. Идрисова. ЦК партии тогда же утвердил членами бюро Крымского обкома Гавена (секретарем обкома), Ульянова и Ветошкина, с тем чтобы после освобождения Крыма доизбрать в обком местных партийных работников. В марте 1920 года Крымский ревком и бюро обкома переехали в Мелитополь, где совместно с политическим аппаратом 13-й армии приступили к формированию кадров будущих крымских партийных, советских, профсоюзных и других организаций.

Во время июньского наступления Врангеля образованный в феврале Крымский ревком и бюро обкома партии были ликвидированы. На последнем заседании бюро обкома утвердило Юрия Гавена уполномоченным по организации связи с крымским большевистским подпольем. Его помощником был утвержден Лев Павлович Немченко (Павлов). В конце мая в Харькове был организован Закордонный отдел ЦК КП(б)У (Закордот), к которому перешли все функции связи и организации подполья в Крыму. Но Гавен заболел, и его отправили в Славянск на лечение, где он пробыл до первых чисел сентября. Он был в курсе деятельности крымского отдела Закордота. Л. П. Немченко держал с ним непрерывную связь. По возвращении из госпиталя Гавен назначается руководителем крымского подотдела Закордота.

Гавен организовал новые опорные базы в Очакове и других Местах в помощь крымскому подполью. Отсюда направлялось подкрепление подполью людьми, опытными подрывниками. Еще летом 1920 года через Закордот был направлен в Крым для руководства партизанской борьбой близкий друг Гавена Алексей Васильевич Мокроусов. Позже были направлены в Крым И. Д. Папанин и другие товарищи, высадившиеся в тылу белых. Связь Гавена с борьбой подпольщиков не прерывалась ни на один день. Едва поправившись, он осенью 1920 года лично участвовал в организации разведывательных операций в тылу врангелевцев.

В конце лета 1920 года Гавена постигло большое горе. Погиб Ане, ставший командиром 10-й дивизии, находившейся в составе 16-й армии. Он одним из первых ворвался в Брест-Литовск и был убит осколком снаряда. Вскоре умер от эпидемии первенец Гавена — Май. Гибель брата и сына была жестоким ударом для Гавена и Арменуи.

К началу ноября Красная Армия загнала Врангеля в Крым. Готовился исторический штурм Перекопа. Был вновь создан Крымский ревком. ЦК РКП(б) утвердил его членами Р. С. Землячку, Бела Куна, Ю. П. Гавена, Д. И. Ульянова, А. Лиде, С. Меметова.

Юрий Гавен часто бывал в вагоне командующего фронтом Михаила Васильевича Фрунзе. Они встречались как политкаторжанин с политкаторжанином. В канун решающих боев за овладение полуостровом командующий фронтом устанавливал с Гавеном возможность встречных действий партизан в тылу белых. М. В. Фрунзе интересовался, как готовится восстановление и организация Советской власти в Крыму.

Чуждый всякой национальной ограниченности, Гавен гордился своими братьями — латышскими стрелками, сражавшимися на подступах к Крыму. Многие из них сложили головы в боях за освобождение советской земли. Они герои переправы через Сиваш и боев на Юшуньских позициях. Гавен знал Карла Стуцку, Яна Крумина, хорошо знал Роберта Эйдемана.

В дни III годовщины Октябрьской революции вслед за героями 30-й дивизии, штурмом овладевшими Чонгарским мостом, двинулся и Крымский ревком. Саперы 30-й уже восстанавливали взорванные врангелевцами пролеты, когда вагон Крымревкома подошел к мосту. Желание попасть скорее в Крым было настолько велико, что Гавен и работники ревкома и обкома партии решили идти пешком. Ночью, без фонарей, Гавен с Арменуи, Саша Урановский, И. Каменский, Б. Поляков и другие прошли по неоконченному брусчатому настилу и вступили на крымскую землю.

Народ восторженно встречал красных воинов. Крым ликовал!

17 ноября 1920 года в первом номере газеты «Красный Крым» сообщалось, что «Крымский областной комитет РКП(б) помещается на улице Менделеева в доме № 2 в особняке Крыжановского». В этом же особняке жил Юрий Гавен. Вместе с ним жили коммуной его близкие друзья.

После освобождения Крыма все органы власти возглавляли люди, вступившие на полуостров в рядах Красной Армии. На деятельности армейских товарищей сказывалось слабое знание хозяйственного положения, социальных и национальных

отношений в крае. Гавен, считавшийся «старым» крымским работником, с большим тактом оказывал им необходимую помощь и поддержку. В конце ноября начались бои с махновской «повстанческой армией». Бои продолжались до начала декабря, когда остатки махновцев вырвались через Перекоп в Северную Таврию. Многие махновцы рассеялись по полуострову небольшими шайками. Но к концу года махновщина была разгромлена и бесчинства ликвидированы.

1 декабря 1920 года в извещении № 1 Крымревкома сообщалось об образовании Чрезвычайной комиссии по переселению рабочих в дома буржуазии. Правда, массовое переселение нуждающихся рабочих из лачуг в благоустроенные дома центра и района Нового города началось еще до официального сообщения.

В конце декабря Юрий Гавен выступил с большой речью на заседании широкой беспартийной рабочей конференции. Он говорил, что перед трудящимися Крыма расчищен путь возвращения к мирному труду. Делегаты конференции приветствовали декрет Советского правительства от 21 декабря 1920 года «Об использовании Крыма для лечения трудящихся».

К новому 1921 году, через шесть недель после освобождения Крыма, местные органы власти всюду овладели положением и наладили нормальную работу. Профсоюзы перестраивались по производственному принципу, из их правлений были изгнаны меньшевики и эсеры. В правлении кооперативов были введены коммунисты из армейского продовольственного аппарата.

Начался новый, очень трудный для Крыма 1921 год. Гавен много и плодотворно участвовал в разрешении самых неотложных задач, вел огромную работу в Крымревкоме. С января 1921 года ему были подчинены отделы труда и финансов. При этом за ним было оставлено и общее наблюдение за работой всех отделов Крымревкома.

Бежавшая со всех концов страны в Крым буржуазия и местные спекулянты, нажившиеся на войне, награбили массу ценностей, но вывезти их не успели.

В середине января в Крыму было произведено вскрытие сейфов частных владельцев в банках. При ревизии сейфов нашли спрятанное буржуазией огромное количество драгоценностей, серебра, платины, золотых ювелирных изделий, бриллиантов, жемчуга, валюты и ценных процентных бумаг. Это было неплохим началом финансовой деятельности Гавена.

В январе же Крымревком занялся учетом рабочей силы, мобилизацией специалистов, их трудоустройством и отправкой в

промышленные центры Советской страны. В гражданскую войну бежала на юг, в Крым, вместе с буржуазией и белыми офицерами масса буржуазных специалистов: инженеры, экономисты, агрономы и прочие. Далеко не всех можно было использовать в хозяйстве Крыма. В то же время в них была большая нужда в промышленных районах страны. Мобилизация и трудоустройство многих тысяч «спецов» и планомерная «переброска» их на север явились плодотворным делом Комтруда, подчиненного Гавену.

Намечены были меры, которыми регулировались порядок и сроки предоставления отпусков трудящимся по болезни. Крымревком принял постановление об охране труда подростков и молодежи, об установлении института выборных молодежных инспекторов труда. Практически основные вопросы организации труда в Крыму решались при непосредственном участии Гавена.

Он руководил массовой кампанией трудовой мобилизации. Началась беспощадная борьба с труддезертирами, бездельниками, лодырями и тунеядцами. Был брошен лозунг: «Буржуазию-белоручек — на принудительные работы!» Само собой разумелось, что диктатура рабочего класса — это диктатура труда над бездельниками и дармоедами, война паразитам. В городах на всех перекрестках тянулись транспаранты с надписями: «Кто не работает, тот не ест!»

Гавену были подчинены учреждения народного суда и революционных трибуналов в Крыму. На полуострове еще остались банды, организованные белогвардейцами и иностранной агентурой. Не проходило дня без нападений бандитов на наши воинские части. Редкий день проходил без убийства советского или партийного работника. Не прекращались нападения на пассажиров и автотранспорт на магистральных дорогах. В глубинных районах банды терроризировали целые селения, убивали татар-коммунистов и советских активистов. Чекистам и особистам пришлось немало потрудиться в борьбе с контрреволюцией. Гавен был одним из руководителей этой борьбы.

В феврале состоялся первый крымский съезд представителей ревкомов. Открывая съезд, Гавен напомнил о значении Крыма как всероссийской здравницы и призвал местных работников оправдать надежды трудящихся на отдых и лечение в благодатном Крыму.

В середине марта 1921 года Гавен докладывал на крымском съезде профсоюзов «О задачах профсоюзов и восстанов лении хозяйства, разрушенного войной». Доклад был выслушан с огромным вниманием. В общепартийной дискуссии о роли профсоюзов Гавен защищал линию ЦК партии и твердо стоял на

ленинских позициях. Он последовательно выступал против троцкистского тезиса огосударствления профсоюзов, низведения их на положение казенных канцелярий. Он боролсл также с «рабочей оппозицией», которая проповедовала анархо-синдикалистские начала в профсоюзных органах и сбивалась на отрыв профсоюзов от партийного руководства.

Во второй половине марта Гавена утвердили председателем комиссии по улучшению быта рабочих. Комиссия продолжила массовое переселение нуждающихся рабочих и инвалидов войны в квартиры буржуазии, занималась устройством быта престарелых рабочих, детскими домами и борьбой с безработицей.

Крымревком утвердил инструкцию и план устройства домов-коммун при фабриках и заводах для семейных и одиноких рабочих с общим питанием, общими кухнями и столовыми, читальнями, яслями и детскими садами. Гавен с семьей тоже поселился в доме-коммуне. В этом удивительно красивом по своей архитектуре здании утвердился дух интернациональной дружбы. Каждый, кто впервые попадал сюда, сразу замечал это. Кроме семьи Гавена, в этой коммуне жили личный секретарь Юрия Петровича — Шалва Эришвили, молодой студент-коммунист, душевный и жизнерадостный грузин; старый товарищ Арменуи по енисейской ссылке, скромная и молчаливая ткачиха Ксения Несвадьба, работавшая на местной фабрике «Труд»; старая большевичка — работница Люба Пындрик; Фаина Ставская — политкаторжанка, отбывавшая в Рижском централе часть своего срока каторги, а теперь работавшая культурницей в Крымпрофсоветё.

Жили в коммуне в разное время коммунисты — бывшие политкаторжане Захарий Прокофьев и Валентин Усенко, высококвалифицированные рабочие-металлисты Николай Соколов — старый большевик, московский филипповский булочник, активный участник Московского декабрьского восстания 1905 года, и Эрнст Маркау — бывший узник Рижского централа. Жил в этой коммуне и автор настоящей книги.

Каждый отдавал свою зарплату в общий котел. Мужчины-крымпрофсоветовцы ночевали в большой дубовой столовой, где стояло несколько широких турецких диванов, а женщины — в зимнем саду с гротом и аквариумом. Семья Гавена имела свою спальню и отдельный рабочий кабинет для Юрия Петровича. В особняке была еще просторная голубая гостиная, использовавшаяся довольно часто как комната для приезжих товарищей. Только заезжавшим к Гавену Н. А. Семашко и А. В. Луначарскому отводили отдельную комнату возле кухни или

рабочий кабинет Гавена. Таких коммун, как у Гавена, было в Симферополе несколько: для политкаторжан, для работников обкома партии, обкома комсомола, для большой группы бывших красных партизан.

В коммуну Гавена были перенесены все самые лучшие традиции коммун политических ссыльных. Господствовали полное равенство и коллективизм. Коммунары приносили не только свою зарплату, но и свои лучшие личные качества: огромный заряд оптимизма, гуманность и жизнерадостность. Вечерами пели песни, играли на гитаре или на пианино, читали вслух стихи, спорили о книгах, писателях, поэтах, ссорились из-за Маяковского и пролеткультовцев, иногда ходили всей коммуной в театр.

В этом доме бывали застрявшие тогда в Крыму Леонид Витальевич Собинов и Антонина Васильевна Нежданова. И не раз коммунары наслаждались их замечательным пением. Собинов одно время даже заведовал музыкальным сектором Крымнаробраза.

Секретаря областного комитета партии Акулова и Гавена прикрепили к партячейке аэропланосборочного завода «Анатра». Рабочие этого завода с самого начала революции в Крыму сыграли авангардную роль в борьбе за установление Советской власти. Они участвовали в памятном январском восстании 1918 года. Здесь на этом заводе в начале октября 1917 года Гавен впервые на крымской земле выступил перед большим рабочим митингом. Тогда на этом оборонном предприятии еще работали сотни квалифицированных питерских рабочих, переброшенных сюда в годы первой мировой войны.

В апреле 1921 года Юрий Гавен работал в комиссии, подготавливавшей тезисы докладов и проекты постановлений к предстоявшей крымской областной партконференции. Особенно много внимания уделял он тезисам по земельному вопросу, правильное решение которого предопределяло успешное восстановление хозяйства края и укрепления молодой Советской власти на полуострове.

Арменуи Оввян работала секретарем и членом бюро армянской секции областного комитета КП(б) и членом редакционной коллегии издававшейся в Крыму армянской газеты «Колокол Коммуны». Армянская секция вела борьбу с дашнаковскими группами на полуострове. Пришла весть, что 18 февраля во время мятежа дашнаков погиб брат Арменуи Шаварш Оввян. Раненный в бою, Шаварш попал в руки дашнаков и был растерзан. Бывший чекист и подпольщик пал смертью храбрых. Арменуи тяжко переживала гибель брата. Другой ее брат-близнец,

Ашот, тоже коммунист, член армейского солдатского комитета, погиб еще в 1918 году в бою против белогвардейцев. После гибели Анса смерть Шаварша была самым тяжелым ударом по семье Юрия Гавена.

К весне 1921 года на крымских промыслах накопились десятки миллионов пудов соли. Главным комиссаром по охране и вывозке соли из Крыма был назначен командующий войсками Украины и Крыма М. В. Фрунзе. Соль тогда являлась крайне дефицитным продуктом. Простая поваренная соль, миллионы ее пудов составили тогда основу всей казны наравне с золотом. Соль выменивалась нашими продовольственными органами на зерно и другие продукты, помогала им в хлебозаготовках.

Известно, какое значение В. И. Ленин придавал вопросу о соли. 18 мая 1921 года Владимир Ильич писал Фрунзе: «Урожай на Юге превосходный… Теперь главный вопрос всей Советской власти, вопрос жизни и смерти для нас, — собрать с Украины 200–300 миллионов пудов. Для этого главное — соль. Все забрать, обставить тройным кордоном войска все места добычи, ни фунта не пропускать, не давать раскрасть… Поставьте по-военному. Назначьте точно ответственных лиц за каждую операцию. Мне их список (все через Главсоль). Вы — Главком соли. Вы отвечаете за все»[16]. Несмотря на огромные трудности, директива В. И. Ленина о добыче, охране и вывозке соли была выполнена. Гавен был непосредственным участником соляной кампании. Он руководил мобилизацией рабочих и гужевого транспорта.

В мае и начале июня на полуостров приехал М. В. Фрунзе. Вместе с командующим войсками Крыма Ионой Эммануиловичем Якиром и Гавеном они обсуждали вопросы амнистии и борьбы с бандитизмом в Крыму. М. В. Фрунзе был председателем совещания по борьбе с бандитизмом на Украине. При КрымЧК была учреждена комиссия (особое постоянное совещание) по борьбе с бандитизмом. В нее включили представителей военного командования округа, ревкома и обкома партии. Председателем комиссии утвердили Гавена.

Крымревком продлил амнистию бывшим белогвардейцам.

В приказе говорилось: «Ревком Крыма обращается ко всем гражданам, находящимся в горах, предлагает им осознать свою преступную и бесполезную борьбу с рабоче-крестьянской властью, сложить свое оружие и явиться добровольно в ближайший ревком, гарантируя полную безнаказанность за преступления, указанные в постановлении ревкома об амнистии. Ревком приказывает всем чрезвычайным органам не применять никаких репрессивных мер по отношению к амнистированным, а также

всем заградительным и прочим отрядам не чинить препятствий к явке с повинной в подлежащие ревкомы. Не явившиеся в течение указанного срока будут считаться врагами и предателями трудового народа и потому караться по всей строгости военно-революционного времени». Приказ подписал председатель Комиссии по проведению первомайской амнистии Ю. Гавен.

10 мая 1921 года «Известия» сообщили, что «президиум ВЦИК рассмотрел обнародованный Крымским ревкомом приказ об амнистии, находя, что вся амнистия проникнута духом великодушия Советской власти к своим бывшим врагам; президиум ВЦИК, считаясь с местными условиями, амнистию эту постановил утвердить». Сообщая об этом решении, «Красный Крым» писал 25 мая: «ВЦИК утвердил объявленную Крымревкомом амнистию. Обманутые татары, несознательные офицеры! Советская власть протягивает вам руку прощения. Спускайтесь с гор! Вас ждет спокойная, честная жизнь. Перед лицом трудящихся всего мира мы заявляем: все добровольно явившиеся до 1 июня не понесут никакого наказания, им будет дана возможность заняться свободным, мирным трудом».

С середины 1921 года работала комиссия ВЦИК и ЦК РКП(б) для выяснения положения и оказания необходимой помощи Крыму. Комиссию возглавил член президиума ВЦИК П. Г. Дауге. Дауге остановился в доме Юрия Гавена, где комиссия часто заседала.

Комиссия выезжала во все города полуострова и во многие селения. Гавен участвовал в этих выездах. Состоялась встреча в Алуште членов комиссии с главарями «бело-зеленых» банд — Алешиным и Мумладзе. С ними велись переговоры о капитуляции, сдаче оружия советским комендатурам и полном роспуске банд. Участие Гавена в этих переговорах значительно содействовало их успешному исходу.

По достигнутому соглашению «бело-зеленым» гарантировалась неприкосновенность. Они стали сдавать оружие.

В отчетном докладе комиссия выдвинула много важных практических предложений. Важнейшим из них было предложение образовать Крымскую республику с включением ее в состав РСФСР на началах автономии. Член комиссии, уполномоченный ЦК РКП(б) и Наркомнаца, в специальной записке на имя Наркомнаца писал: «Гавен — единственный ответственный работник… знающий историю развития Советской власти в Крыму, способный установить там нормальный советский порядок… Он пользуется большим авторитетом как среди партийных, так и среди беспартийных людей».

Когда стало известно намерение секретариата ЦК РКП(б)

отозвать Гавена в Москву, областной комитет партии по предложению А. И. Акулова решил: «Просить ЦК РКП(б) пересмотреть вопрос об отзыве Гавена в Москву и разрешить ему остаться в Крыму для работы, принимая во внимание значение Гавена для Крыма». Члены правительственной комиссии присоединились к этой просьбе обкома.

После объявленной амнистии стали спускаться с гор и сдаваться остатки белогвардейских и националистических банд. Это предвещало окончание кровавой борьбы на полуострове и без того достаточно пропитанном человеческой кровью. Однако не все и не сразу сложили оружие.

На состоявшейся в мае Крымской областной партийной конференции был избран новый обком. Секретарем избрали А. И. Акулова, членами обкома Ю. П. Гавена, Д. И. Ефремова, И. Э. Якира, Вл. Цифриновича, М. Островского, С. Меметова, М. Х. Полякова и других. 25 мая обком утвердил членами президиума Крымревкома Акулова, Гавена, Полякова, Якира и Реденса. Председателем ревкома стал Поляков. На том же заседании был обсужден вопрос об образовании Крымской автономной республики.

26 сентября 1921 года оргбюро ЦК РКП(б) постановило рекомендовать Гавена на пост председателя ЦИК Крымской АССР. Это постановление встретило единодушную поддержку всей крымской парторганизации.

В ноябре 1921 года, в годовщину Октябрьской революции и освобождения Крыма, состоялся Учредительный съезд Советов республики, утвердивший конституцию Крымской АССР. Съезд избрал руководящие органы. Председателем КрымЦИК был избран Юрий Петрович Гавен. В своей речи после избрания Гавен благодарил съезд за оказанное ему доверие, которое он рассматривает как доверие к партии, политику которой он проводил все годы. Он сказал, что связь с трудящимися, их вовлечение в управление своей страной должны сделаться основным принципом деятельности всего советского аппарата. Съезд избрал Гавена одним из делегатов от Крыма на IX Всероссийский съезд Советов.

В обращении съезда ко всем трудящимся Крыма, РСФСР, братских советских республик и к Красной Армии и флоту было сказано: «Века трудящиеся Крыма стонали под игом самодержавия. Цари, князья, помещики и капиталисты захватили лучшие земли Крымского полуострова, согнали с насиженных гнезд бедняков, отняли у них плодородные долины и склоны Южного берега… Ныне Крым свободен, и в годовщину его освобождения… Всекрымский съезд Советов… от имени

трудящихся Крыма посылает пламенный привет РСФСР, братским советским республикам… Красной Армии и флоту и клянется, что трудящиеся, рабочие и крестьяне станут по первому призыву на защиту завоеваний Октябрьской революции… Съезд приветствует передовой отряд пролетарской революции — РКП, памятуя, что победу трудящиеся одержали под руководством Коммунистической партии. Съезд приветствует штаб мировой пролетарской революции — Коммунистический Интернационал и шлет приветы пролетариям всего мира…

Съезд постановил исправить вековую несправедливость, причиненную крымским крестьянам, особенно бедноте, и утвердил закон о земле, по которому будут наделены землей безземельные и малоземельные крестьяне Крыма… Органы власти в Крыму направят все свои усилия к улучшению положения промышленных рабочих, хлебопашцев, виноградарей, табаководов, садоводов».

В ознаменование годовщины освобождения и годовщины Октябрьской революции, провозглашения Крымской республики съезд Советов постановил объявить широкую амнистию, а также открыть в каждом округе Крыма по одному учреждению большого культурного значения, присвоив им имена борцов, павших за освобождение полуострова.

В торжественный день празднования годовщины освобождения Крыма состоялся военный парад. Гавен вручил красное знамя кавалерийским командным курсам. Вечером на торжественном заседании он выступил с большим докладом об истории революционной борьбы за установление Советской власти в Крыму. Участники заседания слушали его как одного из главных участников этой борьбы. Вместо общепринятой в подобных заседаниях резолюции все собравшиеся в едином порыве дали торжественную клятву красноармейца.

Опубликованный 19 ноября 1921 года за подписью Гавена земельный закон, принятый Учредительным съездом Советов Крымской республики, предусматривал, что из 750 тысяч десятин помещичьих земель только 150 тысяч десятин остались в совхозах, а 600 тысяч образовали земельный фонд в 30 почвенных зонах Крыма, для каждой из которых была установлена своя особая норма земельного надела. Землю предоставляли на срок до 15 лет, преимущественно сельской бедноте. Земельный закон с огромным удовлетворением встретили все трудящиеся Крыма.

ГОЛОД

К концу 1921 года на полуостров обрушилось тяжелое бедствие. Благодатный край, разоренный белогвардейцами и интервентами, не мог себя прокормить. Надвинулись голод и эпидемии. Требовались срочные меры. В ноябре очередная Крымская партийная конференция приняла важные решения по продовольственному вопросу. Надо было отстоять полуостров, спасать народ и особенно детей от надвинувшегося бедствия. Только очень сильное руководство и сплоченность коммунистов могли справиться с этой задачей. Юрий Гавен был назначен председателем Крымской центральной комиссии по борьбе с голодом и его последствиями.

Коммунисты, ответственные партийные и советские работники Крыма первые предложили приступить к массовому добровольному сбору средств и драгоценностей в фонд помощи голодающим в Крыму. В первом, опубликованном 13 декабря 1921 года большом списке таких добровольных взносов значилось: 1) от Гавена — золотые (дарственные) закрытые мужские часы; 2) от Балича (зав. наробраза) — серебряный портсигар; 3) от Паперного (отд. наробраза) — золотое обручальное кольцо; 4) от Смирнова-Токарева — золотое обручальное кольцо; 5) от Филиппова (прокурора) — золотой перстень.

Это были единственные ценности коммунистов.

Надо было заботиться не только о хлебе для пропитания населения, но и о хлебе для души людей. Необходимо было внушать людям уверенность в том, что мы выстоим в борьбе с голодом и эпидемиями. Сплотить людей для борьбы с голодом стало главной задачей крымской парторганизации, в частности Гавена и его товарищей по комиссии Помгола.

Зима выдалась страшная.

В «Воззвании КрымЦИК к населению Крыма» 9 марта 1922 года говорилось: «Призрак костлявой руки голода охватил южные районы Крыма. Во многих селениях поедено все, что поддавалось жеванию… Голодают сотни тысяч человек, главным образом землеробы… Гонимые ужасами голода, они уходят сотнями из своих насиженных мест, устилая дороги трупами.

Среди этого моря страданий и слез наибольшую долю составляют слезы дегей, обессиленных, слабых, потерявших своих отцов и матерей. Отчаяние, крики о помощи несутся со всех сторон Крыма. Голодные, доходя до отчаяния, поедают собак, кошек и даже своих младенцев…

КрымЦИК обращается с горячим призывом ко всем рабочим и крестьянам, ко всем честным гражданам: спешите со скорейшей помощью голодающим, голодным детям. Нельзя оставаться безучастным зрителем тех мук, страданий и вымирания. Нужда велика во всем… Уделите из своих скудных ресурсов, и этим мы спасем сотни тысяч жизней».

Вскоре Гавен подписал «Инструкцию по сбору ценностей в фонд борьбы с голодом» и закон об обязательном обложении всех граждан особым налогом в пользу голодающих. Но размеры голода явно опережали темпы притока средств и поступления в Крым продовольствия.

Люди падали от голода. На улицах городов можно было видеть умирающих голодных и еще не убранные трупы. Были случаи самоубийства и сумасшествия из-за голода. На почве голода заметно усилилась проституция в городах. Женщины и подростки на улицах открыто предлагали себя за кусок хлеба.

В январе умерло в Крыму от голода 10 тысяч человек. В феврале — 21 тысяча. В марте — 28 тысяч. В феврале — апреле 1922 года голодало две трети населения. В глубинных аулах появились мародеры, грабившие последние пожитки у умирающих, агонизирующих, беззащитных людей, жертв голода.

Известна, например, знаменитая лакская драма. В селе Лаки Бахчисарайского района действовали две мародерши, обиравшие умирающих людей. Узнав об этом, председатель сельсовета Дмитрий Спай запер мародерш в подвале и оставил их без пищи и воды до тех пор, пока они не умерли сами голодной смертью. Награбленное ими имущество было отдано в Помгол. Коммуниста Спая судили за самоуправство. Суд был открытый, публичный, при огромном стечении народа. Его приговорили к десяти годам заключения.

Советская Россия, пораженная голодом в Поволжье, не в состоянии была оказывать Крымской республике существенную продовольственную помощь. Надо было искать эту помощь откуда-нибудь извне. Крымская республика обратилась за помощью к кемалистской Турции, к миссии Фритьофа Нансена, к американским квакерам-христианам. Старый товарищ Гавена — Карл Иванович Ландер, назначенный уполномоченным Совнаркома РСФСР при иностранных миссиях по оказанию помощи голодающим в России, помог Крымскому комитету Помгола связаться с соответствующими иностранными организациями.

В Крыму во время голода было двенадцать иностранных миссий помощи голодающим. Кроме АРА и американских квакеров, действовали миссии еврейского «Джойнта»,

международного общества помощи голодающим в России «Верельф», миссии папы римского и Фритьофа Нансена. Помощь поступала и от Международного комитета рабочей помощи голодающим в Советской России — Межрабпом. Юрий Гавен с достоинством коммуниста и с должным тактом вел дела со всеми иностранными организациями помощи. В марте на сессии КрымЦИК Гавен в своей речи выразил искреннюю благодарность зарубежным организациям трудящихся за их помощь голодающему Крыму.

Но нельзя было полагаться на одну только благотворительность иностранцев, на помощь зарубежных рабочих. Под руководством Юрия Гавена проводилось изъятие церковных ценностей. Не обошлось без большого сопротивления. В связи с изъятием церковных реликвий духовенство повело исступленную антисоветскую кампанию. В борьбу против контрреволюционных церковников и на розыски спрятанных ценностей привлечены были массы трудящихся, а также известные в Крыму сторонники «живой церкви» — обновленцы, протоиерей Эндека, председатель церковного совета Львов и другие. Юрий Гавен сумел использовать по-хозяйски первые тридцать пудов серебряных церковных ценностей, сданных в Помгол.

В большой статье в «Красном Крыме» 25 марта Юрий Гавеп призывал организовать двухнедельник чрезвычайной, неотложной медико-санитарной помощи голодающим и ускорения продовольственной помощи. Крымпомгол проводил Неделю помощи голодающим и массовые добровольные сборы. Было организовано почти триста комитетов взаимопомощи в сельских районах Крыма, менее пораженных засухой и недородом. Надо было завезти в Крым не менее трех миллионов пудов хлебного зерна, столько же овса и не менее двадцати миллионов пудов сена для спасения поголовья скота. В своих ежемесячных отчетах и информационных сводках, посылавшихся в ЦК РКП(б), Крымский обком партии отмечал, что благодаря энергичной деятельности Крымпомгола острота голода уменьшилась.

Через советские внешнеторговые органы и Центросоюз шла закупка продовольствия для Крыма в обмен на собранные ценности. Надо было и поддержать трудоспособность трудящихся, прокормить гарнизоны, а самое главное — обеспечить предстоящий сев семенами. Все надежды возлагались на Крымпомгол.

В Помголе работали старые большевики — Елагины, Д. И. Ульянов, С. М. Поплавский, В. Е. Розенфельд, Г. А. Кереметчи и

многие бывшие политкаторжане. Елизавета Алексеевна Елагина во время голода на Волге в 1890–1891 годах добровольно поехала в отряд Владимира Галактионовича Короленко на борьбу с голодом и эпидемией. У нее был большой опыт этой работы. Она помнила все ужасы голода и холеры на Волге, пароходы-карантины, холерный бунт. Она вместе с Арменуи Оввян руководила детской секцией Крымпомгола. Вокруг них собрался и самоотверженно действовал замечательный актив.

Была развернута сеть бесплатных столовых и пунктов питания. Во всех районах и селениях работали раздаточные и обменные пункты, в которых остро нуждавшиеся получали продовольствие бесплатно, кто мог обменивал вещи на продукты по установленной таксе. Отдельно открывались столовые и дома для беспризорных детей. Деятельно трудились отряды по борьбе с эпидемиями. Это был настоящий фронт.

Председатель КрымЦИК, председатель Крымпомгола, председатель комиссии по борьбе с бандитизмом, председатель комиссии по улучшению быта рабочих, Гавен неимоверно много работал. Он часто бывал в самых пораженных голодом и эпидемиями пунктах, в решающих местах сева. Надо было продержаться до нового урожая, до первых свежих овощей. Только железная воля, безотказные нервы и неистощимые силы помогали справиться с той большой нагрузкой, которая легла на Гавена. Сверх всего областной комитет партии включил его в состав «тройки» по реализации в Крыму решений XI партсъезда.

23 апреля в Помголе состоялась беседа Гавена с представителем германской миссии в Крыму Фейтом о помощи голодающим немцам-колонистам. Фейт сообщил об отгрузке из Германии в адрес Крымпогола 170 тысяч пудов хлеба, 100 вагонов кукурузы, 50 вагонов бобовых, 20 вагонов проса. Поблагодарив Фейта за помощь, Гавен заметил, насколько мизерна она по сравнению с тем, что немцы выкачали с полуострова в период их оккупации Крыма в 1918 году.

1 мая 1922 года было опубликовано постановление КрымЦИК о передаче всех детских домов в ведение органов Наркомздрава. КрымЦИК предложил коммунхозу отвести один из лучших особняков в Новом городе — дом № 32 по бульвару Крым-Гирея — под детский дом для детей погибших коммунистов. Создавались дома для беспризорников.

После майской амнистии политический бандитизм и диверсии были в общем ликвидированы. Но с обострением голода появились чисто уголовные банды. Председателю Комиссии но борьбе с бандитизмом хватало забот.

Именно в пору голода особенно остро ставились вопросы

улучшения быта рабочих. Крымпомгол много сделал для улучшения питания в рабочих столовых. Давалась «шрапнель» — слизистые супы с присутствием жиров, хлебный паек, чай с изюмом и сухофруктами, раза два в неделю — консервные блюда и дельфиньи котлеты. Этого было очень мало, но добытое с таким трудом питание поддерживало рабочих. Особо нуждающимся многодетным рабочим семьям выдавался паек.

В мае 1922 года Гавен был включен в состав постоянного экономического совещания при Крымском правительстве — КрымЭКОСО[17]. Восстановление хозяйства стало важнейшей частью борьбы с голодом и эпидемиями.

В начале мая в Помголе состоялась встреча Гавена с прибывшими в Крым представителями Коминтерна и Межрабпома — Вайгуном и Пучеком. Речь шла об усилении помощи голодающему Крыму. В крымские порты ожидалось прибытие нескольких океанских пароходов с продовольствием для голодающих Поволжья и Крыма. Гавен договорился о доле продуктов, которая будет оставлена в фонд Крымпомгола, а также об обеспечении срочной отгрузки поступающего продовольствия и медикаментов на Волгу.

Ко Дню печати 5 мая в «Красном Крыме» была опубликована статья Ю. Гавена «Из истории Крымской революционной печати», в которой он рассказал живую историю большевистской печати в Крыму — о газетах «Известия ревкомов», «Таврическая правда», «Таврический коммунист», «Крымский коммунист», «Маяк коммуны», «Революционная Евпатория», «Керченский рабочий», «Ялтинские известия»; Гавен помянул добрым словом погибших коммунистов — редакторов крымских большевистских газет Басенко, Просмушкина, Сосновского, Шаталова и других.

Весною 1922 года потянулись с севера в теплый Крым многие тысячи беспризорных. Гавен был назначен председателем Крымской центральной комиссаи помощи беспризорным детям и подросткам.

Наряду с большими хлопотами по устройству беспризорных в детские дома и городки Юрий Петрович стал пристраивать детей к хорошим бездетным людям. Так, Владимир Степанович Плакунов усыновил крепыша Димку. Гавен сумел уговорить незамужнюю Ксению Несвадьбу взять мальчика на воспитание, и она вырастила Ивана Несвадьбу — прекрасного парня. Многие усыновленные выросли и до сих пор не посвящены в тайну усыновления или же позабыли об этом за годы беспечного детства и отрочества. Не станем теперь напоминать им об этом.

Гавен много раз докладывал на пленумах обкома о положении детей в Крыму. Он навещал детские городки. Бывал и

в тех детдомах и колониях, где детишки болели паршой и стригущим лишаем. Во всех этих делах ему помогала неутомимая Арменуи, по-матерински спасавшая детей.

7 мая Гавен выступил с отчетом о работе Крымпомгола на II Крымской беспартийной конференции трудящихся. Он говорил, что голод явился не только следствием небывалой в Крыму страшной засухи, но и результатом военной разрухи и гражданской войны. В 11922 году урожай в Крыму оказался в одиннадцать раз меньше среднегодового урожая за много лет. За счет фондов Крымпомгола в феврале 1922 года кормились 30 тысяч взрослых и 13 тысяч детей. В апреле Помгол кормил 25 процентов голодающих, в мае — 35 процентов. Центральные органы Советской России ассигновали в помощь голодающему Крыму 5 миллиардов рублей дензнаками и 100 тысяч рублей золотом на покупку продовольствия. Украина обещала дать Крыму 100 тысяч пудов зерна. Грузия — 60 тысяч пудов муки. Обещали продовольственную помощь из Италии и других стран.

Участники конференции рисовали ужасные картины голода. Они говорили о трудностях в работе местных комиссий по борьбе с голодом. Конференция выразила доверие КрымЦКпомголу и удовлетворение его деятельностью, высказалась за расширение детдомов и пунктов питания в горных районах, за усиление общественных работ по спасению трудоемких, интенсивных культур. Было признано желательным применение самых суровых мер в отношении деревенских кулаков и городской буржуазии, чтобы заставить их платить налог в фонд Помгола.

Гавен писал тогда в «Красном Крыме», что «представители трудящихся проявили необыкновенную стойкость и решимость к дальнейшей борьбе, непоколебимую уверенность в конечной победе над голодом и разрухой. Оказано полное доверие органам Советской власти». И действительно, в тех поистине отчаянных условиях, когда от голода в Крыму умерла почти десятая часть населения, доверие трудящихся к Советской власти было безграничным. То было не только доверие: все надежды на спасение, все упования народных масс связывались с содействием органам рабоче-крестьянского государства.

17 мая на имя Гавена была получена из Анкары телеграмма полпреда Советской России в Турции С. И. Аралова. Он сообщил о начале массовой кампании среди трудящихся Турции по оказанию продовольственной помощи голодающему Крыму. В тот же день поступило сообщение, что московский пролетариат за счет своего скудного продовольственного пайка отгрузил в Крым голодающим 20 тысяч пудов муки и 40 вагонов картофеля. Каждый раз, получив подобные сообщения, Юрий Гавен сразу

прикидывал: «А на сколько голодных ртов этого хватит? На сколько дней и часов?» Он жил помыслами и заботами о спасении голодающих.

Вдруг навалилось новое бедствие — саранча, налетевшая с Кубани. У председателя КрымЦИК собираются экстренные совещания специалистов и агрономов. Срочно принимаются практические меры по борьбе с саранчой.

В 1922 году в разгар уборки урожая в Крыму голодало более 300 тысяч человек. Помгол мог прокормить лишь половину. Подскочила кривая заболеваний тифом, занесена была эпидемия холеры, принявшая угрожающие размеры в Керчи и Феодосии. Гавену докладывали сводки: четыре с половиною тысячи случаев заболевания брюшняком за неделю, десятки смертных случаев от холеры. Сыпняк и брюшняк нещадно косили людей, ослабленных голодом. Это напоминало библейские египетские «казни божий»: кровь, мор, холера, все виды тифа, «испанка», голод, саранча, уголовные банды. Все силы областной партийной организации и комсомола, профсоюзного и сельского актива были брошены на борьбу с народными бедствиями.

К Юрию Петровичу обращались профессора, писатели, работники музеев и заповедников. Работники ОХРИС[18] добивались строгого запрещения изъятия из южнобережных дворцов ценных произведений искусства для Помгола. Заведующим Крым-ОХРИС работал Ян Бирзгал, до того бывший членом коллегии КрымЧК. Полотна этого одаренного художника выставлялись на выставках АХРР[19]. Они вместе с Гавеном старались не допустить исчезновения ценнейших исторических реликвий.

В начале двадцатых годов в Крыму работало более 30 тысяч коммунистов — целая армия. Гавен вспоминал, как выглядела крымская организация большевиков ко времени его первого прибытия сюда в 1917 году. В своем большинстве теперь это были бывшие фронтовики и красные партизаны. Три четверти из них нуждались в серьезном лечении и усиленном питании. Некоторые харкали кровью, но все они, больные и здоровые, самоотверженно боролись с бандами и голодом.

Осенью 1922 года областной комитет партии утвердил бюро Историко-партийной комиссии, а Гавена — председателем Крымистпарта. Хотелось по свежим следам при участии творцов революции в Крыму писать ее историю. В то же время Гавена утвердили в группе ведущих лекторов областной совпартшколы, которым поручено было выступать с публичными лекциями по определенному кругу тем. Ни одна знаменательная дата не проходила без выступлений Гавена. В такие дни в «Красном

Крыме», «Маяке коммуны» печатались статьи Гавена или газетные отчеты о его докладах.

Обком партии прикрепил Гавена к областному комитету комсомола. Возглавляли тогда крымский комсомол очень крепкие ребята. Оскар Тарханов вскоре выдвинут был в секретари и члены президиума ЦК комсомола и Исполкома Коммунистического Интернационала Молодежи. Моня Хлусер затем работал в секретариате ЦК РКП(б). Миша Москалев — впоследствии профессор истории партии в МГУ. Максимова, Олонецкий, Шацкий и другие тоже были сильными, башковитыми ребятами. Они уважали Гавена как старшего товарища и оказывали ему огромную помощь в работе.

3 октября 1922 года вышел специальный номер «Правды», посвященный выздоровлению Владимира Ильича Ленина и его возвращению к работе. Он опять председательствовал на заседаниях Большого Совнаркома. Весть об этом вселила много радости. «Ленин выздоровел!» — такими восклицаниями взамен обычного приветствия всегда крайне сдержанный Гавен встречал навещавших его товарищей.

В октябре Гавен отчитывался о работе Крымпомгола на заседании областного комитета партии и на седьмой областной конференции. Он докладывал и о задачах восстановления сельского хозяйства. 25 октября, открывая II Крымский съезд Советов, Гавен сказал, что голодная смерть унесла «13 процентов населения Крыма. Героическими усилиями советских людей, при помощи международного пролетариата смертность от голода приостановлена и прекратилась… Съезду предстоит наметить меры и средства борьбы с разрухой и последствиями голода». Упоминая о помощи голодному Крыму со стороны разных заграничных организаций, Гавен от имени съезда Советов благодарил все эти организации.

Основные факты и цифры из, доклада Гавена на съезде Советов таковы. Население полуострова уменьшилось с 822 тысяч (1917 г.) до 600 тысяч человек. Поголовье крупного рогатого скота сократилось со 164 695 голов до 90 455, поголовье лошадей со 167 564 до 56 319 голов, то есть на две трети, поголовье свиней уменьшилось в десять раз, поголовье овец почти наполовину и т. д. Посевная площадь сократилась с 778 тысяч десятин (1917 г.) до 186 тысяч десятин в 1922 году, то есть на три четверти. Урожай с десятины основных хлебных злаков упал с 30,3 пуда (1916 г.) до 5,27 в 1921 году и до 2,84 пуда в 1922 году. Площадь садов сократилась с 12 850 десятин (1916 г.) до 9 тысяч (1922 г.). Сбор винограда уменьшился с 5,9 миллиона пудов (1916 г.) до 280 тысяч пудов (1922 г.). Сбор табака уменьшился с

270 тысяч пудов до 20 тысяч пудов в 1922 году. Таковы были катастрофические последствия засухи, неурожая и голода.

Гавен докладывал, что, по подсчетам Крымпомгола, на ближайшие десять месяцев потребуется завезти в Крым более двух миллионов пудов хлеба, а также рабочий и производительный скот. Он доложил съезду обширный план общественных работ. Эти работы должны были занять большую часть работоспособного сельского населения и безработных, число которых доходило до 15 тысяч человек. Съезд одобрил деятельность Крымпомгола и план работ по борьбе с последствиями голода.

Съезд Советов избрал Гавена в новый состав КрымЦИК и делегатом на очередной Всероссийский съезд Советов. На заключительном торжественном заседании съезда по поводу принятия шефства КрымЦИК над учебными отрядами Черноморского флота Гавен в своей речи сказал о роли черноморских революционных моряков в революции и гражданской войне. «Теперь, — сказал он, — флот возрождается, и мы уверены, что флот окрепнет и вскоре станет опять мощной и грозной силой против империализма». На заседании КрымЦИК Гавен был вновь избран его председателем.

6 ноября на торжественном заседании горсовета с общественными организациями Гавен выступил с докладом о событиях в Крыму со времени Октябрьской революции. Вечером на общегородском митинге трудящихся в городском саду он говорил: «Пять тяжких лет прошло со времени Октябрьской революции. За этот срок русские рабочие И крестьяне своей кргвью, борьбой и трудом сумели закрепить за собою господство на одной шестой части земного шара».

Во вторую годовщину освобождения Крыма от врангелевщины Гавен на торжественном заседании рабочих организаций сказал: «Победа у Перекопа, как заключительный акт гражданской войны, представляет собою целый этап в истории нашей революции. Не случайно последним плацдармом контрреволюции оказался Крым… Мировой империализм неоднократно избирал Крым базой для продвижения на Восток. Вот почему Антанта способствовала укреплению Сиваша и Перекопа, созданию нового „Вердена“… Красная Армия, положив около 10 тысяч жизней, прорвала эти неприступные твердыни… Победа была одержана также благодаря поддержке крымских рабочих и крестьян, проваливших врангелевские мобилизации в белую армию и пополнявших отряды красных партизан».

В начале декабря на съезде представителей местных комитетов помощи голодающим Гавен доложил о плане

организации общественных работ за счет фондов Помгола по спасению садов, виноградников и табачных плантаций. Он добивался превращения общественных работ в кровное дело трудящихся. 13 декабря КрымЭКОСО обсуждал доклад Гавена об организации общественных работ и борьбе с безработицей в Крыму. В середине февраля 1923 года «Красный Крым» напечатал «Беседу с председателем КрымЦИК и председателем Крымпомгола т. Гавеном». в которой говорилось, что Помгол взял теперь твердый курс на производственную помощь пострадавшим от голода. Создана специальная комиссия общественных работ; усилена помощь сельскому населению посевным материалом, усилена работа по ремонту поливной водной системы, ремонту хранилищ, амбаров и жилищ.

На другой день в этой же газете в статье Гавена «Последствия голода» говорилось о падении урожаев и разорении крестьянских хозяйств. Сильно увеличилось число беспосевных и безлошадных хозяйств. Кулаки навязывали сельской бедноте кабальные сделки. Общий дефицит продовольствия в Крыму составлял семь миллионов пудов зерна. 145 тысяч детей нуждались в общественном питании. Бродяжничало более 25 тысяч беспризорных.

В обращении Крымпомгола «К рабочим и крестьянам, ко всем гражданам Крымской республики!» говорилось: «Голод унес в Крыму более 100 тысяч жизней, почти на нет свел все наше полеводство и трудоемкие культуры… В июле 1922 года Помгол лишь остановил дальнейшее шествие голодной смерти… Урожая 1922 года хватило лишь на два-три месяца после его сбора… Теперь крестьянин опять, как в зиму прошлого года, стоит перед угрозой голода. Обессиленному от голода крестьянину не на что купить себе лошадь и семена, не на что дать кров и одежду своим детям… Инвалиды голода теперь гибнут от последствий голода… Средства Помгола оскудели… Спешите на помощь! Пусть никто не думает: „Моя хата с краю!“ Десять сытых должны прокормить одного голодающего, а голодает более одной трети сельского населения». Слова из обращения «Стыдно быть сытым» стали тогда девизом в борьбе с голодом.

В конце февраля 1923 года на истерзанный голодом полуостров навалилось еще одно бедствие — гессенская муха, уничтожившая одну пятую озимого посева, а в ряде уездов — до половины озимых. Потребовалось огромное напряжение сил, чтобы уменьшить нанесенный урон.

14 марта «Красный Крым» почти целиком был посвящен знаменательной дате — 25-летию РКП(б). Первую полосу занимала «Страница Истпарта», открывавшаяся большой статьей

Ю. Гавела «Образование крымской организации РКП(б)». В ней он сжато изложил историю большевизма в Крыму. В том же номере была статья Гавена — «О первой крымской партийной конференции большевиков в ноябре 1917 года». 16 марта была напечатана еще одна статья Гавена — «Из истории партийной печати в Крыму». На торжественном заседании, посвященном 25-летию РКП(б), Юрий Гавен был председателем на правах одного из старейших членов партийной организации.

В апреле 1923 года открылась VIII Крымская партийная конференция. В ее работе участвовал представитель ЦК РКП(б) заведующий агитпропом ЦК Илья Вардин (Илларион Мгеладзе), товарищ Гавена по енисейской ссылке.

Гавен и Вардин выступили с речами по национальному вопросу. Конференция одобрила тезисы ЦК РКП(б) к XII съезду партии по национальному вопросу.

«Красный Крым» поместил статью Ю. Гавена по национальному вопросу, в которой он требовал усиления работы партийных и советских органов по поднятию культурного уровня трудящихся нацменьшинств.

8 мая на расширенном заседании областного комитета РКП(б) Гавен докладывал о работе КрымЦИК. Он говорил, что произошел перелом в сторону восстановления сельского хозяйства. Посевная площадь достигла почти половины довоенной. Засеяно 280 тысяч десятин (в 1922 году — 186 десятин), увеличена площадь под табак, усилена борьба с вредителями растений, проделана большая работа по землеустройству, мелиорации и т. п. Крым вышел из полосы голода.

На второй сессии КрымЦИК Гавен доложил, что имеются хорошие виды на урожай и что восстановление хозяйства Крыма идет успешно. Он напомнил, что на Учредительном съезде Советов было сказано, что Крымская республика должна стать факелом, светящим всему Ближнему Востоку. Когда в зал заседания вошли студенты Татакойского педагогического техникума, Гавен назвал их садовниками пролетарской культуры на Востоке. Самое большое достижение РКП(б) сказал он, — завоевание симпатии и доверия народов Востока к стране социализма. На сессии была избрана постоянная комиссия ЦИК по вопросам сельского хозяйства, председателем которой стал Гавен. Вскоре его избрали председателем комиссии ЦИК по коллективизации сельского хозяйства в Крыму.

На очередном расширенном пленуме обкома Гавен в докладе «Об улучшении быта детей» решительно возражал против предложения наробраза закрыть некоторые детдома. Гавен,

наоборот, потребовал перебросить пятьсот наиболее слабых детишек в Феодосийский детский городок и в другие приморские санатории. Он добивался принятия профилактических мер против цинготных заболеваний и авитаминоза.

Однажды в майский вечер Гавен застрял из-за очередной аварии старого лимузина у «Хаоса» в Воронцовском парке в Алупке. С ним были несколько товарищей, возвращавшихся из Ялты в Симферополь. Кто-то предложил заночевать во дворце. Забрались на львиную террасу мраморной лестницы, спускающейся к морю. Помогли и Гавену устроиться верхом на белом льве.

Под яростный шум прибоя пели любимые песни. Кто-то затянул: «На фонари буржуев вздуем…» из «Карманьолы». Так и просидели всю ночь верхом на мраморных львах, любуясь красотой ночного Черного моря. В Симферополь попали к началу занятий в КрымЦИК.

Весной 1923 года из Турции в Крым переселили двести детишек — сирот армян, погибших в резне, организованной турецкими шовинистами в Анатолии и Карской области. Гавен и Арменуи участвовали в устройстве репатриантов. Переселение армянских ребятишек послужило предметным уроком в интернациональной пропаганде, проводившейся крымской партийной организацией.

В ряде капиталистических стран усиливались репрессии. Бюллетени МОПР сообщали: в Италии — 8 тысяч политзаключенных, в Испании — 22 тысячи, в панской Польше — 12 тысяч, в хортистской Венгрии — 7 тысяч, много тысяч заключенных в Финляндии, Эстонии и Латвии, в Турции и на Балканах. Бывшие политкаторжане Гавен и Оввян возглавили организацию МОПР в Крыму. Наряду с помголовской деятельностью начались сборы взносов, безвозмездная отработка сверхурочных часов в пользу МОПР.

В конце сентября со стороны Сиваша нагрянуло новое бедствие. В Крым лавиной вторглись массы полевых грызунов, угрожавших хлебным закромам, запасам продовольствия, с такими усилиями созданным после первого урожая. Гавен вновь сосредоточил все силы на организации борьбы против грызунов. На ноги были поставлены весь сельский и городской актив, вся парторганизация и советский аппарат. Грызуны отступили.

На очередной сессии КрымЦИК совместно с депутатами Симферопольского горсовета Гавен подробно доложил о борьбе с. последствиями голода. Перечислив, сколько и какого продовольствия было завезено в Крым зарубежными миссиями помощи голодающим, он указал, что семьдесят процентов

продовольствия поступило в Крым из РСФСР. Находясь в тисках голода, Россия протянула руку братской помощи голодающему Крыму. Крымпомгол выдал крестьянам безвозмездно на семена более 700 тысяч пудов зерна.

В третью годовщину освобождения Крыма в Пушкинском сквере состоялся большой общегородской митинг трудящихся. Гавен начал свою речь призывом вспомнить о тех, кто погиб в борьбе за освобождение Крыма. Затем он сообщил о постановлении КрымЦИК приступить к массозому добровольному сбору средств в фонд постройки на Перекопском перешейке «Памятника павшим в борьбе за освобождение Крыма». После митинга его участники в скорбном молчании прошли мимо братской могилы жертв революции, находящейся рядом, в бывшем семинарском саду.

21 ноября 1923 года на собрании членов МОПР в Центральном клубе Гавен выступил с отчетным докладом временного правления крымского отделения МОПР. Он говорил о подавлении пролетарского движения в Западной Европе, о фашизме, гневно осуждал западную социал-демократию за отказ от борьбы с буржуазией.

В начале декабря была утверждена особая землеустроительная комиссия КрымЦИК. Председателем назначили Гавена. Комиссию наделили самыми широкими полномочиями. Во избежание дробления виноградников их решили передавать только в коллективные хозяйства, а виноградники особо ценных культур оставить в совхозах. В ряде районов намечалось увеличить крестьянское землепользование за счет совхозов. Гавен вникал во все дела.

На открытии III съезда Советов Крымской АССР Гавен предложил вспомнить тех, кто пролил свою кровь на революционном фронте, кто отдал свою жизнь, отстаивая рабоче-крестьянское отечество. Съезд избрал В. И. Ленина почетным членом президиума и направил ему теплое приветствие. Затем Гавен отмечал, что первый год существования Советской власти в Крыму характеризуется небывалыми бедствиями — острейшим голодом после ужасающих разорений длительной и ожесточенной войной, стихийных бедствий и эпидемий. Было очень трудно, но силы пролетариата, силы трудящихся, сплотившихся вокруг Советской власти, оказались несокрушимыми. Второй год существования Советской власти стал годом несомненного перелома во всех областях хозяйства и на фронте просвещения масс. Съезд должен наметить меры к еще большему укреплению союза рабочих и крестьян. В докладе Гавена также выдвигалась важнейшая задача — воспитание молодого поколения в духе

пролетарского интернационализма, солидарности с народами, борющимися за свое освобождение.

Ввиду намечавшегося решения ЦК РКП(б) о переводе Юрия Петровича в Москву председателем ЦИК Крыма был избран татарин Вели Ибрагимов, а Гавен стал его заместителем.

1924 ГОД

Весть о смерти Владимира Ильича Ленина застала Гавена совершенно больным. Со времени последнего Крымского съезда Советов он почти все время находился в постели и практически не занимался делами КрымЦИК. В день смерти Ленина Гавен не смог остаться в постели. Он явился в областной комитет партии, как солдат в свою часть в час тревоги. Так поступали в тот день все коммунисты.

24 января возле здания КрымЦИК состоялся большой траурный митинг. Со всего города и ближайших сел стекались люди. Гавен говорил о жизни Ленина, отданной целиком делу освобождения рабочего класса, делу социалистической революции. Этому были отданы весь титанический ум, все силы и весь светлый гений Владимира Ильича Ленина. Гавен говорил о Ленине как о марксистском теоретике и об организаторе партии, Советского государства и Коммунистического Интернационала. Он призывал учиться у Ленина высокой принципиальности, глубокому пониманию жизненных явлений и социальной борьбы.

Гавен не любил цитатничества. Но в день смерти вождя он напомнил слова Фридриха Энгельса, сказанные им на смерть Карла Маркса: «Человечество стало ниже на одну голову и притом на самую значительную из всех, которыми оно в наше время обладало. Движение пролетариата идет дальше своим путем, но нет того центрального пункта, куда, соответственно, обращались в решающие моменты французы, русские, американцы, немцы и каждый раз получали ясный, неопровержимый совет, который мог быть дан только гением во всеоружии знания». «Борьба была его стихией. И он боролся с такой страстью, с таким упорством, с таким успехом, как борются немногие».

По призыву партийной организации 27 января, в день похорон Владимира Ильича, в рабочих клубах состоялись вечера воспоминаний о Ленине. Выступали старые большевики: Гавен, Елагин и другие.

Началась кампания ленинского призыва в партию. В одной из статей, напечатанных в те дни в «Красном Крыме», Гавен ратовал за то, чтобы в Крыму вовлечь в партию одну треть рабочих от станка и чтобы треть коммунистов-рабочих выдвинуть на работу в аппарат республики. В статье «Как я стал ленинцем» (отрывок из воспоминаний о V Лондонском съезде партии) Гавен писал: «Я никогда не забуду светлый образ великого вождя пролетарской революции, который сложился у меня, остался ярким и

одухотворяющим в течение долгого заключения в каменных мешках царской каторжной тюрьмы, в сибирской ссылке и в огне пролетарской революции». 1 марта 1924 года в новой статье «О задачах партии» Гавен писал: «Больше почина и самодеятельности масс, больше товарищеского общения… больше кипучей деятельности и живой жизни внутри партии и… воспитания ее членов в ленинском духе».

По предложению Гавена крымская мопровская организация взяла шефство над политзаключенными в тюрьмах Константинополя, Александрии и Седлеца. Его избрали делегатом на Всероссийскую конференцию МОПР. Из-за болезни он не поехал в Москву. В статье «Вспомним мучеников капитала» он писал: «Революционные борцы должны знать, что они не останутся без поддержки, что их жен и детей спасет от голодной смерти единственный их союзник — международный пролетариат… Через железные решетки застенков протянем им братскую руку помощи…» В мопровских делах Гавену и Оввян постоянно помогали бывшие политкаторжанки — Фаина Ставская, Ксения Несвадьба, Анна Булатова и другие.

18 марта 1924 года Юрию Петровичу исполнилось сорок лет. Вечером в «Коммуне» собрались самые близкие друзья. Разместились в большой дубовой столовой и просторной гостиной. Юбиляру было сказано много добрых пожеланий.

Голод остался позади — на столе были вина и закуски. Незадолго до этого торжества приехала мать Арменуи — Анна Мкртичевна, в молодости известная драматическая актриса. Мать семерых детей, которые все были членами партии, она была и талантливой стряпухой и в этот день сервировала стол на славу. Подымали тосты. Равен вообще не пил и не курил из-за болезни почек, нажитой на каторге. Но в тот вечер он отведал всего понемногу.

В середине апреля в Крыму шел суд над провокаторами из царской охранки. Их приговорили к различным срокам заключения. Гавен присутствовал на суде как представитель бывших политкаторжан. Он люто ненавидел провокацию и считал приговор слишком мягким. Но ему и в голову не приходила мысль о возможности вмешательства в дела суда.

В конце апреля состоялся Всекрымский съезд по самороспуску партии эсеров. Такие съезды прошли во многих губерниях по почину их старейшей златоустовской организации. На Крымском съезде все города полуострова были представлены старейшими деятелями; среди них и бывшие политкаторжане. На съезде присутствовали секретарь обкома РКП(б) Н. Уфимцев и Гавен.

После доклада Уфимцева о международном положении съезд послал приветствия ЦК РКП(б) и Исполкому Коминтерна и принял декларацию о роспуске крымской организации эсеров. Гавен напомнил, какое было соотношение большевиков и эсеров в Крыму в предоктябрьские дни 1917 года. Тогда большевиков была горсть, а эсеров — десятки тысяч. Теперь эсеров не осталось вовсе как партии и как политического течения. Состоявшийся позже Всероссийский съезд эсеров постановил распустить все нелегальные эсеровские организации в стране и за границей. Съезд протестовал против вхождения эсеровского эмигрантского центрального комитета в так называемый двухсполовинный Венский социалистический интернационал.

В первомайском номере «Красный Крым» напечатал большую статью Ю. П. Гавена «Первое мая в каторжной тюрьме». Он делился воспоминаниями о первом Первомае, проведенном им в Рижском централе.

На IX областной партийной конференции Гавен был единственным делегатом — участником всех крымских областных партийных конференций со времени Октябрьской революции. В работе конференции участвовал член ЦК РКП(б) Андрей Сергеевич Бубнов, знавший Гавена с V съезда РСДРП. Для Гавена это была последняя крымская партконференция, в которой ему довелось участвовать. Уже был окончательно решен вопрос об отзыве в Москву в распоряжение ЦК РКП(б). Ему дали возможность продолжить до конца лета лечение в Крыму под постоянным наблюдением специалистов по костному туберкулезу.

23 июня 1924 года ЦК РКП(б) решил направить Ю. П. Гавена в Госплан СССР. Через три дня председатель Госплана Г. М. Кржижановский назначил Гавена заведующим (председателем) сельскохозяйственной секции Госплана. 1 июля Совнарком СССР утвердил Гавена членом Госплана СССР. Но лишь осенью Гавен окончательно переехал в Москву.

Перед отъездом Гавен побывал на месте гибели комиссара Глазова; потом под Алуштой, где погибли народные комиссары Республики Тавриды, и в других памятных ему местах.

Чуждый всякой мистики и меланхолии, он теперь не мог отделаться от обступивших его теней товарищей, отдавших жизнь за освобождение полуострова.

Золотилась осень в Крыму. В садах до земли сгибались ветви под тяжестью плодов. На виноградниках наливался виноград. Близилась пора ломки табака. Близкие друзья и товарищи тепло и сердечно проводили Юрия Петровича в Москву.

Семь лет отдал Гавен первой революции. Больше восьми лет у него было отнято каторгой и ссылкой. Семь лет он отдал борьбе за Советский Крым — борьбе по мандату партии, с личного одобрения и благословения Ленина.

ГОДЫ В МОСКВЕ

Гавен не стремился к большим постам и высоким должностям, не думал о карьере. Не сразу проходила тоска по Крыму. Отведенная ему комната люкс-литер 13 в гостинице «Метрополь» казалась неуютной по сравнению с его прежним крымским жильем. Жил он пока один. Арменуи с детьми осталась в Крыму, где заканчивала свои дела, связанные с ее деятельностью в обществе «Друг детей» и в Крымском МОПР. Его назначили на большую и трудную работу — членом президиума Государственной плановой комиссии СССР, руководителем сельскохозяйственной секции. По новизне и масштабу это было несравненно труднее, интереснее того, что ему приходилось делать в Крыму. Но там практическая работа на месте, со всей ее конкретностью и осязаемостью, казалась намного более продуктивной. Потребовались не только все самые ценные качества Гавена, как человека и коммуниста, но и государственный размах, достаточно глубокие знания.

Сельскохозяйственная секция Госплана СССР тогда занималась главным образом планированием совхозного хозяйства, его финансированием и организацией; планированием развития сельскохозяйственного машиностроения и машиноснабжения, вопросами ирригации и вообще планами роста сектора интенсивных культур — сырья для пищевой промышленности.

Кто сам не был причастен к большой работе в центральных плановых органах, в частности в те годы первых годовых «промфинпланов», и не соприкасался с подготовительными работами по составлению контрольных цифр и наметок первых пятилеток, тому почти невозможно представить себе трудности и напряжение всего дела планирования хозяйства в масштабе Союза ССР. Труднее всего было планировать именно сельское хозяйство, где ко всем известным конкретным данным объективного характера постоянно примешиваются такие факторы, как суховеи, засухи, град и другие.

Прежде чем докладывать СТО, готовые планы рассматривали в сельскохозяйственной секции Госплана и на заседаниях его президиума. Затем доклады и годовые планы согласовывали с ВСНХ, Наркомземом, Наркомфином, Сельскохозяйственным банком и союзными республиками. Лишь после прохождения всех этих инстанций планы докладывались Совету Труда и Обороны или Совнаркому СССР.

Началась напряженная работа. 26 ноября 1924 года Гавен

выступил на заседании Совета Труда и Обороны (СТО) с докладом о плане финансирования сельскохозяйственного машиностроения. Через два дня он докладывал на заседании ЭКОСО РСФСР «Проект постановления ЦИК и Совнаркома СССР о порядке финансирования сельскохозяйственного машиностроения на 1924–1925 годы». 28 ноября ему был выдан мандат с поручением выступить на заседании СТО при обсуждения этого проекта.

В середине декабря ему поручили участвовать от Госплана на Всесоюзном съезде по сельскохозяйственному кредитованию, представлявшему в те времена важнейший рычаг регулирования и стимулирования развития всего сельского хозяйства страны.

В декабре же Гавен докладывал на заседаниях Госплана, затем — в СТО годовую смету Наркомзема, кредитный план Сельскохозяйственного банка на 1924/25 год, результаты обследования комиссий СТО ирригации в Туркестане, итоги восстановления и планы развития тонкорунного овцеводства в СССР.

В январе 1925 года Гавена назначили докладчиком на разных заседаниях СТО. Он делал доклад «О конъюнктурном обзоре народного хозяйства за 1923–1924 годы и перспективы на 1924/25 год». В заседаниях Госплана, СТО и Совнаркома участвовали самые крупные хозяйственные работники: Кржижановский, Середа, Цюрупа, Брюханов, Межлаук, Шлихтер, Лежава, Красин, Хинчук, Фрумкин и многие другие эксперты и члены Госплана, консультанты Советского правительства. Быстрота и ясность ответов на вопросы участников заседания СТО и СНК свидетельствовали о том, насколько докладчик овладел предметом и материалом каждого из его докладов. Вопросы же часто задавались трудные. Один Юлий Ларин способен был своими вопросами загнать в тупик любого докладчика.

В конце января Гавен представлял Госплан на большом совещании в «Крестьянской газете» на Воздвиженке, на котором собрались крестьянские и рабочие корреспонденты газеты со всех концов страны. Обсуждались вопросы подготовки к весеннему севу. «Готовь сани летом, а телегу — зимой» стало девизом тех дней. Редактором «Крестьянской газеты» был Я. А. Яковлев, талантливый организатор, потом выдвинутый на руководство сельхозотделом ЦК ВКП(б), а затем на пост наркома земледелия СССР. С этого совещания началась дружба Гавена с Яковлевым, продолжавшаяся до их гибели.

Первые месяцы 1925 года Гавен работал над обеспечением выполнения плана экспорта сельскохозяйственных продуктов. Об этом он докладывал на заседании СТО. В начале февраля он

представлял Госплан на специальном совещании по вопросу «Об изменении системы сельскохозяйственного налога».

В том же месяце Гавен докладывает на заседании Совнаркома о плане распределения сельскохозяйственных кредитов между союзными республиками, о борьбе с последствиями неурожая, о фонде борьбы с засухой. В этом вопросе у бывшего председателя Крымпомгола был большой опыт.

Среди важнейших общегосударственных дел, которыми занимался Гавен, нельзя было не отметить одного небольшого дела. По его предложению Совнарком принял решение об использовании ливадийских дворцов в Крыму под курорты для крестьян и рабочих совхозов. Позднее Юрий Петрович присутствовал в Крыму при появлении первых курортников— крестьян и батраков в бывших царских покоях. Уже летом 1925 года здесь лечились триста крестьян из разных областей Советского Союза. 8 июля 1925 года «Известия» писали: «Над царскими дворцами в Ливадии в знак открытия крестьянского санатория поднят красный флаг… Одна крестьянка, которая попала сюда на лечение, сказала: „Мы здесь живем, как в раю“».

Наряду с огромной общегосударственной работой Гавен вел большую общественную деятельность. С первых же дней после приезда в Москву он попал в стихию старых дружеских связей, в среду латышей — большевиков и политкаторжан. Почти все, кто уцелел после гражданской войны, кто спасся от террора ульманистов, находились в Москве. Среди них были легендарные командиры Красной Армии, известные политработники, прославленные чекисты, ученые и крупные хозяйственные деятели.

В Обществе политкаторжан, в их доме в селе Михайловском на Пахре он встречался с живыми участниками Парижской коммуны, героями ее баррикад. Здесь, на советской земле, под старость нашли приют коммунары Анри Фуркад, Антуан Гэ, А. Леруа, Пьер Дегейтер — автор «Интернационала». Гавен часто беседовал с ветеранами революции: Верой Фигнер, Михаилом Фроленко, Николаем Морозовым, Михаилом Сашиным, Львом Дейчем.

В Москву перевели из Крыма многих партийных, советских и хозяйственных работников. И не было такого наркомата, такой крупной организации, где бы крымчане не занимали видных постов. Со временем в столице образовалось землячество, оказывавшее существенную помощь постоянному представительству Крымской республики в Москве.

Гавен и Арменуи были приняты в Общество старых

большевиков. Его рекомендовали старейшие деятели Латвийской коммунистической партии — Павел Дауге, Петер Стучка, Рудольф Эндруп, а также его сопроцессники и товарищи по каторге: Карл Бегге, Юрий Межин, товарищи по енисейской ссылке — А. П. Спундэ и Е. Румба. В рекомендательной записке Дауге писал, что знает Гавена как одного из самых деятельных членов СДЛК. Арменуи рекомендовали в члены Общества старых большевиков Елена Стасова, Фридрих Ленг-ник, Серго Орджоникидзе, Рубен Катанян.

В ноябре на расширенном заседании совета Общества политкаторжан Арменуи Сумбатовна сделала доклад о деятельности филиала общества в Крыму. Главным в деятельности политкаторжан Крыма была организация МОПР и шефство крымского отделения МОПР над политзаключенными в Польше и в Турции. Доклад Оввян был выслушан на совете с большим интересом.

Гавен был одним из авторов «Обращения совета Общества политкаторжан к эстонским революционерам» в связи с террором, свирепствовавшим в буржуазной Эстонии. В «Обращении», подписанном по поручению общества народовольцами Сажиным, Фроленко, Гавеном и Шумяцким, бывшие политкаторжане клеймили позором эстонских палачей.

Вскоре Гавена ввели в состав Центрального Комитета МОПР как представителя Общества старых большевиков.

Помощь МОПР считалась основным долгом каждого политкаторжанина и старого большевика. Ко времени начала работы Гавен в ЦК МОПР в Советском Союзе насчитывалось уже более четырех миллионов членов этой организации. МОПР шефствовал над сотнями тюрем в тридцати трех странах, проводил массовые кампании сбора средств для помощи жертвам фашизма и реакции. Проводились массовые кампании против казней революционеров. МОПР обеспечивал адвокатскую защиту на суде и помощь узникам и их семьям. В СССР находилось много политэмигрантов из фашистских и капиталистических стран. МОПР заботился об их трудоустройстве, жилье, медицинской помощи, пенсиях, о детдомах для их детей. МОПР издавал свою газету, бюллетени и журнал, устраивал многочисленные выставки, лекции, доклады.

В серии акций МОПР в начале 1925 года крайне важное место занимало воззвание московских адвокатов «К адвокатам мира» в связи с угрозой смертной казни двумстам молодым революционерам в Эстонии, в том числе тринадцати подросткам. «Не позволяйте превратить правосудие в комедию,

прикрывающую убийства! Не позволяйте воскрешать кровавые судилища, кровавые застенки!»

В январе 1925 года Гавен в составе делегации политкаторжан присутствовал на судебном процессе провокатора Окладского в Колонном зале. Окладский много лет служил в охранном отделении; он выдал Желябова, Фигнер, Фроленко и еще многих. Обвинителем выступал Феликс Яковлевич Кон, свидетелями — Вера Николаевна Фигнер, Михаил Федорович Фроленко и другие народовольцы. Суд вызвал исключительно большой интерес бывших политкаторжан. После суда над Окладским состоялся еще ряд таких же процессов. На каждом присутствовала официальная делегация Общества бывших политкаторжан. Гавен был на суде над старейшей провокаторшей — Анной Серебряковой, затем (6 мая 1926 года) на суде над палачами Чугуновым, Жабиным и Фроловым, на суде над бывшим начальником Рижского централа Эрнестом и старшим надзирателем Круминым.

В конце марта Гавен был гостем на расширенном заседании пленума Исполкома Коминтерна, посвященном памяти Ленина.

В октябре Гавен и Арменуи участвовали в работе четвертого пленума совета Общества бывших политкаторжан. Гавена избрали в состав правления кассы взаимопомощи. Многие из бывших политкаторжан остро нуждались в материальной помощи и в устройстве быта. Гавен был одним из авторов устава этой кассы. Он умел изыскивать необходимые источники помощи, ускорить назначение пенсий, помочь получить жилье.

14 ноября, в пятую годовщину освобождения Крыма, «Правда» напечатала статью Гавена «Роль Крыма в пролетарской революции».

В декабре Гавен еще раз участвовал во встрече старых деятелей партии с латышами делегатами XIV съезда партии. Участники встречи сфотографировались вместе с П. И. Стучкой и П. Г. Дауге. Гавена усадили между этими заслуженными ветеранами революции, как бы подчеркивая место Гавена в первой шеренге коммунистов Латвии. В первом ряду у ног ветеранов разместились легендарные герои гражданской войны — Ян Фабрициус и другие.

По установившейся традиций каждый Новый год встречали в Обществе политкаторжан. Эти бывшие каторжники были весьма жизнерадостным народом. Люди, не щадившие жизни в революции, были большими жизнелюбами. Собравшись встретить 1926 год, они усадили Гавена между И. А. Теодоровичем и Феликсом Коном, под начальством которого Гавен работал в 1920 году в Закордонном отделе ЦК КП(б)У.

По договоренности с Комиссией по истории партии ЦК

ВКП(б) с начала 1925 года регулярно собиралась Крымская группа Истпарта в Москве. В бюро группы избрали Гавена, Островскую и Сапронова. На ее заседаниях в Наркомтруде на Старой площади участвовали каждый раз по сорок-пятьдесят коммунистов — активных участников революции в Крыму. Комиссия заслушала воспоминания и сообщения Островской, Гавена, Сапронова, Дугачева, Семенова, Никонова, Кукеля, Тихомирова, Мокроусова и других. Крымская группа Истпарта стремилась продолжить в Москве издание сборников «Революция в Крыму», девять выпусков которых вышли в Крыму в первой половине двадцатых годов. Юрий Гавен был душой этого начинания в продолжение почти десяти лет.

В те же годы в Москве работала группа Истпарта Латвийской компартии и Латвийской секции Коминтерна, в которой деятельно участвовали Стучка, Дауге, Эндруп, Пельше, Гавен, Крастынь, Янсон, Пиече, Луттер и другие старые деятели СДЛК — КП Латвии. Они учредили в Москве издательство «Прометей», издавшее труды Латвийской группы Истпарта. По поручению этой группы Гавен написал много биографий погибших революционеров и «лесных братьев», готовился восстанавливать протоколы II съезда СДЛК.

Большая общественная деятельность не заслоняла главного — работу в Госплане. Гавен участвует в работе нескольких комиссий СТО, Бюджетной комиссии ЦИК СССР, а в середине апреля 1926 года его утвердили членом конъюнктурного совета Госплана, на который возлагалась ответственность за оценку хода развития народного хозяйства страны.

В июне 1926 года его командируют на Кавказ для ознакомления с состоянием и организацией совхозов и коммун. До этого Гавен участвовал в разработке «Положения о трестированных совхозах» и докладывал о «Положении» президиуму Госплана. Всю весну он вел борьбу против проектов сокращения чрезвычайных расходов на сельское хозяйство по бюджету, намечавшемуся Наркомфином. Он руководил разработкой трехлетнего плана и сметы расходов на землеустройство; готовил материалы к первому всесоюзному совещанию колхозников; снова возвращался к работе над планами водохозяйственных сооружений в хлопководческих районах Средней Азии.

Под его руководством сельскохозяйственная секция Госплана занималась вопросами организации государственного надзора за районами виноградарства и борьбой с филоксерой. По этим вопросам Гавен выступал на заседаниях Госплана.

Осенью 1926 года обострение болезни ноги и тяжелый

приступ воспаления почек привели его в санаторий. Но и здесь он много читал, просматривал статистические отчеты, следил за экономической литературой.

Гавен любил жизнь. Знал, что она складывается из больших трудов и забот, из больших радостей и огорчений, из крепкой дружбы и братства. Вместе с партией он прошел все хорошее и все самое трудное. Он радовался успехам страны, не выносил всякую фальшь в жизни и в политике, совершенно не переносил бесстрастных мещан в политике и в быту. «Моя хата с краю» — для него было синонимом подлости. Руководители Госплана — Глеб Максимилианович Кржижановский и Семен Пафнутьевич Середа — высоко ценили деятельность Гавена. Руководитель сельхозотдела ЦК РКП(б) Я. А. Яковлев постоянно поддерживал Гавена. Он участвовал в заседаниях ЦК при обсуждении важных вопросов политики в деревне.

Арменуи отдавала все силы детским учреждениям — обществу «Друг детей», деткомиссиям, детским домам и площадкам. Со времени переезда в Москву она заведовала Детским городком имени III Коммунистического Интернационала. ЦК комсомола прикрепил ее к московской пионерской организации. По ее предложению совет Общества политкаторжан взял шефство над детской колонией беспризорных, помещавшейся в бывшем Зачатьевском монастыре, здесь же жила и сама Арменуи со своими детьми.

По партийной мобилизации Арменуи Сумбатовна попала в число «1000 студентов-коммунистов» и поступила в Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева на факультет электрификации сельского хозяйства. Но, будучи студенткой и матерью троих детей, она не порывала с большой общественной работой.

Исполком Коминтерна торжественно отмечал двадцатипятилетие Латвийской коммунистической партии. На торжественном заседании присутствовали основатели латвийской социал-демократии и среди них Гавен. Собравшийся в Москве цвет Латвийской компартии не забывал ни на минуту о революционном долге перед своим народом. Эти люди были уверены, что Латвия вскоре будет советской.

26 июля 1930 года второй раз собрались в Москве все видные латыши-комунисты на чествование шестидесятипятилетия Петера Стучки и тридцатипятилетия его революционной деятельности. Торжество проходило в Красном зале Московского комитета РКП(б) на Большой Дмитровке. Приветствовать юбиляра пришли представители ИККИ, ЦК РКП(б), Комакадемии н Института красной профессуры, МГУ, Верховного Суда, Наркомпроса и

многих других учреждений.

В личном архиве Юрий Гавен до самой своей гибели хранил как бесценный документ напечатанный на оранжевой бумаге пригласительный билет на вечер чествования Петера Стучки.

В десятую годовщину освобождения Крыма от врангелевщины и окончательного установления там Советской власти бывшие крымские работники собрались в Татарском клубе в Малотатарском переулке в Замоскворечье. Пришли подпольщики и красные партизаны, очень многие политработники и командиры Красной Армии — участники освобождения полуострова в 1920 году. Гавен выступил с воспоминаниями.

Последний год из семи лет на посту члена президиума Госплана Гавен больше болел и лечился, чем работал. Его это угнетало. Лечили его в Кремлевской больнице и санаториях, где он отлеживался по нескольку месяцев. Снова вскрылись свищи на щиколотке и начался вторичный процесс туберкулеза голеностопного сустава. В конце марта 1931 года ему пришлось оставить непосильную для него работу в сельхозсекции Госплана.

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

С 1931 года Юрий Гавен почти два года работал в Германии в должности директора советской нефтеторговой фирмы «ДЕРОП». Немцы тогда охотно покупали у нас нефтепродукты. Шел к концу короткий век Веймарской республики. Нацисты одурманивали массы своими шовинистическими демагогическими лозунгами, завоевывали голоса избирателей. Союз красных фронтовиков был распущен, а гитлеровцы вооружались.

Гавен был неплохо знаком с экономическим состоянием и политическим положением в Германии. Хорошо зная немецкий язык, он постоянно следил за периодикой и экономической литературой. Он обосновался в Нюрнберге, где находилась главная контора «ДЕРОП». Бавария, Мюнхен и Нюрнберг — колыбель коричневорубашечников. Гавен досыта наслушался их и возненавидел.

После победы гитлеровцев на выборах в рейхстаг началась оргия фашистского террора, ужасающие беззакония и произвол. Узники фашистских тюрем проводили общую голодовку. Только находясь в самом логове нацистов, Гавен полностью постиг значение мопровской помощи репрессированным коммунистам и их семьям.

Начались аресты и избиения советских граждан, находившихся в Германии. Гавен с трудом выбрался из нацистского ада и некоторое время лечился в Швейцарии. Швейцарский курорт немного поправил здоровье.

Первое время после возвращения на родину он себя чувствовал настолько сносно, что пробовал обходиться без костылей, опираясь на трость. 23 мая Юрий Петрович выступил с воспоминаниями на вечере крымского землячества в ЦДКА. Но вскоре процесс обострился и на здоровой ноге появился тромбофлебит, лишивший его возможности становиться на ноги. Врачи запретили всякую работу.

Минула десятая годовщина со дня смерти Ленина. На руках у больного Гавена были тезисы ЦК партии: «Десять лет без Ленина по ленинскому пути». Читал отчеты о XVII партийном съезде. Его часто навещали старые товарищи. Бывал Ян Рудзутак, выбранный на XVII съезде в Политбюро ЦК, приходили старый Эндруп, Ян Ленцман, Юрий Межин, Давид Бейка, Карл Бегге, Карл Ландер, Александр Спундэ и другие.

На открытии Центрального музея каторги и ссылки в Доме политкаторжан в Лопухинском переулке для Гавена специально поставили койку, и он мог лежа присутствовать на этом

каторжанском торжестве. Через месяц он таким же образом участвовал в торжествах в Обществе политкаторжан по случаю годовщины их мартовской амнистии 1917 года. В марте 1934 года старые товарищи собрались у него в «Метрополе», чтобы отметить пятидесятилетие со дня рождения.

Лежа с туго забинтованными ногами, он не переставал заниматься историей революции. Ни одного дня не проводил он сложа руки, считая это уделом покойника. То просматривал рукописи об истории движения «Лесных братьев», то писал статьи для историко-революционного сборника, готовившегося издательством «Прометей», то возвращался к накопленным архивным материалам о II (Лондонском) съезде СДЛК. Много времени отнимала у него работа над историей революции в Крыму.

К весне 1934 года Равен, воспользовавшись временным улучшением здоровья, сделал в Центральном доме Красной Армии ряд докладов о революции в Крыму. На этих докладах (17, 20, 23 и 29 мая) присутствовало много участников событий. В обсуждении участвовали представители Истпарта, военно-исторических комиссий, историки.

В 1933 году в Москве вышел на латышском языке первый сборник «Памяти павших в революции 1905–1907 годов» (в издательстве «Прометей»), где помещено было более двадцати биографий героев революции, написанных Гавеном. Ни одному другому автору не отведено было в сборнике столько места, сколько Гавену. Писал он и для историко-революционного вестника «Каторга и ссылка». По его предложению было решено ввести во втором сборнике «Памяти павших в революции в Латвии» специальный раздел «Каторга и ссылка».

Живя летом 1934 года в Михайловском в доме политкаторжан, Гавен продолжал много писать. Вся его жизнь была связана с партией. Он шел в первой шеренге атакующих старый мир. Он много знал, видел и пережил. Он считал своим важнейшим партийным долгом передать все будущим поколениям. Политкаторжане любили свой старый гимн «Если погибнуть придется в тюрьмах и шахтах сырых… это отзовется на поколениях живых». Он верил, что отзовется, непременно отзовется на поколениях живых. С надеждой он смотрел на своих троих детей, которым по праву наследства должны были достаться его труды. Его младшие дети летом были в пионерском лагере, а зимой в лесной школе в Кратове. Юрий Петрович прозвал их в шутку «лесными братьями».

Неожиданное постановление о роспуске и ликвидации

Общества старых большевиков воспринималось очень болезненно. Гавену казалось, что он лишился чего-то крайне важного, чего ему вечно будет недоставать.

Ближе к весне 1935 года Гавен снова попытался становиться на ноги. В середине февраля он присутствовал на заседании Исторической комиссии Общества политкаторжан по подготовке к юбилею революции 1905 года. 20 апреля он выступил на собрании бывших крымских подпольщиков с обоснованием правильности действий штаба партизанской армии в 1920 году в тылу врангелевской армии. Речь шла о том, что М. В. Фрунзе заявил лично Гавену, что он остался доволен действиями Крымской партизанской армии и ее штаба, которым руководил А. Мокроусов. Это было едва ли не последнее собрание бывших крымских подпольщиков в Москве.

В двадцатых числах декабря в Исторической комиссии Общества политкаторжан, готовившей материалы к предстоящему юбилею тридцатилетия революции 1905 года, были заслушаны доклады о революции 1905–1907 годов в Латвии. Выступали с докладами живые участники революционных боев Клявин, Бакулин, Седлик, Забицкий, Руслан-Караваев и другие. По просьбе Исторической комиссии Гавен написал свои воспоминания «Январские дни 1905 года в Риге». В 1965 году эта статья была напечатана первой в сборнике «Пройденный путь», изданном на латышском языке в Латвии.

К этому времени вышла на латышском языке книга протоколов II съезда социал-демократии латышского края, которую Гавен редактировал и писал к ней вступительную статью. Издание было сопряжено с некоторыми трудностями. Протоколы, им самим написанные на съезде СДЛК в Лондоне, не сохранились. Нашелся лишь один исковерканный полицейским писарем русский перевод в делах охранки. Книга эта воспринималась тогда как введение к истории революции 1905–1907 годов в латышском крае. Еще были живы старейшие деятели Компартии Латвии, бывшие делегаты II съезда СДЛК. Выход в свет этой книжки протоколов был для них большим событием.

С осени 1935 года Гавен лежал в Кремлевской больнице, а к весне 1936 года его перевели из больницы в Кратовский санаторий ЦК партии. Там он продолжал целыми днями трудиться над своими историческими записями. Еще не дошли до него первые отклики на книгу, еще не обсохла типографская краска, как он, пригвожденный к койке, уже готовил новые статьи и заметки для прометеевского издания второго выпуска «Памяти павших в революции 1905–1907 гг. в Латвии». Он собирался написать историю революции в Крыму. Для этого у него

набралось много архивных документов и воспоминаний товарищей. Был продуман весь план этого большого труда. Работа спорилась. Он давно привык писать лежа. Не было никаких помех.

А мир переживал тревожные дни. Подожженный фашистами, пылал огонь гражданской войны в Испании. Юрий Гавен завидовал своим близким товарищам — Бейке, Мокроусову и другим, дравшимся на Гвадалахаре, в Астурии и в Каталонии. Как и все советские люди, он жаждал победы правого дела испанской революции. Гавен не мог сам сражаться на фронтах. Тяжело больной, он был прикован к нойке. Но, сделав своим оружием перо, он по-прежнему шел в первых рядах большевиков.

Жизненный путь его оборвался неожиданно и трагически, но светлое имя Гавена живет ныне в сердцах советских людей.

Москва, 1965 год

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аболтин Емельян Яковлевич, член КПСС с 1902 г. Руководитель Руйенского восстания 1905 г. Организатор боевых рабочих дружин в 1906–1907 гг. Арестован в 1908 г. В 1909 г. приговорен военным судом к смертной казни. Пять лет симулировал сумасшествие и в 1913 г. был освобожден из тюрьмы. Во время оккупации немцами Латвии в 1918 г. был арестован и заключен в концлагерь. В 1919 г. на профсоюзной работе в Риге. В 1920 г. член советской Комиссии по обмену военнопленными в Эстонии и Польше. Позднее уполномоченный Исполкома Коминтерна. В 1923–1925 гг. член президиума Крымской областной партийно-контрольной комиссии и член коллегии РКИ. В дальнейшем на партийной и советской работе.

Акулов Иван Александрович, член КПСС с 1907 г. В 1908 г. арестован, отбывал год крепости в «Крестах» и выслан на 2 года в Самару. С 1913 г. в Петербурге секретарь Союза металлистов. Активный участник Октябрьской революции. В гражданскую войну на партийной работе на Урале (член Златоустовского штаба). В 1919 г. в Оренбурге председатель губкома РКП(б). В начале 1921 г. секретарь Крымского областкома РКП(б), в 1922 г. член президиума ЦК Союза горняков. На XII съезде партии избран в члены ЦКК, делегат ряда общепартийных съездов и конференций, делегат II и VIII съездов Советов, член президиума ЦИК СССР, член президиума ВЦСПС. С середины 1933 г. — главный прокурор СССР.

Александрова Наталья Алексеевна, член КПСС с 1902 г. Активная участница революции 1905–1907 гг. Сидела в Иркутской тюрьме. В 1907 г. сослана в Якутск. После Февральской революции в 1918 г. была членом редколлегии первой большевистской газеты в Крыму «Таврическая правда». В 20-х годах работала в Москве в Главполитпросвете редактором РОСТА, а позднее — в Истпарте.

Бабахай Сергей Яковлевич (Бабаханян Сисак Лкопович, Николай), член КПОС с 1917 г. С 1915 г. участник социал-демократического движения. В феврале 1917 г. принимает участие в аресте Николая II и его семьи. Летом 1919 г. член Совета обороны Крыма. Руководитель большевистского подполья в Крыму в 1919–1920 гг., секретарь подпольного областного комитета партии, организатор партизанской борьбы в тылу белой

армии. После освобождения Крыма в 1920–1921 гг. член бюро обкома РКП(б). После окончания Института красной профессуры работает в Москве в Наркомземе и в Наромпроде.

Бегге Карл Микелевич, рабочий, член КПСС с 1902 г. Активный участник революции 1905–1907 гг. Сопроцессник Гавена по делу 44-х и товарищ по каторге. В 1913 г. сослан в Сибирь. В 1914 г. бежит из ссылки и эмигрирует во Францию. После Октябрьской революции на руководящей работе во Внешторге, председатель «Промэкспорта», член президиума ВСНХ СССР, депутат Моссовета.

Берзин Ян Антонович, сельский учитель, член КПСС с 11902 г. Активный участник революции 1905–1907 гг. В 1906 г. участник Брюссельского совещания социалистических партий, член Международного социалистического бюро. В 1907 г. секретарь Петербургского комитета РСДРП. Участник V съезда РСДРП и II съезда СДЛК в Лондоне, член ЦК СДЛК. Один из близких товарищей В. И. Ленина. В Париже Ян Берзин — член партийно-школьной комиссии (Лонжюмо). Участник Циммервальдской и Кинтальской конференций левых (интернационалистов) СД. Принимает активное участие в Октябрьской революции. На VI съезде избирается в ЦК РСДРП(б). На И съезде Советов избран членом ВЦИК. В 1919–1920 гг. секретарь и член президиума Исполкома Коминтерна. Позднее полпред в Финляндии, Австрии, Англии. С 1932 г. заведует Центроархивом, редактор журнала «Красный архив», член редколлегии Большой Советской Энциклопедии.

Ватин (Быстрянский) Вадим Александрович член КПСС с 1907 г. В 1909 г. арестован в Петербурге. После 2 лет тюрьмы сослан в Сибирь на Енисей. Один из организаторов большевистского революционного подполья в Минусинске. Автор трудов по истории Сибири. После революции ведет большую партийную и научную работу. Профессор, член Петроградского комитета партии. С 1940 г. работал в Москве, в «Правде».

Вульфсон-Давыдов Семен Давыдович, член КПСС с 11902 г. Активный участник революции 1905–1907 гг. В 1907 г. арестован. После побега с тюремного этапа эмигрирует в Швейцарию. Участник совещания заграничных большевистских организаций в Женеве. В 1908 г. член Бакинского комитета РСДРП, в том же году арестован и сослан в Архангельск. После революции работал в Симферополе. В 1919 г. член Временного Крымского рабоче-

крестьянского правительства. В 11920 г. член Крымревкома и член бюро областного комитета РКП(б). Позднее председатель Московского союза потребительских обществ, работает во Внешторге. Торгпред в Австрии и в Италии.

Городецкий Яков Федорович, рабочий, член КПСС с 1900 г. Один из основателей крымской организации РСДРП до II съезда партии. В 1902 г. арестован и сослан в Восточную Сибирь. В 1905 г. побег из ссылки. В 1907 г. опять арестован и сослан в Архангельскую губернию. После побега из ссылки эмигрирует в Париж. В 1918 г. направлен в Крым (Севастополь) на подпольную работу. В 1919 г. член Временного Крымского рабоче-крестьянского правительства. В 20-х и 30-х годах на хозяйственной работе в Ростове-на-Дону.

Дауге Павел Георгиевич, старейший деятель КПСС. Активный участник революционного движения. Бывший народный учитель. Перевел на латышский язык отдельные труды Карла Маркса, Энгельса, Ленина, имеет свои труды по истории революции в Латвии. В 1918–1919 гг. нарком просвещения Советской Латвии. В 1919–1920 гг. член коллегии Наркомздрава РСФСР. В 20-х годах руководит Латышской секцией Коммунистического университета национальных меньшинств Запада в Москве. Избран членом ВЦИК и членом Комакадемии.

Димандштейн Семен Маркович, рабочий, член КПСС с 1904 г. Активный участник революции 1905–1907 гг. Член Рижского комитета СДЛК. Арестован в 1908 г. и приговорен военным судом к четырем годам каторги по делу 44-х. В 1913 г. был сослан в Сибирь. В начале 1914 г. бежал из ссылки, эмигрировал во Францию, где был членом Комитета большевистской секции в Париже. После революции редактирует в Риге газету «Окопная правда», вступает в Красную гвардию. В дальнейшем избирается в члены ЦК Компартии Латвии, в ЦК КП(б)У, в Туркестанское бюро ЦК РКП(б), член коллегии Наркомнаца, член ВЦИК и ЦИК, член Комакадемии. Директор Института национальностей ЦИК СССР. Председатель Совета Национальностей ЦИК.

Елагин Андрей Нилыч, присяжный поверенный, член КПСС с 1898 г. В 1903 г. партийный организатор в Москве и в Подольске, где сблизился со всей семьей Ульяновых. С 1915 г. в Крыму. В 1918 г. председатель ревкома в Евпатории. В 1919—И920 гг. начальник агитпоезда «Красный Восток». В 20-х годах

заместитель наркомвнудела в Крыму, наркомюст КрымАССР, член президиума КрымЦИК, член КрымЦКПомгола, председатель Крымского союза сельхозкооперации.

Захаров Степан Степанович, рабочий, член КПСС с 1907 г. Арестован в 1909 г. и до 1911 г. заключен в Таганской тюрьме. В революцию избран членом полкового комитета. В Октябрьскую революцию начальник штаба Красной гвардии Бутырского района в Москве. В 1918–1919 гг. в Красной Армии. В 1919 г. секретарь Крымревкома, секретарь Симферопольского уездного комитета РКП(б), в 1922–1925 гг. секретарь Рогожско-Симоновского комитета и член МК ВКП(б). В дальнейшем на руководящей партийной работе.

Зедин Карл, член КПСС с 11903 г. С юношеских лет плавал юнгой на кораблях Северного пароходства. В 1903 г. поступил в Мангельское мореходное училище в Риге, по окончании которого стал капитаном торгового флота. В первую мировую войну служил на Черноморском флоте, в 1916 г. был ранен под Трапезундом. В сентябре 1917 г. был избран от Черноморского флота в Центрофлот, участвовал в штурме Зимнего дворца. После Октябрьской революции входит в состав военморревкома. Член советской делегации по мирным переговорам с немцами, подписывает акт о перемирии на фронтах. С декабря 1917 г. член Черноморского центрофлота, член президиума Севастопольского военно-революционного комитета. В январе 1918 г. он возглавляет морской десант и устанавливает Советскую власть в Ялте. В феврале—марте 1918 г. возглавляет отряды моряков, сражавшихся против германских оккупантов на Украине. В июне — июле 1918 г. комиссар Северо-Кавказского военного округа, а позднее командует советской флотилией на Средней Волге. С апреля 1919 г. начальник Морского управления Латвийской советской республики, член реввоенсовета Балтфлота.

Кажмер Юлиан Петрович, сельский учитель, член ЦК СДЛК, делегат ряда съездов партии, член мандатной комиссии V съезда РСДРП, руководит всеми сельскими организациями СДЛК. В 1909 г. приговорен военным судом к 4 годам каторги. После революции попал из ссылки в Крым, работал в Ялте. Состоял членом Общества старых большевиков.

Карклин Отто Янович, рабочий, член КПСС с 1902 г. Активный участник революции 1905–1907 гг., арестован в 1908 г. В 1909 г. приговорен военным судом к 8 годам каторги по делу

44-х. Каторгу отбывал в Рижском централе. В 1916 г. сослан в Верхоянск. В 1918 г. активно участвует в установлении Советской власти в Латвии. На I Всероссийском съезде Советов избран во ВЦИК. В 1918 г. председатель Ревтрибунала в Москве. В 20-х годах в Верховном Суде РСФСР, позднее — на руководящей советской работе.

Кереметчи Гавриил Авдеевич, член КПСС с 1918 г. Активный участник революции 1905–1907 гг. В 1917–1918 гг. депутат Севастопольского Совета. В 1918 г. член ЦИК Кубано-Черноморской советской республики; с июля 1918 г. член Северо-Кавказского краевого комитета партии; член ВЦИК и нарком юстиции Северо-Кавказской советской республики; в 1919 г. член Крымского областного комитета РКП(б). С 1921 г. секретарь Евпаторийского и других уездных комитетов РКП(б); председатель окружных исполкомов; член КрымЦИК и Крымского совнаркома; уполномоченный ВЦИК РСФСР в Крыму по делам национальностей; член КрымЦКпомгола; председатель Крымского животноводсоюза, член партийно-контрольной комиссии. С 1931 г. заместитель директора завода «Фрезер» в Москве. В дальнейшем в Крыму на хозяйственной работе.

Ландер Карл Иванович, бывший народный учитель, член КПСС с 1905 г. Активный участник революции 1905–1907 гг. Восемь раз подвергался арестам. Сидел в тюрьмах. В 1917 г. председатель военревкома Западного фронта (Минск). В Октябрьскую революцию назначается наркомом государственного контроля РСФСР. В 1920 г. он уполномоченный ВЧК на Северном Кавказе и в Донской области. В 1921–1923 гг. уполномоченный Советского правительства при иностранных миссиях помощи голодающим в России, позднее член коллегии Наркомвнешторга. Автор трудов по истории Латвии.

Ленцман Ян Давыдович, рабочий, член КПСС с 1899 г Активный участник революции 1905–1907 гг., член ЦК СДЛК, много раз подвергался арестам и ссылке. Делегат нескольких съездов СДЛК и РСДРП. После Октябрьской революции член ВЦИК и наркомвнудел Советской Латвии. В 1919 г. член реввоенсовета 15-й армии, позднее работает в реввоенсовете РСФСР. В конце 20-х и в 30-х годах на руководящей советской работе.

Лиде Адольф, член КПСС с 1913 г. В 1914 г. арестован и приговорен к каторге. После революции на партийной работе С

1918 г. работает в органах ВЧК, затем комиссар дивизии. В 1919 г. избран членом ВЦИК РСФСР, в 1920–1921 гг. Лиде заместитель председателя Крымского ревкома и член бюро Крымского областного комитета РКП(б). С 20-х годов болел прогрессирующим параличом рук и ног (последствия тяжелой каторги).

Лиешшь Оскар Якобович («Спартак»), рабочий, член КПСС с 1904 г. Школьный товарищ Гавена, состоял в боевых рабочих социал-демократических дружинах, активный участник революции 1905 г. За убийство полицейских был приговорен к смертной казни, замененной 15 годами каторги (товарищ Гааена по вологодской каторге). После революции попал в Ялту в Ливадийский санаторий политкаторжан, больной туберкулезом. Здесь активно участвует в партийной жизни. В январе 1918 г, возглавляет один из отрядов, борющихся против курултаевских эскадронов и белогвардейцев. В 1918–1919 гг. уходит в подполье. В 1919 г. член Ялтинского ревкома. В том же году умер от чахотки. В 1918 г. вышла книжка стихов Оскара Лиепиня («Спартака») — «В кузнице жизни».

Лутер Иван (Янис) Генрихович («Бобис»), член КПСС. Активный участник революции 1905–1907 гг. Участник вооруженного побега и экспроприации Государственного банка в Гельсингфорсе в 1906 г. Член ЦК СДЛК, главный закупщик оружия для боевых рабочих дружин и транспортировщик этого оружия через границы в Россию. В гражданскую войну и после нее на руководящей партийной и советской работе.

Межин Юрий Юрьевич, член КПСС с 1904 г. Активный участник революции 1905–1907 гг., профессиональный революционер. Сопроцессник Гавена по делу 44-х. Приговорен к 4 годам каторги. В 11912 г. сослан на Лену. После Октябрьской революции прокурор РСФСР. Много лет был на руководящей работе в НКПС.

Миллер (Шепте) Жан Августович, член КПСС с 1902 г., участник Кулдигского вооруженного восстания в 1905 г., потом «лесной брат», делегат Таммерфорсской конференции боевых военных организаций РСДРП. В 1907 г. эмигрирует в Англию и в США. После Февральской революции возвращается в Петроград, откуда командируется ЦК РСДРП(б) в Крым. Председатель ЦИК Республики Тавриды в 1913 г. На VI Всероссийском съезде Советов избран во ВЦИК РСФСР. С 1919 по 1931 г. живет в США,

где активно участвует в организации компартии. С 1931 г. жил и работал в Москве.

Мирный Семен Максимович, член КПСС с 11918 г. Член подпольного обкома в Крыму, в 1919 г. редактор газеты «Таврический коммунист». В 1921—11923 гг. учится в Военной академии. С 1923 до 1937 г. на работе в Советском дипломатическом представительстве в Турции, Норвегии, Венгрии (первый секретарь посольства) и в Швеции (советник посольства). С 1955 г. главный библиограф Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, с 1961 г. персональный пенсионер.

Мокроусов Алексей Васильевич, рабочий-шахтер, член КПСС с 1928 г. Активный участник революции 1905–1907 гг. В 1908 г. призван на военную службу — матрос Балтфлота. В 1912 г. арестован за революционную пропаганду среди матросов, бежал из-под ареста и эмигрировал. В эмиграции принимал участие в рабочем движении. После революции в 1917 году возвратился в Россию и направлен в Черноморский флот. В октябре 1917 г. избран депутатом Севастопольского Совета, затем принял активное участие в Октябрьском революционном восстании в Петрограде. В ноябре 1917 г. возглавляет в Севастополе первый революционный отряд моряков, направленных на Дон для борьбы с каледин-цами, сражался против корниловцев под Белгородом. В январе 1918 г. командует десантом революционных моряков в Феодосии. В марте 1918 г. начальник Севастопольского областного штаба Красной Армии, участвует в боях против наступавших на Крым германских войск. В 1919 г. сражался на Украине как командир 3-й бригады 58-й дивизии, которой командовал И. Ф. Федько. В 1920 г. командует Крымской повстанческой армией в тылу Врангеля. После окончания гражданской войны — на ответственной хозяйственной работе в Крыму. Участник гражданской войны в Испании и Великой Отечественной войны.

Носов Иван Петрович, член КПСС с 1904 г. Активный участник революции 1905–1907 гг., соратник М. В. Фрунзе и А. С. Бубнова в иваново-вознесенский период их революционной деятельности. С 1924 г. секретарь Крымского областного комитета ВКП(б). В 30-х годах член бюро и секретарь МК ВКП(б). Делегат ряда съездов партии и всесоюзных съездов Советов.

Островская Надежда Ильинична, член КПСС с 1901 г. Активная участница революции 1905–1907 гг. В 1907 г.

эмигрировала. В августе 1917 г. направлена ЦК РСДРП(б) в Севастополь, где сыграла большую роль. В декабре 11917 г. была отозвана в распоряжение ЦК партии. В 1918 г. член Кубано-Черноморского комитета РКП(б) и заместитель председателя ЦИК Кубано-Черноморской республики. В 20-х и 30-х годах — на партийной и советской работе.

Пиече Ян Якубович, рабочий, член КПСС с 1903 г. Активный участник революции 1905–1907 гг., организатор боевых дружин и «лесной брат». Много раз арестовывался, был сослан в Нарымский край. Эмигрировал в Германию. В Октябрьскую революцию один из организаторов Московского восстания. В 1919 г. политический комиссар Латвийской Красной Армии, позднее политический комиссар армейской группы в Крыму и член Крымского областного комитета РКП(б). В 1920–1921 гг. ведет борьбу за установление Советской власти в Закавказье. В дальнейшем на советской и партийной работе.

Петриковский (Петренко) Сергей Иванович, член КПСС с 1911 г., студент Петербургского университета, пропагандист, с 1913 г. связной между большевистской фракцией Государственной думы и В. И. Лениным, едет в Краков к Ленину с различными поручениями. В 1915 г. был арестован и сослан на Енисей. После революции делегат VII (Апрельской) конференции большевиков. После Октябрьской революции на руководящей военно-партийной работе. Начальник штаба 1-й повстанческой дивизии на Украине, начальник штаба Заднепровской советской дивизии. После освобождения Крыма в апреле 1919 г. назначается начальником штаба и заместителем командующего крымской Красной Армией, членом Совета обороны Крыма.

Активный участник гражданской войны. После гражданской войны на преподавательской работе в Советской Армии и в вузах Москвы.

Пожаров Николай Арсеньевич, рабочий, член КПСС с 1916 г. С 1915 г. служил в минно-учебном отряде Балтийского флота. В 1916 г. приговорен к тюремному заключению за антивоенную агитацию среди матросов. После революции избран депутатом Кронштадтского Совета, членом Кронштадтского комитета большевиков и членом Центробалта. В сентябре 1917 г. направлен ЦК партии в Севастополь, избран членом военно-революционного комитета, председателем исполкома Севастопольского Совета, комиссаром по охране крепости и города, членом ЦИК Таврической республики, членом Верховного

военно-революционного штаба Тавриды. В 1918 г. комиссар штаба Северного фронта, делегат VI Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов. В 1919 г. комиссар оперативного управления штаба Западного фронта и председатель Ревтрибунала фронта. С 1923 г. на партийной работе в Ленинграде.

Полонский Иосиф Матвеевич (Степа), рабочий, член КПСС с 1907 г., участник Мозырьского и Черкасского восстаний 1905 г. В 1909 г. арестован и сослан в Енисейскую губернию. В 1911 году бежал из ссылки и эмигрировал. Состоял в Парижской секции большевиков. После революции возвратился в Россию. В 1918–1919 гг. один из руководителей подпольного областного комитета РКП(б) в Крыму, а затем член Временного Крымского рабоче-крестьянского правительства в 1919 г. и член обкома партии. В начале 20-х годов на руководящей работе в Наркомтруде РСФСР и на профсоюзной работе в Сибири и в Москве. Позднее на ответственной работе в нашем торговом представительстве в Париже. В настоящее время персональный пенсионер союзного значения.

Поплавский Семен Михайлович, рабочий, член КПСС с 1903 г. Активный участник революции 1905–1907 гг. В 1917–1918 гг. один из руководителей евпаторийской организации большевиков. После освобождения Крыма в 1920 г. на руководящей партийной и советской работе в Крыму. В 1922—11923 гг. член президиума КрымЦКпомгола. В 1923–1924 гг. член областной партийно-контрольной комиссии в Крыму. Во второй половине 20-х годов на ответственной работе в ВСНХ СССР, член РКК Рогожско-Симоновского (Пролетарского) района Москвы, член Московской контрольной комиссии.

Реденс Станислав Францевич, рабочий, член КПСС с 1914 г.

С юношеских лет работает на заводе в Донбассе. С 1918 г. в ВЧК—ОГПУ—НКВД. С 1922 до 1924 г. в Крыму уполномоченный ВЧК и председатель КрымЧК. С 1924 г. в ВСНХ секретарь Ф. Э. Дзержинского и начальник национального отдела ВСНХ СССР. Затем снова на работе в ОГПУ — НКВД.

Саид-Галиев Сахибгирей, рабочий, член КПСС с 1917 г. С 1915 г. рядовой царской армии, ведет антивоенную агитацию среди солдат. В Октябрьскую революцию организатор красногвардейских отрядов на Урале, затем активный участник гражданской войны против колчаковцев. Позднее избирается

первым председателем Совнаркома Татарской республики. Саид-Галиев — делегат II конгресса Коминтерна. На VII, VIII и XI съездах Советов избирается членом ВЦИК РСФСР. С 1921 г. председатель Совнаркома в Крыму, с 1925 г. работает в Москве на ответственных постах. Делегат IX, X, XII, XIII съездов партии, член Центральной контрольной комиссии партии.

Спундэ Александр Петрович, член КПСС с 1909 г. Арестован в 1912 г. после года тюрьмы сослан на Енисей. Принимал активное участие в Октябрьской революции в Петрограде. В 1919–1922 гг. председатель губкома челябинской организации РКП(б). В 1924 г. член Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б). В 1925 г. член правления Всероссийского союза сельскохозяйственной кооперации. В 1926–1928 гг. член правления Госбанка СССР, в 1929 г. член коллегии Наркомфина СССР, в 30-х годах член коллегии НКПС.

Эндруп Рудольф Янович, член КПСС с 1902 г. Активный участник революции 1905–1907 гг. Много раз подвергался арестам. Делегат первых съездов СДЛК и V (Лондонского) съезда РСДРП. В 1916 г. сослан в Сибирь. Из ссылки бежал. В 1918–1919 гг. председатель Рижского Совета рабочих и солдатских депутатов. В 20-х годах работает в Латышской секции Исполкома Коминтерна. В 30-х годах работает в Госбанке. Руководит издательством «Прометей» в Москве.

Янсон Яков Давидович, член КПСС с 1904 г., активный участник революции 1905–1907 гг. (сопроцессник Гавена). Арестован в 1908 г. В 1909 г. приговорен военным судом к 6 годам каторги. По окончании срока каторги был сослан в Верхоянск (Мензурку). После Октябрьской революции на руководящей советской работе. Первый торговый представитель СССР в США, член коллегии Наркомата внешней торговли СССР.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

I

В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, изд. 5-е, тт. 9, 11, 12, 14, 15, 19, 20, 26, 34, 36, 37, 38, 42, 50, 52.

Ленинские сборники, тт. XVIII, XXXIV.

Военная переписка В. И. Ленина (1917–1922). М., Воениздат, 1966.

II

ВКП(б) в резолюциях съездов и конференций, ч. I. III съезд РСДРП. М., 1940.

Протоколы IV съезда РСДРП. М., 1959.

Протоколы V Лондонского съезда РСДРП. М., 1935.

Протоколы VIII съезда РКП(б). М., 1959.

Протоколы II съезда СДЛК (на латышском языке). М., 1935.

III

Очерки истории КП Латвии, ч. 1. М., 1960.

История гражданской войны в СССР, т. 1, стр. 229. М., 1938.

Из истории гражданской войны в СССР, т. 1, стр. 605. М., 1960.

IV

Борьба за Советскую власть в Крыму. Сборник I. Крымиздат, 1957; Сборник II.

Крымиздат, 1961.

Борьба за Советскую власть в Латвии в 1919 г., стр. 419 и 704. Рига, 1964.

Десять лет Советского Крыма. Сборник. Крымиздат, 1930.

Итоги Лондонского съезда РСДРП 1907. Сборник. СПБ, 1907.

Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть. Сборник. Рига, 1962.

Ленин и Горький. Сборник, стр. 332. М., АН СССР, 1961.

Я. Лутер-Бобис. Сборник. Рига, 1962.

Минусинская коммуна. М.—Л., ОГИЗ, 1934.

О Владимире Ильиче Ленине, Воспоминания Н. Н. Накорякова. М., 1963.

Пять лет Советского Крыма. Юбилейный сборник. Крымиздат, 1926.

Памяти павших борцов революции 1905–1907 гг. в Латвии (на латышском языке). М., 1933.

Пятый (Лондонский) съезд партии. М., 1923.

Революция в Крыму. Крымиздат, 1922–1924. Вып. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9.

К. М. Бегге, В Рижской центральной тюрьме (на лат. яз.). Рига, 1965. В сборнике «Пройденный путь».

Д. С. Бейка, Записки «лесного брата». М., 1937.

С. И. Беляевский, Большевики в минусинской ссылке. Красноярск, 1964.

Я. А. Берзин, О формировании большевизма в рабочем движении Латвии.

К. И. Гандурин, О Лондонском съезде РСДРП 1907 г. М. — Л., 1931.

М. Н. Гернет, История царской тюрьмы, т. V. М., 1956.

П. Г. Дауге, Революция 1905–1907 гг. в Латвии. Рига, 1949.

Т. Драудин, Остзейские бароны и латвийское крестьянство. «Известия АН Латв. ССР», 1955, № 11.

В. К. Жуков, Черноморский флот в революции 1917—11918 гг. М.—Л., 1931, 1932.

С. С. Захаров, Путь к коммунизму. М., Истпарт, 1922.

Р. П. Катанян, Арменуи Оввян. «Известия АН Армении», 1964, № 8.

Я. П. Крастынь, Революция 1905–1907 гг. в Латвии. М., 1952.

М. Кубанин, Махновщина. Л., 1927.

В. Кукель, Правда о потоплении черноморских кораблей в Новороссийске.

См. «Моряки в борьбе за Советскую власть». Киев, 1963.

М. Н. Лядов, Из жизни партии в 1903–1907 гг. М., 1956.

П. Н. Надинский, Победа Октябрьской революции в Крыму. Симферополь, 1957.

Ю. Н. Нетесин, Рабочее движение в Риге. Рига, 1958.

Я. Я. Пиече, О «лесных братьях». См. «Пролетарская революция», 1926, № 3.

Ф. Н. Самойлов, По следам минувшего. М., 1954.

Е. Д. Стасова, Страницы жизни и борьбы. М., 1960.

П. Стучка, Борьба за Советскую власть в Латвии в 1919 г. Рига, 1964.

Л. Н. Толстой, О Карле Ландере, т. 75. М., 1956.

С. Ушерович, Смертная казнь в царской России. Харьков, 1932.

И. С. Чирва, Крым революционный. Киев, 1963. И. Янсон-Браун, Революция в Прибалтике. М., 1924.

П. Янсон, Карательные экспедиции в Прибалтийском крае в 1905–1907 гг. Л., 1926.

V

В книге использованы материалы Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС, партийных архивов ЦК КП Латвии, Крымского ОК КП Украины, центральных государственных архивов Октябрьской революции, Советской Армии, Военно-исторического архива, госархивоз Латвийской ССР, Московской и Крымской областей, сборники документальных материалов, периодические издания, статьи и речи Ю. Гавена, а также стенограммы докладов и речей Ю. П. Гавена, Ж. А. Миллера, Н. А. Островской, рукописи воспоминаний: С. Я. Бабахана, Августины Боксберг, Л. И. Воеводы, Д. М. Вольфсона, Термины Дауман-Милгравис, Н. Г. Дугачева, А. К. Лынтина, С. М. Мирного, К. К. Максимовой, П. Н. Новицкого, А. С. Оввян, Н. К. Сапронова, И. Семенова, А. П. Спундэ, И. Ф. Федосеева, а также воспоминания Мокроусова А. В., Папанина И. Д. и других деятелей и участников революции в Крыму.

notes

Примечания

1

В. И.Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 202.

2

В. И. Ленин, ПСС, т. 11, стр. 269.

3

В. И. Ленин, ПСС, т. 12, стр. 181.

4

В. И. Ленин, ПСС, т. 14, стр. 7.

5

«Протоколы V съезда РСДРП». М., Партиздат, 1935, стр. 384.

6

В. И. Ленин, ПСС, т. 19, стр. 305–307.

7

В. И. Ленин, ПСС, т. 20, стр. 387–388.

8

«Правда», 21 февраля 1924 года. Из воспоминаний о беседе В. И. Ленина с Борисом Футоряном 6 марта 1919 года.

9

В. И. Ленин, ПСС, т. 34, стр. 239, 276; 280.

10

Молельно менонитов, где заседали большевики, тогда прозвали «большевистским гнездом».

11

В. И. Ленин, ПСС, т. 50, стр. 49–50.

12

Военная переписка В. И. Ленина (1917–1922). М., Воениздат, 1966, стр. 58.

13

Из истории гражданской войны в СССР, т. 1. М., 1960, стр. 560.

«Исторический архив», 1960, № 2, стр. 40.

15

В.И.Ленин, ПСС, т. 38, стр. 278.

16

В. И. Ленин, ПСС, т. 52, стр. 196–197.

17

КрымЭКОСО — постоянное экономическое совещание Совнаркома Крыма.

18

ОХРИС — Отдел охраны памятников искусств и старины.

19

АХРР — Ассоциация художников революционной России.